

**Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Алтайский государственный университет»**

На правах рукописи

Марковская Вера Ивановна

**ОРТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЦЕДУРА
В ДЕРИВАЦИОННОМ АСПЕКТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ НАРУШЕНИЙ СИНТАКСИЧЕСКИХ НОРМ)**

специальность 10.02.01 – русский язык

**Диссертация
на соискание ученой степени кандидата филологических наук**

Научный руководитель –
доктор филол. наук,
профессор **А.А. Чувакин**

Барнаул – 2005

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК условных обозначений	3
ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПИСАНИЯ НАРУШЕНИЙ СИНТАКСИЧЕСКИХ НОРМ В УЧЕБНОМ ТЕКСТЕ	11
1.1. Языковая и текстовая нормы в синтаксисе учебного текста. Понятие ортологической процедуры	11
1.2. Деривационный механизм ортологической процедуры	29
ВЫВОДЫ	38
ГЛАВА 2. ОРТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЦЕДУРА УСТРАНЕНИЯ СОБСТВЕННО-СИНТАКСИЧЕСКИХ НАРУШЕНИЙ	40
2.1. Синтаксический параллелизм	41
2.2. Нарушение порядка слов в предложении	45
2.3. Синтаксическая недостаточность	54
2.4. Разнотипность частей высказывания	55
2.5. Смещение конструкций	57
2.6. Смешение прямой и косвенной речи	58
2.7. Нарушение норм управления различных частей речи при фразеологической спаянности компонентов	60
2.8. Нарушение спаянности компонентов предложения	68
2.9. Нарушения обозначения скрещивающихся понятий	72
2.10. Синтаксические номинанты	73
2.11. «Псевдокатегория» предложения	76
ВЫВОДЫ	78
ГЛАВА 3. ОРТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЦЕДУРА УСТРАНЕНИЯ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ НАРУШЕНИЙ	82
3.1. Двойное чтение предложения	83
3.2. Нарушение закона противоречия	112
3.3. Каламбурность речи	115
ВЫВОДЫ	124
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	127
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	132

СПИСОК условных обозначений

- ' – логическое ударение и его местонахождение;
- ↗ – знак отмены нарушения синтаксической нормы;
- ; ≈ и т.п. – способ подчеркивания;
- переход исходного предложения в предложение-дериват.

ВВЕДЕНИЕ

Данная диссертационная работа посвящена исследованию проблемы ортологической процедуры в деривационном аспекте на материале нарушений синтаксических норм.

Понятие ортологической процедуры разработано на базе традиционных концепций языковой нормы и способов устранения ее нарушений (Жукова А.Г., 1999, 2000, 2001, 2002, 2003; Жукова А.Г., Кашкорова Г.М., Мандрикова Г.П., 2004). В настоящей работе концепция ортологической процедуры развивается в деривационном аспекте.

Актуальность темы определяется следующими факторами:

во-первых, ростом значимости проблемы нормы современного русского литературного языка, что объясняется углублением сложных, противоречивых процессов в современной речевой коммуникации (Вербицкая Л.А., 2001; Головин Б.Н., 1980; Горбачевич К.С., 1981; Граудина Л.К., 1980; Демидова М.А., 2002; Едличка А., 1988; Жукова А.Г., 1999, 2000, 2001, 2002; Ицкович В.А., 1963, 1968, 1982; Кошич Ф., 1988; Лопатин В.В., 1990, 1988; Мучник Б.С., 1985, 1997; Ремизова М., 1989; Сиротинина О.Б., 1974, и др.);

во-вторых, возросшим в русистике интересом к разработке теории нормы: к аспектам изучения, критериям нормативности, типам и видам нарушений нормы и путям их устранения (Алексеева М.И., Гаранина Н.С., Накорякова К.М., 1975, 1976; Апресян Ю.Д., 1990; Гак В.Г., 1998; Голуб И.Б., 1988, 1997; Гольдин В.Е., 2001; Граудина Л.К., 2001; Кубрякова Е.С., 1991; Мильчин А.Э., 1980, 1992; Сикорский Н.М., 1980; Сиротинина О.Б., 2001; Чельцова Л.К., 2003; Чернышова Т.В., 1998, и др.);

в-третьих, расширением книгоиздательской деятельности и вытекающей из этого факта необходимости решения проблемы совершенствования качества издаваемой учебной литературы (Антонова С.Г., 2001; Буга П.Г., 1987, 1993; Валгина Н.С., 2000; Волкова Л.А., 1988; Гречихин А.А., 1998; Доблаев Л.П., 1972; Древис Ю.Г., 2000; Западова А.В., 1982; Марковская В.И., 2003,

2004, 2005; Рахманина И.И., 1995; Розенталь Д.Э., 1984, 1999, 2004; Смирнова Е.В., 2000, 2003; Федотова З.Н., 2000; Фишер Э., 2002, и др.).

Объектом данного исследования являются предложения учебных текстов, содержащие нарушения синтаксических норм современного русского литературного языка.

Сформулируем основные понятия и положения, принятые в нашей работе.

Поскольку нами проводится работа с текстовым материалом, для нашего исследования важно понятие текста. В современный период текст получил оценку «высшей реалии языка» (Золотова Г.А., 1995); с точки зрения признака и свойств текст рассматривает А.А. Чувакин (2003: 14-15), порождением письменного варианта языка, «грамматическим отображением кусочка действительности» считает текст И.Р. Гальперин (1981: 5-18, 124). В нашей работе мы принимаем за текст основной, но не единственный компонент речемыслительной деятельности (Бабенко Л.Г., 1989). Важнейшими составляющими ее структуры, помимо текста, являются автор (адресант), сама отображаемая действительность, знания о которой передаются в тексте, и языковая система, из которой автор выбирает языковые средства, позволяющие адекватно воплотить свой творческий замысел. Следовательно, структуру текстовой деятельности можно изобразить в виде формулы:

$$\mathbf{T\ авт.} \quad \rightarrow \quad \mathbf{T\ ред.} \quad \rightarrow \quad \mathbf{T\ адр.},$$

где **T авт.** – текст, создаваемый автором, или текст, еще не подвергшийся редакторской обработке;

T ред. – отредактированный текст;

T адр. – воспринятый адресантом текст;

→ – процесс текстовой деятельности.

Специфика учебного текста определяется его адресатом (в нашем случае – студентом высшего учебного заведения). Согласно определению, данному в Педагогическом энциклопедическом словаре, учебник – это «книга, в

которой систематически излагаются основы знаний в определенной области на уровне современных достижений науки и техники» (2002: 301-302).

Вузовский учебник – самое сложное и трудноисполнимое издание среди всего многообразия учебных книг в силу того, что он является способом информационного общения в учебно-воспитательном процессе высшей школы (Гречихин А.А., Древис Ю.Г., 2000: 11).

Основными «логическими качествами» учебного текста являются: **абстрактность** (или отвлеченность), основанная на преимущественном использовании родовых понятий вместо ближайших видовых, конкретных примеров и понятий; **доказательность** как важнейшее средство правильного умозаключения, рассуждения, вывода; **достоверность** как правильное, точное, не вызывающее сомнений отображение мыслью предметов и явлений окружающего мира, проверенное практикой (отсюда одна из самых распространенных ошибок – фактическая недостоверность); **идентичность** (тождественность, равнозначность, одинаковость, подобие предметов, явлений и понятий); **истинность** (истинность информации – это мера ее соответствия предмету); **конкретность**; **логичность**, определяющая, в свою очередь, последовательность, непротиворечивость, доказательность; **модальность**, которая обусловлена зависимостью от характера устанавливаемой им достоверности; **обоснованность** (мысли должны опираться на другие мысли, истинность которых доказана); **объективность**; **однозначность**, отражающая устойчивость, точность мысли в ходе умозаключения; **определенность**; последовательность; **правильность** (соответствие законам и правилам логики); **связность**; **системность**; **содержательность**, отражающая степень соответствия произведения сущности излагаемого предмета; **точность**.

Среди «внелогичных» качеств учебного текста выделяется **искусственность** – неестественное отклонение от основной линии изложения, часто прикрывающее бедность мысли, ее заведомую сомнительность. **Напряженность** изложения требует большей активности восприятия и квалификации читателя. Употребление слов с меньшим понятийным содержанием, расшиф-

ровка значений, введение союзных связей, прокладка «мостиков» между сложными синтаксическими оборотами, введение примеров, повышение уровня конкретности снижают напряженность.

Среди других качеств, затрудняющих восприятие учебного текста, отмечаются **хаотичность** (отсутствие внутренней связи между частями произведения, высказываемыми положениями), **эклектичность** (беспринципное, механическое сочетание или смешение разнородных, несовместимых, исключających друг друга фактов, мыслей, взглядов в плане содержания, выражения и композиции), что может быть и неосознанным результатом плохого знания излагаемого предмета, неумения выделить в массе фактических сведений самое существенное, необходимое, истинное, последовательно и связно изложить материал (Гречихин А.А., Древс Ю.Г., 2000: 78-81).

Адресат учебного текста обладает иным восприятием текста, изложенные в учебной книге сведения он воспринимает как не подлежащие сомнению. В этом случае ошибка в книге или неточность, неясность в изложении обходятся дорого: адресат получает неполную или недостоверную информацию, результатом чего может стать брак в учебе (Смирнова Е.В., Федотова З.Н., 2001: 10-11).

Предметом исследования является ортологическая процедура, обеспечивающая устранение нарушений синтаксических норм.

Аспект исследования – деривационный.

Выбор аспекта предполагает квалификацию предложений, зафиксированных в учебных текстах, как исходных.

Исходное предложение – это предложение авторского, или актуально-наличного текста (Богин Г.И., 1982), т.е. предложение, не подвергшееся редакторской обработке. Соответственно предложение, образованное в процессе его деривационного описания, получает статус *предложения-деривата*.

Деривационные отношения играют важную роль, когда язык рассматривается в его динамике, в процессе использования в речи. Эти отношения

функционально связывают все компоненты синтаксической системы языка (Мурзин Л.Н., 1988: 8-9).

Под деривацией мы понимаем процесс образования производных единиц (в синтаксисе – производных конструкций: словосочетаний и предложений). Следовательно, деривация сводится к тому, что некоторая исходная единица с помощью специальных средств или особых операций модифицируется определенным образом, и это приводит к образованию новой единицы. Такой единицей в нашем исследовании является предложение-дериват, полученное из исходного предложения.

Поскольку материалом нашего исследования является синтаксическая норма, то мы обращаемся к синтаксической деривации.

Деривационный механизм предполагает тождество исходного предложения и продукта деривации – предложения-деривата, выраженных формулой:

$$\text{П исх.} \xrightarrow{\text{Тожд.}} \text{П-д,}$$

где **П исх.** – исходное предложение;

П-д – предложение-дериват;

$\xrightarrow{\text{Тожд.}}$ – сохраненное в процессе деривации тождество исходного предложения и предложения-деривата.

Результатом деривации должно стать «завершенное правильное предложение текста» (Мурзин Л.Н., 1988). Преобразование предложения, которое требуется для этого, мы будем обозначать термином «*трансформация*».

Целью нашего исследования является разработка деривационного механизма ортологической процедуры и контроль за его реализацией на материале нарушений синтаксических норм. Это предполагает решение следующих **задач**:

1. Проведение анализа теоретических основ ортологической процедуры в деривационном аспекте.

2. Осуществление необходимых этапов ортологической процедуры в работе с исследуемым материалом на собственно-синтаксическом и семантико-синтаксическом уровнях.

3. Разработка деривационного механизма ортологической процедуры применительно к каждому из названных уровней.

4. Построение классификации нарушений синтаксических норм, демонстрирующих работу деривационного механизма по их устранению.

Основными методами исследования являются описательно-аналитический, деривационный и трансформационный методы, метод моделирования. Используется также метод лингвистического эксперимента.

Источником исследуемого материала являются тексты, предназначенные для издания учебной литературы в государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Алтайский государственный аграрный университет». Проанализировано 29 текстов учебных пособий по дисциплинам преимущественно профессиональной, аграрной подготовки.

Единицей анализа является предложение. Всего исследовано 1500 предложений (исходные предложения) с нарушением синтаксических норм и более 2200 предложений-дериватов.

Новизна работы состоит в следующем. Разработано понятие ортологической процедуры в деривационном аспекте. Существующая типология нарушений синтаксических норм дополнена классификацией нарушений синтаксических норм на двух уровнях: собственно-синтаксическом и семантико-синтаксическом. Впервые систематически исследован материал учебных пособий, предназначенных для аграрного вуза.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что сформулированные и проверенные на синтаксическом материале положения об ортологической процедуре, рассмотренной в деривационном аспекте, создают возможности для исследования нарушений норм на других языковых и текстовых уровнях.

Осмысление материала учебных текстов одного вуза открывает возможности теоретического исследования нарушений синтаксических и других норм на региональном уровне.

Расширен эвристический потенциал теории деривации.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть применены в редакторской деятельности, материалы и выводы исследования использованы в вузовских курсах стилистики и литературного редактирования, русского языка и культуры речи для студентов негуманитарных специальностей.

Положения, выносимые на защиту:

1. Ортологическая процедура, рассматриваемая в деривационном аспекте, представляет собой деривационно-мотивированную последовательность этапов, обеспечивающих устранение нарушений синтаксических норм.

2. Синтаксические нормы и их нарушения дифференцируются в соответствии с учением об аспектах предложения и могут быть отнесены к области строения предложения (собственно-синтаксические нормы) и семантики предложения (семантико-синтаксические нормы).

3. Синтаксические нормы учебного текста служат адекватному пониманию его содержания; нарушение этих норм влечет за собой неправильное понимание информационного содержания текста.

Апробация исследования. Отдельные положения диссертационной работы обсуждались на пяти международных и всероссийских научно-практических конференциях в городах Санкт-Петербурге (2002 г.), Барнауле (2003, 2005 гг.), Новосибирске (2004 г.), Омске (2004 г.).

По теме диссертации опубликовано 5 работ общим объемом 3 усл. печ. л.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав (первая глава – «Теоретические основы описания нарушений синтаксических норм в учебном тексте», вторая глава – «Ортологическая процедура устранения нарушений собственно-синтаксических норм», третья глава – «Ортологическая процедура устранения нарушений семантико-синтаксических норм»), заключения, библиографического списка, списка источников фактического материала и списка условных обозначений.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПИСАНИЯ НАРУШЕНИЙ СИНТАКСИЧЕСКИХ НОРМ В УЧЕБНОМ ТЕКСТЕ

Данная глава посвящена постановке проблемы ортологической процедуры в деривационном аспекте, обоснованию возможности ее решения на материале нарушений синтаксических норм в учебных текстах.

В главе задана классификация этих нарушений на собственно-синтаксическом и семантико-синтаксическом уровнях, а также сформулирована необходимость выработки деривационного механизма их устранения.

1.1. ЯЗЫКОВАЯ И ТЕКСТОВАЯ НОРМЫ В СИНТАКСИСЕ УЧЕБНОГО ТЕКСТА. ПОНЯТИЕ ОРТОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЦЕДУРЫ

Изучение проблематики языковой нормы имеет свою традицию в современной науке (Ахманова О.С., Бельчиков Ю.А., Веселитский В.В., 1960, 1965). По мнению В.А. Ицковича, «норма – это объективно существующие в данное время в данном языковом коллективе значения слов, их фонетическая структура, модели словообразования и словоизменения и их реальное наполнение, модели синтаксических единиц – словосочетаний, предложений...» (1963: 5).

Основательно проблематика нормы разработана в чешской лингвистике (Едличка А., 1988: 65). Отличительной чертой нормы литературного языка по сравнению с нормой нелитературных образований с языковой точки зрения Б. Гавранек считал ее упорядоченную структуру и внутреннее расслоение (1938).

Теоретическое обоснование получила необходимость сознательного воздействия на практику литературного употребления. Языковая норма осмыслена как динамический, исторический, социально обусловленный феномен. На фоне возросшего объема средств массовой информации и значительного

увеличения количества издаваемой литературы стало больше уделяться внимания нормативным оценкам письменной речи с точки зрения адресанта и с точки зрения «рядового» носителя языка (адресата) (Накорякова К.М., 1994, 2002; Голуб И.Б., Розенталь Д.Э., 1997; Мильчин А.Э., Чельцова Л.К., 2003; Лазарева Э.А., 2000; Сенкевич М.П., 1984).

До настоящего времени популярен тезис С.И. Ожегова в связи с понятием языковой нормы: «Языковая норма – не статистическое явление, ибо распространенной и часто повторяющейся в языке может быть, как известно, и ошибка. Языковая норма есть прежде всего явление типическое, т.е. соответствующее сущности данного социально-исторического явления, а не просто наиболее распространенное, часто повторяющееся, обыденное. Именно поэтому нельзя рассматривать языковую норму как некое статистическое среднее» (1955: 14).

К.С. Горбачевич считает необходимым учитывать признак «степени употребительности», то есть «чисто количественный фактор», хотя, по его мнению, «сам по себе признак распространенности речевого явления еще не может служить надежным показателем его нормативности» (1971: 9).

Теоретическое обоснование получила необходимость сознательного воздействия лингвистов на практику литературного употребления. Так, Г.А. Золотова (1979, 1975), В.А. Ицкович (1982) и др. рассматривали особенности норм на разных уровнях языковой системы. Если в 70-е годы XX века считалось, что теоретическое содержание нормы в общих чертах освоено (Золотова Г.А., 1973), то сегодня высказывается мнение о том, что вряд ли можно говорить о всестороннем теоретическом осмыслении феномена языковой нормы (Виноградов С.И., 1996).

Дело не только в том, что многие вопросы теории языковой нормы прояснены недостаточно, не только в отсутствии единства в трактовке ряда важных понятий. Сегодня проблематика языковой нормы «встроена» в систему знаний о коммуникативном процессе, что не может не влиять на ее содержание. Речевая «раскрепощенность, с одной стороны, стимулирует творческие

потенции языка, с другой, – зачастую дает «зеленый свет» проявлениям безграмотности и дурновкусия» (Жукова А.Г., 2002).

Как видим, языковая норма – сложное и внутренне противоречивое явление, изучение которого осуществляется в нескольких аспектах. Наиболее важными для нашего исследования являются социальный и функционально-коммуникативный аспекты.

К.С. Горбачевич считает, что в социальном аспекте норма понимается как социально одобряемое правило (1971, 1989). По словам С.И. Ожегова, она «кристаллизуется в процессе социальной ...оценки языковых элементов» (1974: 251-273). Л.И. Скворцов связывает понятие нормы с понятием «языкового сознания коллектива» (1980). По утверждению Н.Б. Мечковской (1996), между нормами литературного языка существуют пограничные зоны, где происходит взаимопроникновение этих норм. В.В. Виноградовым (1964: 18), С.И. Ожеговым (1955: 14), Ф.П. Филиным (1966: 20) и другими исследователями давно подчеркивалась решающая роль социальных оценок в истории становления литературной нормы. Письменная форма языка обуславливает наибольшую стабильность, общеобязательность и престижность норм. Языковая норма, по мнению А.Г. Жуковой, Г.П. Кашкоровой Г.М. Мандриковой (2004: 60-61), К. Горалека (1954), М. Ремизовой (1989), является предметом обучения и связывается с образованностью, культурой, хорошей речью, считается общеобязательной, общеупотребительной, распространенной на всей территории проживания данного языкового сообщества. Причем, по утверждению Б. Гавранека (1938), отличительной чертой нормы литературного языка является ее сознательный характер.

А. Едличка отмечает, что для норм литературного языка, с точки зрения их социального характера, оказываются важными такие признаки «или же требования», как устойчивость (стабильность), ее относительное единство и функциональное расслоение. Это означает, что, «например, требование стабильности следует привести в соответствие с естественной изменчивостью, которая свойственна языку как социальному явлению...». Этому отвечает

понятие (принцип) гибкой (эластичной) стабильности, а также принцип динамичности, динамического характера нормы (1988: 66).

Из вышесказанного следует, что работа по совершенствованию письменного языка учебного текста, создаваемого авторами, «идет на пользу социальной коммуникации и обществу» (Качала Я., 1988: 273). Языковая норма, по утверждению А. Едлички (1988: 68), изменяется как в своих отдельных средствах выражения и их взаимных структурных отношениях, так и как отдельное целое.

Авторы книги «Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации (1990: 3-120) считают, что коммуникативное событие, которым является, например, письменный (печатный) литературный дискурс, включает писателя-автора, собственно текст и читателя как аспекты релевантного социального контекста коммуникации, и тогда действует схема «автор-текст-читатель». Имея дело с таким текстом, и автор, и читатель участвуют в социокультурной практике текстовой коммуникации.

Поскольку язык функционирует в человеческом обществе в качестве коммуникативного средства, совершенствование языка понимается как целенаправленная деятельность по его развитию. Совершенствование литературного языка – дело всех, кто пользуется им, но «решающую роль здесь играют творческие группы носителей языка (Качала Я., 1988: 272).

В функциональном аспекте языковой нормы основным можно считать понятие коммуникативной целесообразности (Костомаров В.Г., Леонтьев А.А., 1966; Головин Б.Н., 1988), или адекватность языкового средства цели высказывания (Гавранек Б., 1967: 338-377).

Принцип коммуникативной целесообразности, то есть соответствие нормы ситуации и цели общения, одинаково применим для реализованной и реализуемой нормы, «но для второй он оказывается конструирующим». Прежде всего, понятие коммуникативной целесообразности соотносимо, наряду с языковыми нормами, с нормами более высоких уровней – функционально-стилевыми и коммуникативными. На первом уровне функционально-

го аспекта понятие «языковая норма» ассоциируется с жесткими нормативными требованиями, когда она не зависит от ситуации общения, с разграничением литературных и нелитературных употреблений. Второй уровень (литературный узус) подразумевает действие нормы в соответствии с ситуацией и целью общения, ориентируясь при этом на традицию, и именно здесь проявляется коммуникативная целесообразность – «динамически понимаемая закреплённость языковых средств за данной сферой общения, речевой ситуацией» (Жукова А.Г., Кашкорова Г.М., Мандрикова Г.П., 2004: 70).

Как утверждал Б.Н. Головин, речь создается ее автором не для себя, а для другого: «Помимо автора речь имеет адресата (получателя). Им может быть один человек или группа людей. Речь, таким образом, всегда «отнесена» к человеку, ее адресату. Автор обычно заинтересован в том, чтобы получатель речь понял, чтобы она была доступной... в том же заинтересован и получатель. В связи с этим может быть осмыслено коммуникативное качество речи, называемое ее доступностью. Доступна такая речь, языковая структура которой облегчает опознавание получателем выраженной ею информации...» (Головин Б.Н., 1988: 28-29). Однако далеко не всегда можно с точностью утверждать, стал ли в процессе эволюции тот или иной факт изменений действительно языковым, твердо вошедшим в его систему, или остается на уровне употреблений в каких-либо сферах функционирования языка. Действительно, вариативность языковых изменений обусловлена во многом человеческим фактором: изменения языкового поведения порождают и изменения в процессе восприятия и функционирования речи.

А. Едличка утверждает, что вариантность нормы литературного языка связана с характером и составом носителей языковой нормы. От вариантности литературной нормы, или проявления ее внутреннего развития, он отличает «как еще один признак литературной нормы ее материальную содержательность, сложность и расслоение. Этот признак вытекает из полифункциональности, из социальных потребностей в средствах выражения, которые данный язык должен удовлетворять». Признак содержательности и расслое-

ния проявляется, например, в существовании специфических средств, относящихся к отдельным функциональным стилистическим слоям, «средств интеллектуальных и эмоциональных» (1988: 67).

Для обозначения коммуникации в процессе отношений «автор-адресат» мы выбрали термин «коммуникативная ситуация». Если учесть вышесказанное, для нашего исследования целесообразно выбрать дифференцирующее наименование: «ситуативно-коммуникативная среда», что поддерживается традиционным соединением стилеобразующего фактора среды и ситуации высказывания.

Коммуникативно-функциональный аспект в изучении языка создает необходимые условия для принципиального разведения орфографических и пунктуационных норм. Мы знаем, что при оформлении письменной речи большую роль играет правильная, синтаксически и стилистически мотивированная расстановка знаков препинания, – пунктуация (Голуб И.Б., 1980: 183).

«Между тем писать и читать, не зная правил пунктуации и не умея ими пользоваться в своей повседневной работе, недопустимо не только для филолога, но в равной мере для врача, для инженера, для агронома», – писал А.Б. Шапиро, считая, что вопросы пунктуации, изложенные на «синтаксической основе», «дают возможность вместе с усвоением пунктуационных правил углублять знания по синтаксису русского литературного языка» (Шапиро А.Б., 1965: 5).

Л.В. Щерба утверждает, что письмо есть средство коммуникации между людьми в тех случаях, когда непосредственное общение для них ...невозможно, то есть практически когда они разделены пространством ...или временем», говоря о том, как «идеи могут выражаться ...знаками препинания в русском языке» (1983: 7). Назначение и своеобразие знаков препинания при их постановке в письменной речи Л.В. Щерба объясняет следующим образом.

Во-первых, знаки препинания могут выражать семантическое единство, то есть единство слова. Для этого служат, с одной стороны, пропуски между

словами, а с другой стороны, так называется черточка, или дефис, соединяющий два слова в одно; во-вторых, знаки препинания могут означать синтаксические единства различных порядков – более мелкие и более крупные. Первые обозначаются запятой, чертой, вторые – точкой, абзацем. И те и другие могут обозначаться скобками, точкой с запятой, двоеточием, знаками вопросительным и восклицательным. Иначе говоря, указанные знаки служат для выражения расчлененности более сложных мыслительных единств; в-третьих, знаки препинания могут отражать общий характер синтаксических единиц, так называемых повествовательных (точка), вопросительных (знак вопроса), эмоциональных (разного содержания – знак восклицательный, многоточие); в-четвертых, знаки препинания отражают отношения между синтаксическими единицами. Таковы двоеточие, черта, скобки, запятая, точка с запятой. «В-пятых, знаки препинания могут выражать и некоторые другие идеи, как, например, обозначить те или иные слова. Далее ...большинство идей так или иначе выражаются в языке и притом не обязательно интонационными средствами, а и служебными словами или грамматическими формами и, наконец, порядком слов» (Щерба Л.В., 1983: 10-115).

То, что при отграничении одного компонента от другого внутри синтаксического целого целесообразно поставить точку с запятой, Л.Г. Бабенко объясняет семантикой самих конструкций, «которые в большинстве случаев представляют собой перечисление отдельных мыслей, мировоззренческих позиций и пр.». В таком случае «может использоваться также тире либо двоеточие, которое обычно вводит речь одного из персонажей» (1989: 440).

Так, исходное предложение *«Нынешние первокурсники, вчерашние школьники приходят в вуз, до конца не понимая значения слов «студент», «высшая школа», «преподаватель»* [19, с. 23] содержит нарушение синтаксической нормы, заключающееся в неоправданном пропуске пунктуационного знака после словосочетания *«вчерашние школьники»*.

Проанализируем последствия этого нарушения для восприятия смысла предложения. Предложение воспринимается так: и *«нынешние первокурсники*

ки», и «*вчерашние школьники*», и, возможно, «*еще кто-то*» «*приходят в вуз...*». Между тем автор при создании предложения имел намерение уточнить, что «*нынешние первокурсники*» – это «*вчерашние школьники*». Незнание им правила обособления пояснительных членов предложения привело к нарушению синтаксической нормы, согласно которой «Пояснение – это обозначение одного и того же понятия другими словами. Обособляются слова, поясняющие смысл предшествующего члена предложения (Розенталь Д.Э., 1984). Таким образом, «идея» автора не может быть воспринята в силу ее непонимания, которое стало возможно по причине отсутствия необходимого пунктуационного знака.

Наоборот, «идея» автора становится воплощенной в предложении-деривате «*Нынешние первокурсники, вчерашние школьники, приходят в вуз...*» или «*Нынешние первокурсники – **вчерашние школьники** – приходят в вуз...*» (Розенталь Д.Э., 2004). Возможен также вариант предложения-деривата «*Нынешние первокурсники (вчерашние школьники) приходят в вуз...*» при условии, что авторская «идея» предусматривала уточнение, выделенное логическим ударением (Голуб И.Б., 1973).

Поскольку свое исследование мы проводим на текстовом материале, остановимся на понятии текста и тех его свойствах, которые важны для данной работы.

Текст. Л.А. Новиков считает науку о тексте «одним из магистральных направлений мировой науки о языке XXI века» (1983). Статус самостоятельной дисциплины учение о тексте приобрело в 60-70-е годы XX века. Именно в этот период происходит перемещение теории текста от сочетания предложения к целому тексту. Этот процесс совершается на теоретико-коммуникативной основе: текст признается средством коммуникации. В отечественной науке в этот период выдвигается проблема единиц текста. Другая важная проблема теории текста этого времени – признаки и свойства текста (Основы теории текста, 2003: 14-15).

Одним из существенных признаков текста И.Р. Гальперин считает его завершенность и «литературную обработку». Обязательный признак текста – категория информативности, ценность получаемой информации. При этом сообщение трактуется как «форма информации, предназначенной для передачи получателю ... сведений...», а содержание – наиболее общее понятие, которое идентично семантике. «Поэтому, когда мы говорим о содержательной стороне словесного знака, – утверждает И.Р. Гальперин, – мы имеем в виду его значение. Метод анализа состоит в том, что его части рассматриваются как изолированно, так и в их взаимоотношениях» (1981: 5-18, 124). Из этого следует, что текст необходимо рассматривать как упорядоченную форму коммуникации, лишенную спонтанности.

Таким образом, текст не автономен и не самодостаточен – он основной, но не единственный компонент текстовой (речемыслительной) деятельности. Важнейшими составляющими ее структуры, помимо текста, являются автор (адресант), читатель (адресат), сама отображаемая действительность, знания о которой передаются в тексте, и языковая система, из которой автор выбирает языковые средства, позволяющие ему адекватно воплотить свой творческий замысел (Бабенко Л.Г., 1989: 14).

Учебный текст. Считаем, что учебный текст является точкой пересечения интересов лингвистов и участников образовательного процесса. Это определяет особенности учебного текста, отмеченные нами выше (с. 5-7).

Разработки теории учебной книги позволили определить двуединую сущность учебника. С одной стороны, он является важным (нередко основным) источником знаний. В нем формируются и раскрываются в доступной форме основные научные понятия, предусмотренные программой. С другой стороны, это важное средство обучения (Гречихин А.А., Древис Ю.Г., 2000: 78-81), поэтому в учебной книге должна присутствовать внутренняя структура, то есть связь элементов, выражающих процесс обучения. Эта первичная структура обязательно должна быть пронизана авторским замыслом (Российская педа-

гогическая энциклопедия, 1999: 480-486), который воплощается в предложении текста.

А.П. Назарян (1972) считает, что приращение новой информации в тексте в ходе его развертывания производится посредством предложения – основного механизма текстообразования.

То, что в системе синтаксических единиц центральное место занимает предложение, отмечает А.А. Чувакин: «Выдвижение предложения на центральную позицию в синтаксисе открыло возможности исследования этой единицы и как элемента языковой системы, и в процессе речевой деятельности (с точки зрения говорящего и с точки зрения слушающего), и как факта речи. Вбирая в себя знания и о синтаксисе языковой системы, речевой деятельности, речи, синтаксическая наука делает шаг в сторону осмысления предложения как целого, в его отношениях со средой (средой системы синтаксической), речекоммуникативной деятельностью (средой синтаксиса речевой деятельности), текстом (средой синтаксиса текста) (2002: 19-23).

По мнению Т.В. Чернышовой, предложение представляет собой наиболее высокий уровень реализации речевого потока. Современная коммуникативная лингвистика, ориентированная антропоцентрически, основное внимание уделяет создателю текста, воплотившему в нем свои интенции (замыслы, намерения), а также личности адресата, который является объектом осуществления авторского замысла через реализацию коммуникативной роли восприятия – экспрессивного задания (2002: 24).

Среди трех этапов речевой деятельности (рождение внутреннего плана высказывания, восприятие речи, реагирование) самым важным, на наш взгляд, если учитывать специфику взаимоотношений «автор-адресат», является этап, на котором адресат воспринимает речь.

От чего зависит результат этого процесса?

Л.Н. Мурзин считает, что восприятие – активное действие, которое обеспечивается рядом механизмов (1991: 147). А.А. Леонтьев считает, что текст партнера по коммуникации существует для нас лишь в той степени, в

какой он воспринимается. Ряд особенностей процесса восприятия зависит и от специфики самого воспринимаемого объекта (1976: 46).

А.П. Назарян утверждает: «Как текст существует только в процессе восприятия, так и содержание текста существует только в процессе понимания: конкретный текст содержит то и столько, что и сколько принимает реципиент» (1972). Говорящий, строя текст, должен знать, достигает ли он своей цели, насколько эффективно его текст воздействует на слушающего, и, соответственно полученной информации, изменять стратегию и тактику построения текста.

Поскольку в своем исследовании, посвященном синтаксическим нормам, мы пользуемся текстовым материалом, возникает необходимость ввести понятие *текстовой нормы*.

Действие текстовых норм определяет, с одной стороны, строение текста, с другой – его семантическую организацию. Но единство, цельность текста осмысливаются только в процессе коммуникации, поэтому важно определить условия функционирования текста. По мнению Е.Е. Шпаковской, понятие текстовой нормы является значимым, «поскольку только в коммуникации может существовать текст» (2000: 6-7).

В основу понятия текстовой нормы, важного для нашего исследования, мы возьмем следующую трактовку. *Текстовая норма* – это правила структурирования совокупности языковых средств и неязыковых элементов, которые определяют соответствие текста речевой ситуации и призваны обеспечить максимальный эффект общения (там же, с. 7). Отсюда критериями нормативности текста считаются соответствие (трансформированной в зависимости от ситуации) структуре текстовых норм и степень соответствия ожиданиям адресатов. Это позволяет выявить такие характеристики текстовых норм, как безвариантность/вариативность, всеобщность/локальность, консервативность/динамичность.

Доказывая значимость языковой и текстовой норм для учебной коммуникации, мы провели эксперимент.

Целью эксперимента стало выяснение степени восприятия адресатом точности реализации авторского замысла в зависимости от наличия или отсутствия нормативности текста.

В задачи эксперимента входили:

- проведение анализа предложений, содержащих нарушения синтаксических норм современного русского литературного языка;
- определение смыслового содержания этих предложений;
- определение типа нарушений синтаксических норм;
- проведение сравнительного анализа предложений, содержащих нарушения, и предложений-дериватов.

Методика эксперимента включала в себя анализ предложений на синтаксическом уровне; письменный и устный опрос участников эксперимента; проведение деривационной процедуры в отношении исходных предложений; количественный учет результатов.

Участники эксперимента – группа студентов Алтайского государственного аграрного университета в количестве 17 человек, изучающих дисциплину «Русский язык и культура речи».

Материалом эксперимента послужили следующие исходные предложения и предложения-дериваты, данные участникам эксперимента в контексте.

1а: *«Географическое направление в эпизоотологии завоевало прочное место и занимает свою нишу, как раздел в общей эпизоотологии»* [5, с. 23].

1б: *«Географическое направление в эпизоотологии завоевало прочное место и занимает свою нишу как раздел в общей эпизоотологии».*

2а: *«Пораженное место кислотой необходимо протереть»* [2, с. 4].

2б: *«Место, пораженное кислотой, необходимо протереть».*

Грамматическое нарушение синтаксической нормы в первом предложении отметили 10 человек, или 58% студентов, получивших после устранения этого нарушения предложение-дериват, соответствующее предложению 2б. Остальные участники эксперимента восприняли предложение как содержащее сравнение (*«Географическое направление в эпизоотологии, так же, как и раздел в общей эпизоотологии, занимает свою нишу...»*).

Анализируя предложение 2а, 14 человек, 86% участников эксперимента, высказались в пользу предложения-деривата «*Пораженное место необходимо протереть кислотой*». Однако в ходе обсуждения 9 человек из них выразили сомнение в оправданности такого варианта и предложили иной порядок слов в предложении-деривате, соответствующий синтаксической норме: «*Пораженное кислотой место необходимо протереть...*». Только от троих участников эксперимента (18%) с самого начала анализа предложения 2а поступил такой вариант предложения-деривата: «*Место, пораженное кислотой, необходимо протереть*».

При обсуждении итогов эксперимента выяснилось, что на точность восприятия предложения 1а повлияла постановка запятой перед компонентом (дериватором) «как».

На ошибочность восприятия предложения 2а повлияло нарушение прямого порядка слов.

Выяснилось также, что чтение предложений 1а и 2а заняло больше времени (на 0,5 и на 0, 3 минуты), чем чтение предложений-дериватов.

Проведенный эксперимент показал, что нарушение синтаксической нормы современного русского литературного языка становится помехой:

- в точности восприятия предложения;
- в понимании его смысла;
- в скорости чтения этого предложения;
- в процессе его запоминания.

Эксперимент показал, что значительно быстрее опознается предложение с прямым порядком слов, чем с обратным. В ситуации восприятия адресат не только извлекает смысл из контекста, но и применяет имеющиеся у него знания языковых правил.

Проведенный на фоне различных «помех» эксперимент также показал, что участники выбрали адекватные модели представлений и сформулировали смысл предложений в рамках этих моделей.

В результате эксперимента мы убедились, что наиболее эффективно коммуникативная задача решается в случае, если адресату предлагается речь, соответствующая синтаксической норме.

Почему это важно для нашего исследования?

Во-первых, исследуется синтаксический материал, который имеет выход на текст, состоящий из предложений. Во-вторых, исследуется учебный текст, имеющий вышеперечисленные особенности. В-третьих, работа ведется с авторскими текстами, как подлежащими редактированию, так и уже отредактированными. Все это создает базу для оценки степени нормативности текста и способов преодоления нарушений этой нормативности для оптимального понимания текста.

В этой связи наиболее важными для нас являются такие качества письменной речи, как ее правильность, точность и связность (табл. 1).

Таблица 1

Факторы, повышающие статус высказывания, и их взаимосвязи

Создание высказывания		
Автор	Адресат	
Объект (предложение)	Высказывание	
КАЧЕСТВА		
Восприятие	Понимание	
Правильность	Точность	Связность
Ортологическая процедура (деривационный механизм)		
Предложение исходное	Предложение-дериват	

По мнению Б.Н. Головина, правильность речи – это главное ее коммуникативное качество, потому что «правильность речи обеспечивает ее взаимопонимаемость, ее единство. Нет правильности – не могут «сработать» другие коммуникативные качества: точность, логичность, уместность и т.д. Правильность речи всегда ведет к соблюдению норм литературного языка, неправильность – к отступлению от них». Иными словами, правильность речи – это соответствие ее языковой структуры действующим языковым нормам, речь с точки зрения точности мы оцениваем, соотнося ее семантику со смыс-

лом текста, а речевая семантика формируется взаимодействием всех единиц, вошедших в структуру речи (1988: 41, 132).

Если учесть, что в своем исследовании мы занимаемся приведением предложений письменной речи к синтаксическим нормам, то правильность мы определим как структурную организацию речи (состав и выбор компонентов, их повторяемость, размещение, комбинирование и трансформирование).

По мнению Л.А. Введенской, Л.Г. Павловой, Е.Ю. Кашаевой (2001), нарушением предметной точности может стать употребление слов без учета их значений, что может привести к инотолкованию и бессмыслице.

Приведем участвовавший в названном эксперименте пример исходного предложения: *«Географическое направление в эпизоотологии завоевало прочное место и занимает свою нишу, как раздел в общей эпизоотологии»* [5, с. 85]. Неоправданно поставив запятую перед союзом «как», приняв его за сравнительный, автор внес в предложение значение сравнения, то есть предложение актуально-наличного текста мы можем истолковать так: *«Географическое направление в эпизоотологии завоевало прочное место и занимает свою нишу, так же, как и раздел...»*. На самом деле *«Географическое направление в эпизоотологии ... является разделом в общей эпизоотологии»*, поэтому, чтобы достичь адекватного восприятия текста, правомернее было написать: *«Географическое направление в эпизоотологии завоевало прочное место и занимает свою нишу как раздел в общей эпизоотологии»*.

Под коммуникативной точностью понимают «точность реализации замысла пишущего (Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю., 2001). Она достигается соотношением смысла слов, контекста, грамматической конструкции и соотношения частей текста. Нарушение коммуникативной точности высказывания ведет к непониманию, осложняет восприятие содержания сообщения, например: *«Эпизоотологический мониторинг, целью которого является оценка эпизоотической ситуации с последующим предотвращением или уменьшением риска возникновения чрезвычайных ситуаций, за счет пре-*

вентивности противоэпизоотических мер» [5, с. 23]. Эта фраза трудно воспринимается, так как не отвечает требованию точности: содержит грамматические, стилистические ошибки. Во-первых, имеет место неполнота исходного предложения за счет пропуска сказуемого, характеризующего поведение «эпизоотологического мониторинга»; во-вторых, важным с точки зрения смысла предложения является «цель мониторинга». Поэтому предложение-дериват принимает следующий вид: «Целью эпизоотологического мониторинга является эпизоотическая оценка» или «Эпизоотологический мониторинг, целью которого является...».

Как отмечается некоторыми исследователями (Антонова С.Г., Тюрина Л.Г., 2001: 27-28), при подготовке учебных изданий часто не обеспечивается оптимальный отбор информации, выявляется мера ее представления в той или иной по жанру учебной книге. Встречаются издания, содержащие общедоступную информацию столь большого объема, что ее невозможно (да и не нужно!) полностью усвоить. В этих условиях редактору необходимо стремиться к созданию четко структурированного текста, отличающегося точностью приведенных сведений.

Точность речи отсутствует, например, в следующем исходном предложении: *«При таком воспалении применяют антисептические, противовоспалительные, вяжущие и прижигающие средства, в частности: перманганат калия 1:500, йодо-форм, стрептоцид, норсульфазол в порошке и в растворе, стрептомицин и синтомицин в порошке, в растворах, мазях и эмульсиях» [26, с. 78]. Отождествляемый с союзным словом «а именно» вводный компонент «в частности» на письме должен выделяться запятыми: «...применяют антисептические, противовоспалительные, вяжущие и прижигающие средства, в частности, перманганат калия...» или «...применяют антисептические, противовоспалительные, вяжущие и прижигающие средства, а именно: перманганат калия 1: 500, йодо-форм, стрептоцид, норсульфазол...».*

Неоправданная постановка двоеточия объясняется и стремлением автора внести в содержание текста элементы рассуждения, отсюда разнообразие используемых ими союзов (Бабенко Л.Г., 1989: 440). Как видим, помимо пауз хезитации, логических и психологических, выделяются интонационно-синтаксические паузы, которые соответствуют знакам препинания в письменной речи и различаются длительностью: «Самая короткая пауза – на месте запятой, а самую длинную требует точка. Интонационно-синтаксической паузой отделяются в ...речи однородные члены предложения, вставные конструкции, обращения; пауза заполняют то место в предложении, где подразумевается пропуск слова (Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю., 2001: 295).

Об элементах, «поддерживающих» связность текста, пишет Л.Г. Бабенко: «Связность текста активно поддерживается также последовательным использованием антонимического повтора», а «механизм контаминации призван обеспечить «стыковку» предшествующего и последующего предложений текста. Суть механизма контаминации – в превращении предыдущего высказывания в тему последующего, в сохранении, дублировании темы. Это фундамент связности текста». Но, с другой стороны, если бы действовал только закон контаминации, «тексты были бы велики по объему и в них преобладала бы многократно и вариативно репрезентируемая тематическая часть, не было бы никаких ограничений и были бы трудности в восприятии подобного текста, усложненного многократным дублированием темы при простой реме» (1989: 441).

И.Р. Гальперин считает, что связность текста реализуется через различные формы когезии (в переводе с англ. «сцепление»), особые виды связи, обеспечивающие континуум, то есть логическую, темпоральную и пространственную последовательность и взаимность сообщений в тексте (1981:80). Поскольку когезия подразделяется на виды в зависимости от ряда оснований (например, лексическую, синтаксическую и др. – на основании характера повторяющейся языковой единицы), постольку в обеспечении данного вида

связи особую роль играют их фигуры, например, синтаксический параллелизм.

Исследователи А.Г. Жукова, Г.М. Кашкорова, Г.П. Мандрикова предложили понятие ортологического («нормативного») анализа как «полной, комплексной характеристики языкового явления с нормативной точки зрения» (2004: 101).

Необходимая теоретическая база ортологического знания составлялась на разных основаниях: с точки зрения соотношения нормы и кодификации; степени обязательности, строгости, «крепости»; соотнесенности с уровнями языковой системы.

Для обозначения понятия «нарушение языковой нормы» в литературе используется целый ряд терминов: «отступление от нормы», «отклонение», «речевая ошибка» (Горбачевич К.С., 1981; Граудина Л.К., 1980), «дефектность текста» (Бабенко Л.Г., 1989: 52), «коммуникативная неудача» (Земская Е.А., 1996) и др. Нельзя недооценивать и роль «отклонений», «колебаний», возникающих в конкретной речевой деятельности, поскольку в них можно обнаружить в ряде случаев тенденции, отражающие зарождение и становление будущих норм (Тискова О.В., 2004: 35).

В своем исследовании мы использовали термин «нарушение норм современного русского литературного языка» как имеющий отрицательную оценку факта несоответствия синтаксическим нормам.

Итак, в качестве мерила для определения достоверности наших представлений о норме возьмем такие критерии, как соответствие системе языка (в применении к грамматике это соответствие определенным образом организованной совокупности морфем и способов их группировки), а также критерий традиционности литературной нормы. Норма не определяется только одними системными закономерностями языка. Она складывается как итог взаимодействия общественного выбора и индивидуальных вкусов (Граудина Л.Н., 1980: 63).

1.2. ДЕРИВАЦИОННЫЙ МЕХАНИЗМ ОРТОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЦЕДУРЫ

Одна из основных задач настоящей работы заключается в формировании механизма деривации ортологической процедуры. Этот механизм мы усматриваем в такой ортологической процедуре, которую осуществляем по отношению к исходным предложениям, устраняя в них нарушения синтаксических норм. При этом установление языковых норм осуществляется нами по законам деривации – на основе этапов деривационных процессов. Установление же синтаксических норм происходит на основе процессов синтаксической деривации.

Исследованию деривации посвятили свои работы Е. Курилович (1962), В.С. Храковский (1969, 1971, 1982), В.А. Белошапкова (1977), В.Н. Абызова, Е.В. Муравенко, Г.Г. Сильницкий, В.В. Левицкий, Л.В. Сахарный, П.А. Соболев (1982), Л.Г. Мурзин (1982, 1990, 1998), Е.С. Кубрякова (1981, 1982), А.А. Чувакин (1998, 1999, 2000), Н.Д. Голев (1994, 2002, 2004), А.А. Чувакин, Ю.Ю. Бровкина, Н.А. Волкова, Т.Н. Никонова (2002) и др.

Под деривацией В.С. Храковский (1971) понимает такое преобразование одного предложения в другое, при котором производное предложение и по своему грамматическому статусу, и по смыслу закономерно отличается от исходного предложения.

Поскольку при исследовании синтаксических норм нами используется понятие деривационной процедуры, остановимся на теоретических основах понятия синтаксической деривации.

Изложению синтаксических проблем языковой динамики посвящена работа Л.Н. Мурзина «Синтаксическая деривация», где они в сводятся к проблемам деривации формальных типов предложения и где автор выявляет механизм синтаксической деривации на более конкретном уровне функционирования предложения (1974: 157).

Основы представленной Л.Н. Мурзиным теории синтаксической деривации важны для нашего исследования, так как эта теория опирается на ши-

рокий круг понятий: ситуация, связный текст, актуальное членение. В работе «О деривационных механизмах текстообразования» (1988: 23) приводятся возможные способы деривации, дается определение процессов в этой сфере: развертывание, свертывание, усложнение.

Е. Курилович синтаксическим дериватом называет «форму с тем же лексическим содержанием, что и у исходной формы, но с другой синтаксической функцией» (1962: 61-62).

Е.С. Кубрякова эту ситуацию комментирует так: «...при синтаксической деривации может наблюдаться только одно изменение синтаксической функции; но если это изменение приводит одновременно и к возникновению нового лексического содержания» (1991: 149). Е. Курилович, не отрицая такой возможности, считает, что в подобных случаях «образование деривата проходит два этапа – процесс синтаксической деривации и процесс лексической деривации» (1962: 62).

С.Д. Кацнельсон (1967) отмечает, что предложения могут находиться друг с другом в отношениях деривации, как, например, в отношениях синтаксической деривации находятся следующие исходные предложения исследуемого нами материала: *«Балано-поститы у быков-производителей могут быть вызваны многими причинами: загрязнение навозной жижей нижней стенки живота, скопление секрета потовых и сальных желез...»* [4, с.13] → *«Балано-поститы... могут быть вызваны многими причинами, а именно: загрязнение..., скопление...»* → *«Балано-поститы могут быть вызваны многими причинами – такими, как загрязнение..., скопление...»* → *«Балано-поститы могут быть вызваны многими причинами: в частности, загрязнением, ... скоплением...»*.

Как видим, синтаксическая деривация в принципе является многоступенчатым процессом (Храковский В.С., 1971: 499): смысловые операторы, детерминирующие этот процесс, могут выражать либо один и тот же элементарный смысл, либо различные элементарные смыслы. Синтаксическая деривация является также разнонаправленным процессом, то есть из каждого

предложения, участвующего в деривации, можно построить несколько различных дериватов.

Итак, синтаксической деривацией считается такая разновидность транспозиции, которая не влечет за собой никаких лексических последствий. Иными словами, если в акте деривации фиксируется общее и неконкретизированное отношение одной категории к другой, имеет место деривация синтаксическая. Признаком же лексической деривации можно считать неестественность его замены в тексте его полной семантической перифразой; для синтаксической деривации такие замены совершенно законны (там же, с. 152).

В основу нашего исследования положена работа с текстом, поэтому важно то, что предметом деривационной текстологии является текст, его особые отношения первичности/вторичности, исходности/производности, простоты/сложности (Чувакин А.А., 1998, 1999, 2000). И если результатом межтекстовой деривации является вторичный текст (Сунцова Н.Л., 1993), то в нашем исследовании, в пределах текста, результатом деривационной процедуры в отношении исходных предложений являются предложения-дериваты.

Определяя деривационный механизм ортологической процедуры на собственно-синтаксическом и семантико-синтаксическом уровнях, получая из исходных предложений предложения-дериваты, мы пользуемся приемами их трансформации.

Термин «трансформация» часто употребляют в смысле деривации. По мнению В.С. Храковского, основной задачей лингвистики трансформационная теория считает моделирование владения смыслом. Остановившись на характеристике основных формальных типов синтаксической деривации предложений, он выделяет их типы и подтипы. Так, при типе первом производное предложение отличается от исходного как на уровне членов предложения, так и на уровне их формальной организации, то есть на уровне частей речи, и как минимум один из элементов исходного предложения меняет свой грамматический статус в производном предложении. При первом же подтипе количество членов предложения в производном предложении увеличивается

сравнительно с исходным. Такое явление характерно для каузативной деривации. При подтипе втором в производном предложении количество членов предложения уменьшается сравнительно с исходным предложением. Такое явление характерно для пассивной деривации, производное предложение не отличается от исходного на уровне членов предложения, но отличается на уровне формальной их организации. Деривация первого типа называется инвариантной, или парадигматической, деривация второго типа – вариантной, или синтагматической.

Согласимся с тем, что деривационные отношения играют в синтаксической системе столь же существенную роль, что и трансформационные. Тогда одной из центральных задач нашего исследования можно считать моделирование процесса перехода от смысла исходных предложений к смыслу предложений-дериватов, полученных в процессе трансформации.

В процессе ортологической процедуры применительно к учебному тексту должен постоянно учитываться фактор восприятия-понимания этого текста адресатом. Свернутый при восприятии-понимании и развернутый в разные текстовые формы, пропущенные через внутреннюю речь, текст представляет собой некий смысловой сгусток (Жинкин Н.И., 1982, 1998).

Правильным восприятие делают предложения-дериваты, полученные в результате применения нормы, которая и определяет смысловую сторону построения речи наряду с общеязыковыми нормами, подчиняясь определенным требованиям (Ицкович В.А., 1968: 79).

Заметим, что преднамеренные отступления от нормы должны быть объяснены сферой и целями их использования. Если, например, в художественной и поэтической речи это художественная целесообразность и средство создания образности, в разговорной речи это своего рода языковая игра, то в учебном тексте такие отступления неприемлемы. Поэтому критерием при построении классификации отступлений от синтаксических норм для нашего исследования является их ортологическая оправданность (Жукова А.Г., Каш-

корова Г.П., Мандрикова Г.М., 2004: 75) и уместность (Головин Б.Н., 1988: 28-30, 227-231).

Важным параметром в классификации отступлений от норм мы считаем также основание причины, по которой возникла ошибка. В нашем исследовании находит отражение анализ каждого обнаруженного в исходном тексте нарушения. Это как системные, композиционные ошибки, так и ошибки, вызванные ассоциативным отношением между формой и содержанием слов, взаимодействием единиц одного языкового уровня и взаимодействием языковых единиц разных уровней.

По мнению В.С. Храковского, деривационный подход позволяет ввести разграничение исходных и производных членов предложения. К исходным относятся такие элементы структуры, которые представлены в исходных предложениях и не меняют своего статуса в процессе деривации; к производным – элементы структуры, которые проявляются только в производных предложениях (1982: 51-52).

Л.Н. Мурзин считает, что в производстве предложений принимает участие целый ряд деривационных механизмов (1982: 26). По его мнению, деривационный способ образования производных предложений не является в современном языке единственным. По-видимому, большую роль в формировании предложений-дериватов играет синтаксическая аналогия, хотя, по Л.Н. Мурзину, «явление аналогии вторично по своей природе, так как оно возможно на основе деривационно созданных предложений, осознаваемых как тип или образец» (1974: 158).

В качестве основания для классификации способов деривации используем соотношение структуры полученного предложения-деривата и структуры исходного предложения. По Л.Н. Мурзину (1974: 51), если в результате синтаксического процесса образуется структурно более сложное предложение, значит, речь идет о контаминации, в противном случае это компрессия.

Деривационный механизм ортологической процедуры разрабатывается исходя из необходимости соблюдения синтаксических норм в учебных текстах, а также при наличии следующих условий коммуникативной среды:

во-первых, участниками ортологической процедуры являются предложения – исходные и производные (предложения-дериваты);

во-вторых, дериватором в ортологической процедуре является то средство, которое вводится в предложение или извлекается из него, или с помощью которого происходит трансформация предложения;

в-третьих, направлением деривации является схема:

«исходное предложение → предложение-дериват»;

в-четвертых, оценка результата производится с точки зрения критериев правильности-неправильности, уместности-неуместности, оправданности-неоправданности, соответствия тем требованиям, которые диктуются особенностями учебного текста.

Продемонстрируем действие данного механизма в процессе трансформации в предложение-дериват исходного предложения «*Сырье **транспортируется** любым видом крытого транспорта в крытых транспортных средствах*» [29, с. 34].

На первом этапе ортологической процедуры выясняется, что исходное предложение является трудным для восприятия, так как содержит однокоренные тавтологические слова. Такое предложение представляется сложным для адресата при чтении, запоминании и определении смысла. Оно не соответствует качествам учебного текста, а именно: точности, конкретности, идентичности. Наоборот, предложение содержит «внелогичные» качества – такие, как напряженность, эклектичность, хаотичность. Использование автором в пределах одного предложения сразу пяти однокоренных слов (трех в одном случае и двух – в другом) является неоправданным, привносит избыточность речи, обедняет ее, препятствует логичности изложения мысли.

Объектом редакторской правки должны стать в таком случае употребленные без стилистического задания тавтологии (Розенталь Д.Э., 2004: 188).

При трансформации исходного предложения, исключая неуместные тавтологии, используем деривационный способ компрессии: «*Сырье доставляется любым закрытым видом транспорта*». Этот пример показывает, как в деривационных механизмах по-разному участвуют конструкция и семантика предложений.

Применение принципа деривации позволяет рассмотреть разные уровни объекта. Мы обоснуем собственно-синтаксический и семантико-синтаксический уровни, на которых нами вырабатывается деривационный механизм ортологической процедуры. Отсюда вытекает необходимость классификации нарушений синтаксических норм на этих уровнях.

Н.Л. Мышкина (1991) считает, что результат деривации текста выражается в транспортировании одного множества элементов в другое и ведет к формированию качественно нового интегративного образования, включающего в себя все транспортируемые множества и возникающие при транспортировании новые смыслы.

По мнению Г.Г. Сильницкого, при грамматическом уровне предложения речь идет о «правилах образования грамматической структуры предложения из классов словоформ и функционально-грамматических позиций (членов предложения)». Лексико-семантический синтаксис (теория деривации) предполагает правила образования «лексико-семантической структуры предложения из основ». Эти «два измерения частично пересекаются, поскольку основы являются лексическим субстратом не только лексико-семантической, но и грамматической валентности; например, глагольная основа определяет набор как грамматических, так и семантических позиций, составляющих два типа ее синтаксического окружения» (Сильницкий Г.Г., 1982: 5).

По мнению В.А. Белошапковой (1977: 47), собственно-синтаксические отношения наиболее абстрактны, так как целиком складываются на основе грамматической семантики зависимого компонента. В отличие от собствен-

но-синтаксических, семантико-синтаксические отношения складываются на основе лексического значения зависимого компонента.

На семантико-синтаксическом уровне предметом нашего изучения являются понятия, связанные с тем, что любой текст выражает некоторое содержание, смысл. Об этом говорит, например, Н.Д. Арутюнова в своей работе «Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы» (1976).

Г.А. Золотова признает в качестве основной функции предложения выражение им мысли, которая «всегда есть суждение о чем-то: она необходимо направлена на реальность. К реальности в речи может быть отнесена только мысль» (Золотова Г.А., 1984).

В современной синтаксической науке есть особый аспект теории предложения, когда оно рассматривается с точки зрения его объективного содержания. В объективном содержании предложения отражается то, что является предметом описания, обсуждения, оценки и что составляет его денотативное содержание (Основы теории текста, 2003: 105). Семантике слов должна соответствовать и их синтаксическая сочетаемость. Это слова, для которых непосредственная синтаксическая связь с именами предметов является постоянным свойством. Семантические преобразования мы связываем с переосмыслением исходных предложений, с привнесением в них дополнительных смыслов, заданных спецификой восприятия их адресатом.

По мнению Г.А. Золотовой (1969), внутренний смысловой статус предложения образуют элементарные смыслы, которые представляют собой абстракции, обобщения конкретных лексических значений. В синтаксисе «работают» не значения отдельных слов, а семантические категории – результат более высокой абстракции. Категориально-семантическое значение слов в единстве с их морфологической формой образует структурно-смысловые компоненты предложений той или иной модели с заданным, соответствующим мысли говорящего типовым значением.

Осуществим ортологическую процедуру в отношении исходного предложения, имеющего нарушения собственно-синтаксических и семантико-синтаксических норм: *«При координации графиков следует добиваться не-*

допущения совпадения сроков проведения ярмарок» [12, с. 87]. Во-первых, в предложении отмечаем «цепь» одинаковых падежей, составляющих несколько «звеньев» в форме родительного падежа существительных (Голуб И.Б., 201: 291-292; Головин Б.Н., 1988: 76): «недопущения совпадения», «совпадения сроков», «сроков проведения», «проведения ярмарок».

Нормы грамматики в данном случае не нарушаются: «*добиваться*» (чего?) «*недопущения*», «*недопущения*» (чего?) «*совпадения*», «*совпадения*» (чего?) «*сроков*», «*сроков*» (чего?) «*проведения*», «*проведения*» (чего?) «*ярмарок*», они подчиняются грамматическому правилу падежного управления. Но в таком случае мысль должна выражаться доступно и правильно. Однако этому мешает «скопление» падежей – при употреблении подряд нескольких падежных форм затрудняется доступность мысли, мысль «затемняется», с увеличением числа родительных падежей уменьшаются конкретность ее и точность (Головин Б.Н, там же). Если падежи, «сталкиваясь», мешают друг другу, значит, не соблюдены синтаксические нормы. Нарушены они и тем, что в предложении неоправданно употреблено «искусственно» образованное отглагольное существительное «*недопущение*» (Розенталь Д.Э., 2004).

Выявленные нарушения характера терминологических обозначений не несут, поэтому цепочку существительных в родительном падеже можно безболезненно убрать, «разбавить» сказуемым в неопределенной форме с отрицательной частицей («*не допустить*»), а часть предложения с отглагольным существительным «*недопущение*» заменить причастным оборотом, отражающим коммуникативную задачу высказывания («*чтобы не допустить...*»). Итак, мы получили предложение-дериват «*При координации графиков следует принять меры к тому, чтобы не допустить совпадения сроков, в которые будет проведена ярмарка*».

Критериями нормативности при выявлении нарушений норм современного русского литературного языка на собственно-синтаксическом и семантико-синтаксическом уровнях мы будем считать ее соответствие системе

языка, традиционности литературной нормы и речевому узусу (Граудина Л.К., 1980: 63).

В ходе эксперимента нам удалось установить, что главным результатом такого соответствия становится правильное восприятие текста адресатом. Это, в свою очередь, зависит от соответствия предложенного автором текста его первоначальному смыслу.

ВЫВОДЫ

Таким образом, соблюдение языковой нормы обеспечивает наиболее полное понимание адресатом высказывания и отвечает коммуникативной задаче.

Коммуникативная практика в учебно-познавательной деятельности показывает, что в учебном тексте, не подвергшемся ортологической процедуре, часто имеют место многочисленные отступления от синтаксических норм. Это потребовало от нас проведения исследования на собственно-синтаксическом и семантико-синтаксическом уровнях.

Важными критериями при построении классификации отступлений от синтаксических норм мы считаем ортологическую оправданность и обоснование причин этих отступлений.

Исходя из этого, становятся деривационно-мотивированными этапы ортологической процедуры в отношении выявленных нами нарушений в учебных текстах, которые сводятся:

- к выявлению ортологической оправданности того или иного нарушения норм современного русского литературного языка;
- к определению степени существенности допущенного нарушения;
- к трактовке причины, по которой стало возможно ненормированное употребление;
- к ортологической оценке предполагаемых коммуникативных потерь со стороны адресата;

- к анализу возможности влияния посредством деривационной процедуры на установление языковой нормы;

- к формированию условий, в которых становится возможным получение оптимального варианта предложений-дериватов;

- к выявлению возможности восстановления для исходных предложений, в которых обнаружено ее нарушение, синтаксической нормы;

- к исследованию отношения языковой практики к теории при установлении соответствия норме.

В этих целях осуществляем:

- совершенствование и упорядочение правил, согласно которым фрагменты этих предложений употребляются в случае расхождения теории с практикой;

- приведение в систему или создание классификации выявленных нарушений синтаксических норм;

- создание всех возможных вариантов предложений-дериватов;

- указание причин выявленных нарушений с приведением теоретических правил и точек зрения на их использование со стороны исследователей-лингвистов.

Оперирование в ходе исследования понятиями «ортологическая процедура» и «механизм ортологической процедуры» позволит нам на практике показать, как чрезвычайно важны языковая и текстовая нормы в обеспечении коммуникативного аспекта через создание учебного текста высокого качества. Такой текст, предлагаемый адресату-студенту, является залогом оптимального учебного процесса.

ГЛАВА 2

ОРТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЦЕДУРА УСТРАНЕНИЯ СОБСТВЕННО-СИНТАКСИЧЕСКИХ НАРУШЕНИЙ

В систему языка Л.В. Щерба включал не только «все индивидуальное, существующее в памяти как таковое и по форме никогда не творимое в момент речи», но и «все правила образования слов, форм слов, групп слов и других языковых единиц высшего порядка» (1974: 26). Вторые относятся к «грамматике, представляющей собой сборник правил речевого употребления» (там же, с. 47). Это говорит о том, что наряду с единицами языка включаются в языковую систему и правила образования этих единиц, причем последние также социально закреплены (Шищенко П.Л., 1982: 40). Если употребление языковых единиц – объект изучения функциональной стилистики, создание единиц, прежде всего, синтаксических, изучают порождающие грамматики (там же).

Важнейшими средствами выражения отношений между компонентами словосочетания и членами предложения являются:

- форма слова, так как с помощью окончания оформляется связь между словами в словосочетаниях и предложениях;
- союзы (только в предложениях) и предлоги как служебные слова;
- порядок слов в предложении;
- интонация предложения.

В словосочетании и предложении они отмечают два вида связи слов. Сочинение – это соединение синтаксически равноправных, не зависящих одна от другой частей (слов в предложении, предикативных частей сложного предложения), при котором отношения между элементами обратимы. Подчинение – это соединение синтаксически неравноправных элементов слов, частей сложноподчиненного предложения. Сочинение и подчинение используются в предложении. В словосочетании используется только подчинительная связь, основными видами которой являются согласование, управление и примыка-

ние. Для нас оба вида этой связи важны постольку, поскольку на собственно-синтаксическом уровне мы обнаружили нарушение их использования.

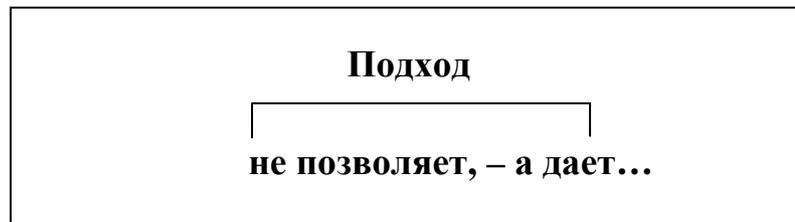
Чтобы создать классификацию этих нарушений, рассмотрим их примеры и выявим причины допущенных авторами ошибок, руководствуясь правилами современного русского литературного языка и соблюдения его норм. Согласно этим правилам, отражающим точки зрения различных отечественных и зарубежных лингвистов, смоделируем варианты предложений-дериватов и приведем рассмотренные предложения к соответствующей языковой норме.

Начнем с таких явлений, которые, как показывает наш материал, во-первых, наиболее часто встречаются при трансформации предложений на собственно-синтаксическом уровне, во-вторых, охватывают более широкий круг явлений, чем только, например, сочинительные отношения.

2.1. СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ

Синтаксический параллелизм – это такое положение компонентов синтаксической структуры, когда ее члены не зависят друг от друга и имеют совпадающие линии синтаксических связей. Принцип параллелизма, как мы уже заметили, не только лежит в основе сочинительных отношений, но охватывает и более широкий круг явлений, имея место и там, где сочинения нет. Подчинение же и параллелизм не исключают друг друга, если оформляются на разных уровнях: на уровне словоформ и на уровне союза (Прияткина А.Ф., 1990: 43). Причем на уровне словоформ подчинение и сочинение, напротив, исключают друг друга: при подчинении слова не имеют признаков зависимости одного от другого.

То, что параллелизм – это всегда отношение по горизонтали, иллюстрирует рисунок 2.1, отражающий схему вертикальных и горизонтальных связей в исходном предложении *«Такой подход не позволяет социально-политическим и экономическим условиям разрушить высшую школу, а дает возможность сохранить все лучшее для будущих поколений»* [19, с. 6].

Рис. 2.1. Схема горизонтальных и вертикальных связей при синтаксическом параллелизме

Явление нарушения синтаксического параллелизма обнаружено нами в следующих случаях.

Синтаксическое неравноправие внутренних связей при однородных членах предложения

В начале данной главы мы останавливались на таком явлении, как неравноправие различных внутренних связей предложения, содержащего однородные члены (Прияткина А.Ф., 1990: 54-61), проявляющееся на собственно-синтаксическом уровне и выражающееся в рассматриваемом ниже случае нарушением порядка слов предложения. Логическую связь в данном предложении нарушает расположение сопоставительного союза «а», соединяющего однородные сказуемые. Возникает вопрос: чему противопоставляет автор предмет повествования?

В предложении-деривате (*...не позволяет... разрушить высшую школу, а дает возможность сохранить...*) словоформы, образующие ряд (одна из конструкций – с подчинением), формально не зависят друг от друга, но объединены каким-либо общим отношением к «третьему». Причем это отношение в данном случае не является одинаковым, так как две словоформы данного предложения подчинены одному и тому же слову и, таким образом, лежат на одном уровне в схеме синтаксической зависимости.

Поскольку союз в предложении выполняет двойную функцию, приводя в связь оба эти представления между собой и с общим третьим (Пешков-

ский А.М., 1956), постольку, выполнив одну из этих функций согласно грамматической норме, адресату этот союз «представляет» следующее предложение-дериват: «Такой подход **позволяет** социально-политическим и экономическим условиям **не разрушить** высшую школу, **а дает** возможность сохранить все лучшее для будущих поколений».

Последовательное использование антонимического повтора

Синтаксическую норму в следующем исходном предложении нарушает неоправданно использованный сопоставительный союз (рис. 2.2): «Такие тушки даже в непотрошеном виде, **но замороженные** хранятся около года без существенных изменений свежести» [23, с. 6]. Текст данного предложения целесообразнее представить с противопоставлением, заключенным в скобки, и тогда предложение-дериват примет следующий вид: «Такие тушки даже в непотрошеном виде (**но замороженные**) хранятся около года без существенных изменений свежести».

Такая трансформация исходного предложения вызвана необходимостью приведения к синтаксической норме употребления вставки.

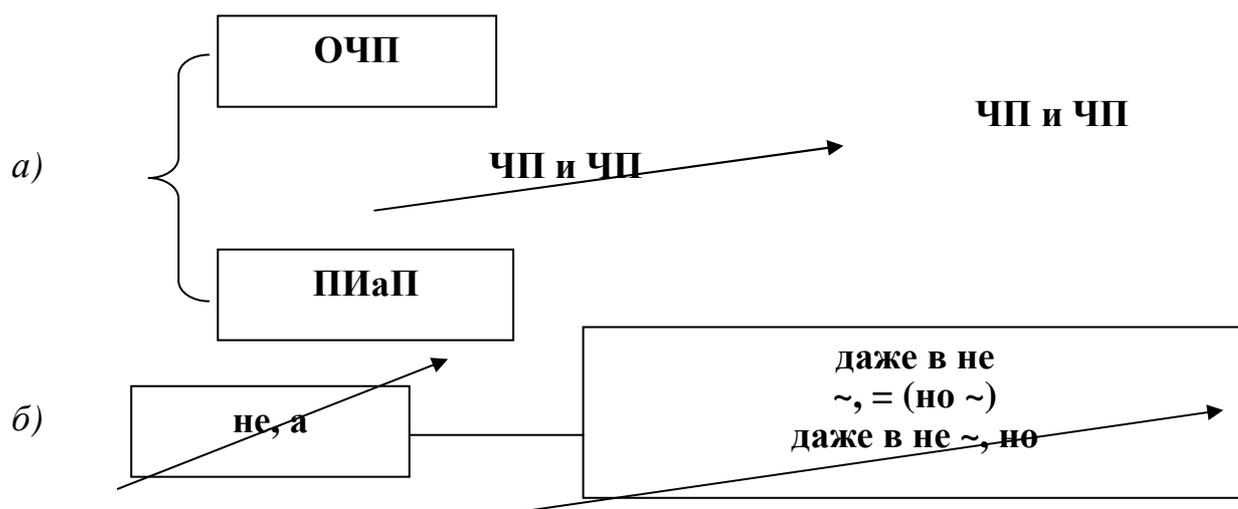

Рис. 2.2. Использование антонимического повтора при синтаксическом параллелизме:

- а) при употреблении однокоренных членов предложения (ОЧП);
- б) при последовательном использовании антонимического повтора (ПИАП)

Суждение А.Ф. Прияткиной (1990: 58) о том, что «вставка – это синтаксически изолированная часть-слово, группа слов или предложение, грамматически не связанная с основным предложением», нами принимается не во всем. В данном исходном предложении группа слов «но замороженные» (вставная конструкция) в составе второго варианта предложения-derivата тесно связана с основным предложением, дополняет и поясняет отдельные слова («непотрошенный вид тушек»), являясь усилением противопоставления. Ведь, как замечено А.Б. Шапиро (1974: 70, 71), все употребляемые в современном русском языке знаки препинания могут быть разделены по их функциям на знаки отделяющие и знаки выделяющие. Последние служат для обозначения таких синтаксических конструкций, которые вставляются в предложение с целью дополнения, уточнения, пояснения, раскрытия содержания одного или нескольких его членов или всего предложения в целом, а также синтаксических конструкций, содержащих название лица или предмета, к которым обращена речь, или выражающего субъективное отношение пишущего к содержанию своего высказывания. В современном русском языке выделяющие знаки препинания в силу указанных их функций являются парными: запятые, два тире, скобки (как в вышеназванном предложении-derivате), кавычки.

Вставка «неконструктивного типа» (Прияткина А.Ф., 1990: 159), представляющая собой интонационно выделенный структурный компонент высказывания, заключенный в скобки, обнаружена нами в исходном предложении *«Даже то, что представляется наиболее явной противоположностью (природа и культура), относятся друг к другу ...как взаимозависимые величины»* [23, с. 3]. Зафиксированная вставка «неконструктивного типа» представляет собой интонационно выделенный структурный компонент, заключенный в скобки (рис. 2.3), хотя его можно выделить и двойным тире с запятой перед первым, выделяющей, в свою очередь, придаточное предложение: *«Даже то, что представляется наиболее явной противоположностью, – природа и культура – относятся друг к другу...»*.

Рис. 2.3. Конструкция предложения с присоединением и уточнением

В данном случае, на наш взгляд, мы имеем дело с уточняющей группой слов. По своей синтаксической функции они близки к приложениям, уточняя содержание члена предложения, выраженного именем существительным («*противоположность*»).

2.2. НАРУШЕНИЕ ПОРЯДКА СЛОВ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Чтобы рассмотреть данный тип нарушений нормы современного русского литературного языка, допущенных на собственно-синтаксическом уровне, целесообразно вернуться к категории последовательности, или, по Е.А. Реферовской (1989), логичности.

Считаем, что приемы построения предложения нуждаются в постоянном синтаксическом контроле. В этом не приходится сомневаться, ведь одно из самых распространенных нарушений языковой нормы (на примере нашего материала) – неправильный порядок слов в исходном предложении.

Под порядком слов в предложении понимается взаимное расположение членов предложения, имеющее синтаксическое, смысловое и стилистическое

значение. Синтаксическое значение выражается в том, что с местом, занимаемым членом предложения, может быть связана его синтаксическая функция (Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А., 2001: 325). Прежде чем приступить к анализу нарушения порядка слов в исходном предложении, вернемся к понятию последовательности. Последовательность связана с продолжительностью содержания – «при порождении текста должна существовать некоторая схема, отражающая порядок следования элементов содержания» (Новиков А.И., 1983: 25). Такой схемой должен стать порядок слов в предложении.

Различается прямой и обратный порядок слов. Под первым понимается наиболее обычное для повествовательных предложений расположение соотносительных членов предложения (Розенталь Д.Э., 1984). Оно нарушается, например, в исходном предложении *«Цель занятия – познакомить студентов с источниками получения шерстяного сырья, гистологическими типами шерстяных волокон и гистологическим строением их»* [23, с. 9]. Это приводит, в свою очередь, к нарушению таких качеств учебного текста, как его связность и цельность. Напротив, при трансформации исходного предложения в предложение-дериват *«Цель занятия – познакомить студентов с источниками получения шерстяного сырья, гистологическими типами шерстяных волокон и их гистологическим строением»* срабатывает закон инкорпорирования текста. Этот закон, по Л.Н. Мурзину (1991), объясняет два главных свойства текста: связность, когда любая последующая конструкция включает в себя предыдущую, и цельность, когда каждая предыдущая конструкция содержательно определяет последующую.

Грубое нарушение закона инкорпорирования демонстрирует исходное предложение *«Применяют методы **отравленных приманок химическими ядами и антикоагулянтами**»* [21, с. 47]. Деривационная процедура в отношении этого предложения, с целью соблюдения закона инкорпорирования, может привести к двум вариантам предложения-деривата: *«Применяют ме-*

тоды отравленных химическими ядами и антикоагулянтами приманок» и «Применяют методы приманок, отравленных химическими ядами и антикоагулянтами». Во втором варианте предложения-derivата предыдущая конструкция содержательно определяет последующую, а эта последующая представляет собой причастный оборот.

Неоправданным нарушением порядка слов отличается и исходное предложение *«Однако... внешняя среда, в объектах которой могут отдельные виды микроорганизмов вести сапрофитический образ жизни, также считается источником возбудителя инфекции»* [6, с. 58]. После проведения дери-вационной процедуры оно обретает прямой порядок слов: *«...в объектах ко-торой отдельные виды микроорганизмов могут вести сапрофитический об-раз жизни».*

Как считал А.М. Пешковский (1969), свободный порядок слов в русском языке в полном предложении из пяти слов допускает 120 перестановок, а так как каждая перестановка всегда изменяет значение всей фразы, то получается 120 синонимов. Но, как видим, далеко не все равнозначные способы выраже-ния мысли могут считаться грамматическими вариантами (Граудина Л.К., 1980: 118).

Нарушение порядка слов в предложениях с двойными союзами

Употребление в предложениях учебных текстов двойных союзов тесно связано с содержательным своеобразием первых как предложений-рассуж-дений. Отсюда разнообразие используемых союзов – как сочинительных, так и подчинительных (Бабенко Л.Г., 1989: 448). К тому же их последовательным применением поддерживается такое качество текста, как его связность.

Составной двухместный союз, считает А.Ф. Прияткина (1990), является специальным показателем направленности внутрирядного отношения. (Принцип открытого ряда – противоположный принцип, действующий при

союзах с повторяющимися элементами, когда одинаковые части союза, стоящие перед каждым членом, подчеркивают его одинаковую роль в составе ряда. – В. М.). Таким образом, при помощи союзов различаются не только семантические (о чем пойдет речь во втором параграфе), но и формально-синтаксические типы внутрирядных отношений.

К нарушению порядка слов в предложениях с двойными союзами приводит, прежде всего, расположение каждой из частей двойного союза перед однородным членом исходного предложения: «*Ящур может проявляться как в виде эпизоотии, так и панзоотии*» [6, с. 117]. Первая часть двойного союза «*как... так и*» не находится непосредственно перед одним из однородных членов предложения «*эпизоотии*» и «*панзоотии*», поэтому в процессе деривационной процедуры предложение-дериват принимает вид «*Ящур может проявляться в виде как эпизоотии, так и панзоотии*» (рис. 2.4).

1. _____   **как, «в виде»** ----- , **так и** ----- .
       _____   **в виде как** ----- , **так и** ----- .
2. «... важно не только ----- , **но и**   ----- .
       «... важно не только   ----- , **но и**   ----- .
3. **Не столько** ~~~~~ ----- , **сколько** ----- .
       ~~~~~ **не столько** ----- , **сколько** ----- .

Рис. 2.4. Разновидности нарушения порядка слов в предложениях с двойными союзами:

1 – «как... так и...»; 2 – «не только... но и...»; 3 – «не столько... сколько...»

Распространенный случай подобных нарушений, которых в нашем материале особенно много, – в предложениях с союзом «*не только, но и*».

Рассмотрим исходное предложение *«Но так как спрос рынка труда и спрос на образовательные услуги отстают друг от друга на 4-5 лет, то учреждениям образования важно отслеживать не только изменения рынка образовательных услуг, но и иметь прогнозы развития рынка труда»* [19, с. 83]. Исходя из места расположения первой части двойного союза, следует, что *«учреждениям образования важно отслеживать не только изменения рынка образовательных услуг»*, но и еще *«что-то отслеживать»*. Однако автор имел в виду, что *«учреждениям образования важно не только отслеживать, но и иметь прогнозы развития рынка труда»*. Поэтому отредактированное предложение принимает вид *«Но так как спрос рынка труда и спрос на образовательные услуги отстают друг от друга на 4-5 лет, то учреждениям образования важно не только отслеживать изменения рынка образовательных услуг, но и иметь прогнозы развития рынка труда»* (рис. 2.4).

Исходное предложение *«Консервированная рыба в процессе хранения также может подвергаться различным изменениям, которые не только снижают товарный вид, но и ее санитарные качества»* [21, с. 8] имеет нарушение синтаксической нормы, заключающееся в неправильном расположении первой части двойного союза. Выходит, что *«изменения не только снижают товарный вид»*, но привносят еще какие-то негативные факты. Предложение-дериват рассеивает эти синтаксические недоразумения: *«Консервированная рыба в процессе хранения также может подвергаться различным изменениям, которые снижают не только ее товарный вид, но и санитарные качества»*.

Случай нарушения расположения двойного союза *«не столько... сколько»* выявлен в исходном предложении *«В настоящее время, на наш взгляд, не столько актуальна проблема подготовки кадров, сколько проблема закрепления молодых специалистов на селе»* [19, с. 32]. Первая часть двойного союза ошибочно расположена не перед однородным членом предложения (*«проблема»*), что порождает нелогичность содержания исходного предложения. Предложение-дериват *«В настоящее время... актуальна не столько*

проблема подготовки кадров, сколько проблема закрепления молодых специалистов на селе» не содержит такого нарушения. Исходное предложение мы трансформировали, руководствуясь правилом о том, что каждая из частей двойного союза должна быть расположена перед однородным членом предложения (Прияткина А.Ф., 1990: 53). По такому же принципу осуществляем ортологическую процедуру в отношении исходного предложения *«В настоящее время... не столько актуальна проблема подготовки кадров, сколько проблема закрепления молодых специалистов на селе»* [25, с. 4.], правильно располагая части двойного союза: *«В настоящее время... актуальна не столько проблема подготовки кадров, сколько проблема закрепления молодых специалистов на селе»*.

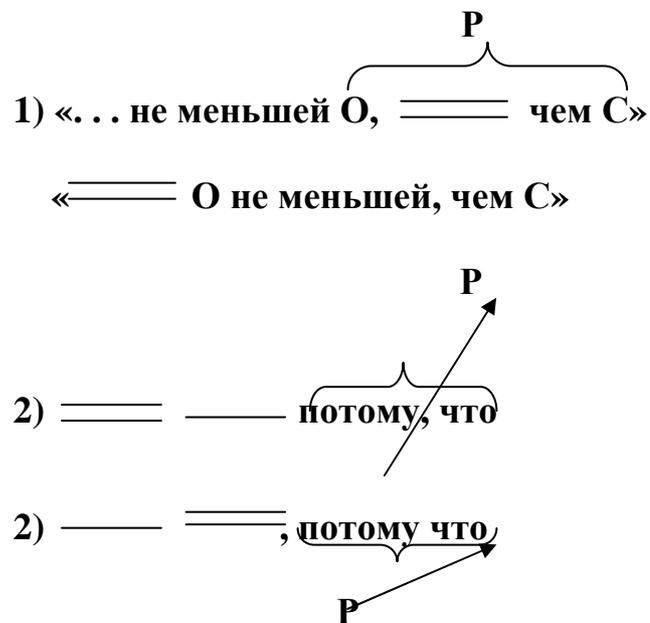
Рассогласование конструкции

Говоря об отношении таких конструкций к синтаксической норме, В.А. Ицкович (1982: 158) считает, что норме они (конструкции) не соответствуют: *«Метод основан на выделении летучих жирных кислот из пробы фарша с помощью перегонки водяным паром, накопившихся в мясе при хранении»* [21, с. 10]. Трансформируя исходное предложение, мы устраняем оторванность придаточного предложения от главного и получаем предложение-дериват *«Метод основан на выделении из пробы фарша с помощью перегонки паром жирных летучих кислот, накопившихся в мясе при хранении»*.

В исходном предложении налицо связь между рассогласованной конструкцией и актуальным членением высказывания: разное расположение компонентов и союзов тесно связано с коммуникативным заданием, определяемым автором. Анализ этого предложения показывает, что при создании актуально-наличного текста явление такой оторванности предложений автором не воспринималось как нарушение языковой нормы. Мы же, трансформируя исходное предложение, в предложении-деривате получаем новые оттенки коммуникативной перспективы высказывания.

Разрушение структуры предложения

Нарушение структуры предложения часто вызывается нарушением порядка слов в его причастном обороте (Розенталь Д.Э., 1984). Н.И. Астафьева (1987) также констатирует наличие подобных случаев: «*В интегрально-факторной модели образовательных услуг не меньший вес имеет наименование специальностей, чем название конкретного учебного заведения* [25, с. 43]. Это ведет к увеличению расстояния между объектом сравнения и самим сравнением.

Рис. 2.5. Разрушение структуры предложения:

1) модель с разрушенной структурой предложения:

О – объект сравнения; С – сравнение; Р – расстояние между ними.

2) модель с разорванной структурой союза:

а) разорванный союз, имеющий причинное значение;

б) восстановленный после разрыва союз с отсутствием расстояния Р

В процессе ортологической процедуры мы изменяем порядок слов и приближаем объект сравнения к самому сравнению (рис. 2.5): «*В интегрально-факторной модели образовательных услуг наименование специальностей имеет не меньший вес, чем название конкретного учебного заведения*».

Разрушение структуры союзов

Мы выяснили, что нарушения языковой нормы на собственно-синтаксическом уровне, связанные с разрушением структуры союзов, относятся к предложениям с союзами, имеющими значение причинной связи между суждениями. Это явление имеет место в исходном предложении «*Появляется лимонно-желтая окраска потому, что аммиак содержится в норме...*» [19, с. 10]. Предположим, что неверна связь, – тогда имеет место разрушение союза. Если же автором актуально-наличного текста осуществлен неправильный выбор ее варианта, необходимо проверить, насколько точно знаки препинания передают смысл логических связей между суждениями и правильно ли с точки зрения логики выбран союз «потому что».

Допустим, неверна лишь пунктуация, и вся ошибка заключается в лишней запятой после перечисления. Запятую убрать несложно, но прояснит ли применение пунктуационной правки логический строй фразы, где в качестве однородных членов перечисляются понятия конкретные и понятия обобщенные? Такой механизм ортологической процедуры был бы явно недостаточным.

В поисках надлежащего механизма вспомним, что союз «потому» имеет значение причины, следовательно, в данном исходном предложении он употреблен неточно и находится не на месте. Тогда предложение-дериват можно представить в двух вариантах с «восстановленным» после «разрыва» союзом: «*Появляется лимонно-желтая окраска, **потому что**...*» или «*Лимонно-желтая окраска появляется, **потому что**...*». При этом второй вариант

представляется нам более соответствующим требованиям соблюдения синтаксической нормы (рис. 2.5). Во-первых, изменено место подлежащего («окраска... появляется»), что сохраняет вид предложения по цели высказывания, так как для учебного текста (Гречихин А.А., Древс Ю.Г., 2000: 74) характерны в основном повествовательные предложения, во-вторых, восстановлен разрушенный союз «*потому что*» (Бабенко Л.Г., 1989: 284).

Пишущий может, как допускает И.М. Богуславский (там же), передвигать компонент союзного соединения вниз по синтаксической структуре высказывания. В этом случае текстовые связи ослабевают, и на первое место выходят возникающие при этом «синтаксические конфликты».

Неправильное расположение придаточного предложения

Рассогласование конструкции в связи с неправильным расположением компонентов предложения на месте придаточного (Астафьева Н.И., 1987: 47) мы зафиксировали в исходном предложении «*Метод основан на выделении летучих жирных кислот из пробы фарша с помощью перегонки водяным паром, накопившихся в мясе при хранении...*» [19, с. 10]. Трансформируя его, мы устраняем оторванность придаточного предложения от главного: «*Метод основан на выделении из пробы фарша с помощью перегонки паром летучих жирных кислот, накопившихся в мясе при хранении*».

Анализ данных исходных предложений с обнаруженными нарушениями норм современного русского литературного языка показывает, что автором при создании актуально-наличного текста они также (Пекарская И.В., 1993: 48-50) не воспринимались как ошибки.

2.3. СИНТАКСИЧЕСКАЯ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ

Синтаксическую недостаточность, которая, в свою очередь, приводит к речевой недостаточности в целом, порождает пропуск соотносительных слов в главной части исходного предложения, например: «*При таком подходе исследования изучается строение объекта, как соотносятся его части, как они взаимодействуют...*» [4, с. 88].

В предложении допущен неосознанный пропуск указательного местоимения «*то*», что создает недоговоренность, умолчание, неполноту предложения (Голуб И.Б., Розенталь Д.Э., 1997: 239) (рис. 2.6).

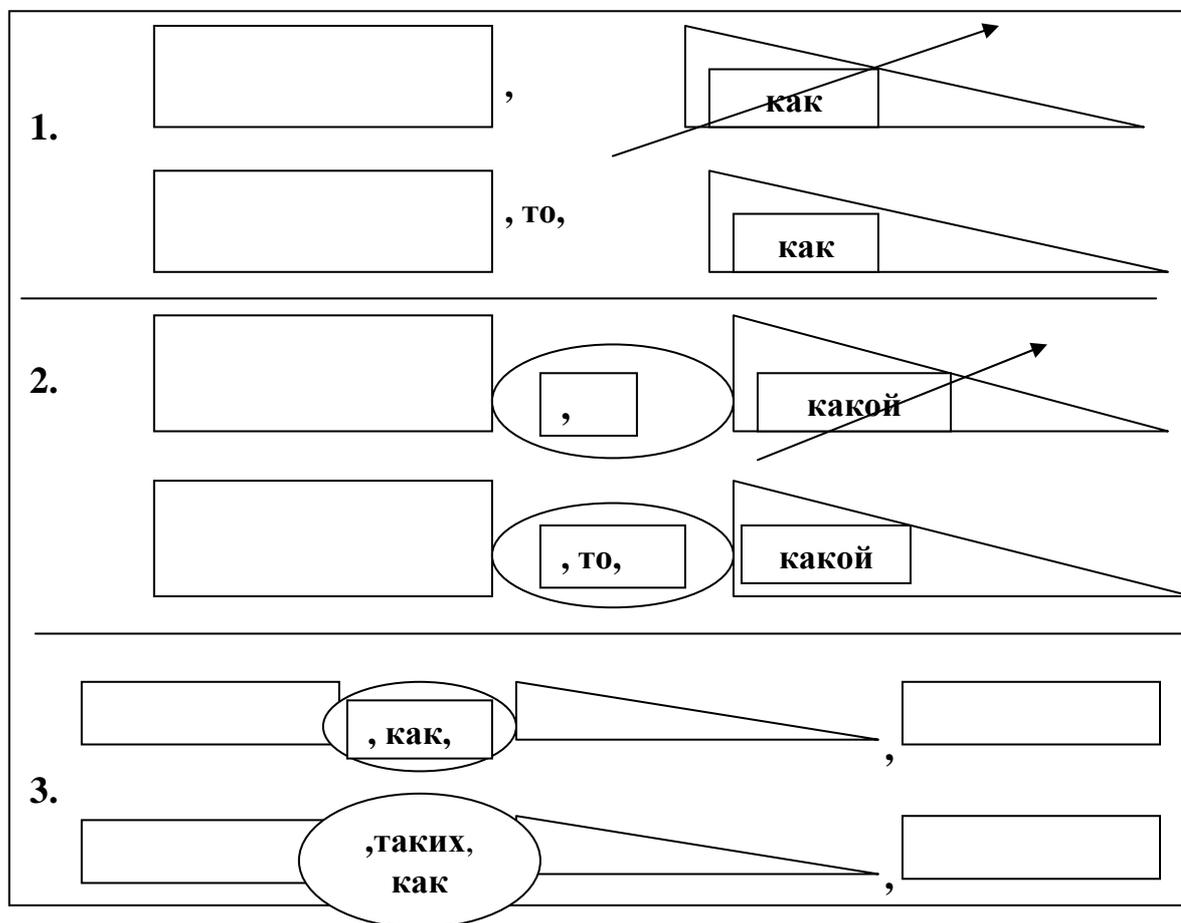

Рис. 2. 6. Разновидность модели предложения с синтаксической недостаточностью:

□ – главное предложение; △ – придаточное предложение

Восстанавливая пропущенное указательное местоимение «*то*», получаем правомерный вариант предложения-derivata «*При таком подходе изучается строение объекта, **то**, как соотносятся его части*».

Трансформацию такого же порядка осуществляем по отношению к ряду других исходных предложений с подобными нарушениями:

1) *«Имеет значение, какой орган поражен»* [5, с. 88]; → *«Имеет значение **то**, какой орган поражен»*.

2) *«Особенностью проявления эпизоотического процесса хронических инфекционных болезней, **как**, например, туберкулеза крупного рогатого скота в промышленных комплексах, являются более высокие показатели заболеваемости»* [5, с. 69] → *«Особенностью проявления эпизоотического процесса хронических инфекционных заболеваний, **таких**, как, например, туберкулеза крупного рогатого скота в промышленных комплексах, являются более высокие показатели заболеваемости...»*.

2.4. РАЗНОТИПНОСТЬ ЧАСТЕЙ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Разнотипность частей сложного предложения может проявляться в различной форме (Розенталь Д.Э., 2004: 317). Во-первых, в качестве однородных конструкций могут употребляться придаточное предложение и член простого предложения. Однако если в художественной литературе такие конструкции могут использоваться для придания высказыванию разговорного характера, то для учебного текста это неприемлемо. Во-вторых, при общей подчиняющей части могут выступить в качестве однородных синтаксические элементы двусоставного предложения и односоставные назывные предложения.

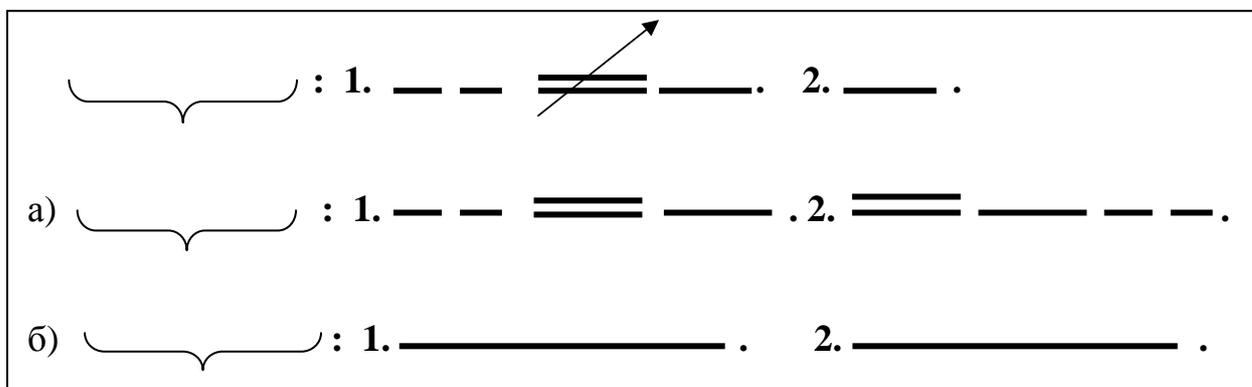
Употребление придаточных предложений и члена простого предложения в качестве однородных конструкций

Исходное предложение *«На конференции обсуждались вопросы развития АПК и нет ли возможности...»* [1, с. 103] страдает некоторой прерывистостью смысла, неполнотой содержания вследствие или пропуска слова, или неоправданной однородности членов, а потому допускает два способа транс-

формирования в предложение-дериват. Во-первых, можно ввести во вторую часть предложения указательное местоимение: «*На конференции обсуждались вопросы развития АПК края и то, нет ли возможности...*». Во-вторых, возможно устранение однородной конструкции и тем самым восстановление нарушенного строя в исходном предложении: «*На конференции обсуждались вопросы развития АПК края и возможности...*».

Употребление в качестве однородных синтаксических элементов двусоставного и односоставного назывного предложений

При наличии общей подчиняющей части или использовании различных морфологических структур в качестве однородных членов предложения употребление двусоставного и односоставного назывного предложений как однородных синтаксических элементов (рис. 2.7) приводит к синтаксическому нарушению нормы современного русского литературного языка: «*Выделим два вопроса, рассматриваемых на форуме: 1. Все большее значение приобретает борьба.... 2. Роль общественных организаций...*» [1, с. 37].

Рис. 2.7. Модель разнотипности частей высказывания с употреблением в качестве однородных синтаксических элементов двусоставного и односоставного назывного предложения, варианты трансформации:

⏟ — общая подчиняющая часть;

1.2. — однородные синтаксические элементы

Ортологическая процедура в отношении предложений данного текста предполагает два варианта, так как в предложении есть общая подчиняющая часть «*Выделим два вопроса...*». После нее следуют либо двусоставные, либо

назывные предложения: *«Выделим два вопроса, рассматриваемых на форуме: 1. Все большее значение приобретает борьба... . 2. Возрастает роль общественных организаций»* = *«Выделим два вопроса, рассматриваемых на форуме: 1. Значение борьбы... . 2. Возрастание роли общественных организаций...»*.

2.5. СМЕЩЕНИЕ КОНСТРУКЦИИ

Грубой ошибкой в построении предложения И.Б. Голуб (2003: 364) считает неправильное употребление словоформ. Действительно, при наличии в предложении обобщающего слова его однородные члены должны согласовываться с ним в падеже (Розенталь Д.Э., 2004: 317). Положение это иногда нарушается, и происходит смещение конструкции, если в обеих частях предложения, например, один и тот же предлог неоправданно употребляется два или несколько раз.

Смещение конструкции возникает, если в обеих частях предложения один и тот же предлог неоправданно употребляется два или несколько раз, например: *«Главное, на чем можно **остановиться**, это на обеспечении...»* [1, с. 56]. Как видим, главное предложение актуально-наличного текста «перебивается» (Розенталь Д.Э., там же) находящимся внутри его придаточным. Перебой конструкции заключается в том, что именное сказуемое главного предложения, оторванное от своего подлежащего, ставится в том же падеже, какого требует сказуемое придаточного предложения. Обобщающее слово требует существительного в именительном падеже, но под влиянием предложного падежа придаточного предложения и по аналогии «на чем» в главном предложении существительное оказывается тоже в предложном падеже, уместном в другой конструкции (Голуб И.Б., 2003: 364).

Создавая предложение-дериват *«Главное, на чем можно остановиться, – это обеспечение...»*, мы руководствовались следующим положением (Голуб И.Б., там же). Обобщающее слово, выступающее в функции родового понятия, должно включать в себя все однородные члены в качестве видовых

понятий. Не следует соединять придаточные предложения при помощи указательной частицы. Это вызывает употребление того же, что и в первой части предложения, падежа, что, в свою очередь, исключает употребление необходимого знака препинания, в данном случае тире.

2.6. СМЕШЕНИЕ ПРЯМОЙ И КОСВЕННОЙ РЕЧИ

Прямая речь представляет собой передачу «чужого» высказывания, сопровождаемую авторскими словами (Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А., 2000: 448). Эти слова устанавливают факт чужой речи, поясняют, кому она принадлежит, и т.п. Следует иметь в виду, что прямая речь – это предложение, поэтому, проводя аналогию между нею и членом предложения, нельзя говорить о тождестве этих конструкций. В других случаях, с обнаруженными нами нарушениями употребления прямой речи, ближе аналогия с придаточными предложениями. При замене прямой речи косвенной образуется придаточное предложение, а не член предложения. Однако отсюда не следует, что сочетание авторских слов с прямой речью образует сложное предложение. Попытки этого как раз и обнаружены нами при передаче адресантом прямой речи, содержащей нарушение нормы современного русского литературного языка.

Сохранение элементов прямой речи придаточным предложением, образующим косвенную речь

Косвенная речь – это передача чужой речи в форме придаточного предложения, и нарушением нормы современного русского литературного языка при этой передаче является слияние в одно предложение прямой речи и авторских слов (там же). Так, неправомерна конструкция исходного предложения, в котором придаточное предложение сохранило элементы прямой речи: *«Корреспондент задал вопрос одному из старожил, что почему вы так близко к сердцу принимаете смерть незнакомого вам человека?»* [1, с. 57].

Высказывание, заключенное в таком варианте исходного предложения, приобретает разговорный характер. Правомерной же является конструкция предложения-деривата, которая состоит из слов автора и прямой речи, содержащей вопрос: «Корреспондент задал вопрос одному из старожилов: «Почему вы так близко...?». Это первый этап деривационной процедуры в отношении данного исходного предложения. На втором этапе трансформируем предложение в сложноподчиненное предложение-дериват, вторая часть которого будет содержать объект обращения в третьем лице с указательным местоимением: «Корреспондент задал вопрос одному из старожилов **о том, почему он так близко...**» или «Корреспондент спросил одного из старожилов, почему он так близко...».

Содержание вопроса во второй части предложения

Придаточное предложение, содержащее косвенную речь, следует за главным и присоединяется к сказуемому последнего с помощью союзов и относительных слов, характерных для придаточных изъяснительных (Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А., 2000: 423). Однако если вторая часть, представляющая собой придаточное изъяснительное, содержит, в свою очередь, вопрос, такая конструкция исходного предложения является неправомерной, например: «Собеседник **спросил, кто был комсоргом факультета?**» [1. с. 60]. Трансформация этого предложения в предложение-дериват возможна двумя способами (рис. 2.8).

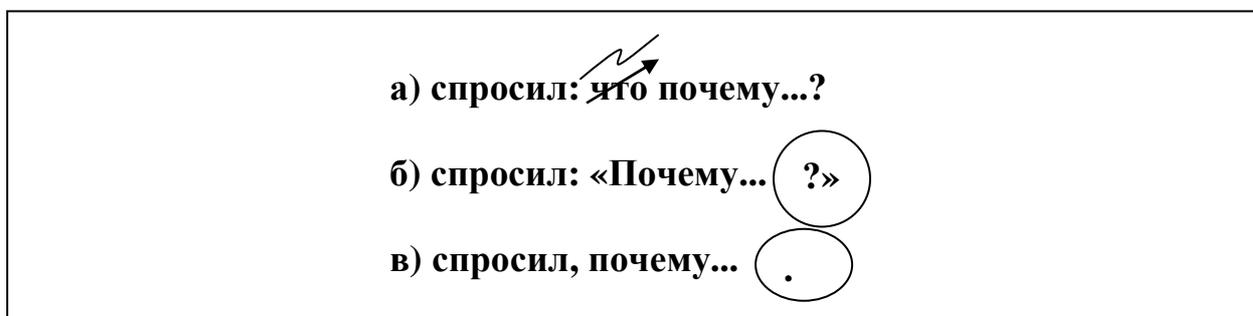

Рис. 2.8. Варианты трансформации предложения со смещением прямой и косвенной речи: а) исходное предложение актуально-наличного текста; б) предложение-дериват с вопросом; в) предложение-дериват, не прозвучавшее как вопросительное

Во-первых, вводим прямую речь, содержащую вопрос *«Собеседник спросил: «Кто был комсоргом факультета?»*. Во-вторых, исключаем этот вопрос в сложноподчиненном предложении, распространяя его добавочным второстепенным членом (по смыслу) его первой части: *«Собеседник спросил, кто был комсоргом факультета»*.

2.7. НАРУШЕНИЕ НОРМ УПРАВЛЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ ПРИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СПЯЯННОСТИ КОМПОНЕНТОВ

В различных стилях широко используются фразеологические обороты – устойчивые словосочетания, образующие смысловое единство (Розенталь Д.Э., 2004: 190). Функции их разнообразны: в научной и официально-деловой речи они употребляются как номинативные единицы терминологического характера, в разговорной речи на первый план выдвигаются их экспрессивно-стилистические особенности, большие выразительные возможности. Как правило, фразеологические обороты воспринимаются точно, в том виде, в каком они закрепились в языке. Неоправданное разрушение фразеологических оборотов противоречит литературной норме (там же, с. 191).

Л.В. Лисоченко (1996: 13) сформулировано и обосновано понятие «подчинительного словосочетания с сочиненным рядом слов в качестве одного из компонентов: «...два подчинительных словосочетания, оказавшись связанными в предложении сочинительными отношениями, образуют словосочетание с сочиненным рядом слов в роли главного компонента». Существуют два способа образования подобного словосочетания. В первом случае «сочинительная связь между словоформами существует до предложения в готовом виде», во втором случае «сочинительная связь между словами возникает в предложении».

Нарушения, связанные с неправомерным управлением различных частей речи при фразеологической спаянности компонентов, стали возможны в следующих случаях.

Смещение предложного и беспредложного управления и вследствие этого – неправильный выбор падежной формы зависимого слова

Современные авторы отказались от термина «согласование», заменив его более точным, по их мнению, термином «координация», считая эту грамматическую связь более широкой и свободной. В нее (Валгина Н.С., 1983: 113) «могут вступать различные слова и словоформы, и их морфологические свойства не обязательно должны соответствовать друг другу, так как их взаимоотношения определяются не лексико-грамматической принадлежностью, а синтаксической принадлежностью в структуре предложения».

Специфической чертой литературного языка, отличающей его от других форм существования языка, является то, что в нем существуют традиционные правила, рекомендации соблюдения хорошей речи, требования к ее эстетике.

Русский синтаксис отличается богатством и разнообразием вариантов управляемых конструкций. Интерес вызывают те варианты управления, которые получают функционально-стилевое закрепление (Голуб И.Б., Розенталь Д.Э., 1997). Так, формы дательного беспредложного падежа могут варьироваться в качестве синтаксически зависимых с различными иными беспредложными и предложными формами, как, например, в исходном предложении «*В поисках примера, **достойного к подражанию***» [25, с. 6]. Фразеологическая спаянность компонентов «достойный» и «подражание» предполагает наличие между ними дополнения в родительном падеже: «*пример*», «*достойный* чего?». Таким образом, правомерно предложение-дериват «*В поисках **примера, достойного подражания**...*».

В ряде случаев употребление формы дательного беспредложного падежа на месте формы родительного падежа В.А. Ицкович (1982: 93) объясняет воздействием фактора аналогии – влиянием сходной по значению конструкции, в которой должен быть употреблен дательный падеж; неразличением управления при однокоренных словах, относящихся к данным частям речи;

смешением употребления форм в случаях различного управления подчиняющихся слов при разном значении. Иные случаи незакономерного, не соответствующего норме употребления одного из вариантов конструкции вместо другой, нерегулярны, неокказиональны. Поэтому конструкция исходного предложения «*Все это позволяет **предполагать о том**, что иммунный ответ у таких животных может приобретать качественные оттенки*» [4, с. 5], ввиду того, что «*предполагается что-то*», а не «*о чем-то*», требует восстановления нарушенного синтаксического управления с устранением неоправданно употребленного предлога. Этим требованиям отвечают предложения-дериваты «*Все это позволяет **предполагать то, что** иммунный ответ у таких животных может приобретать качественные оттенки*» и «*Все это позволяет **предполагать, что...***».

Неуместное использование предлогов, приводящее к смешению предложного и беспредложного управления

Согласно правилу беспредложного и предложного управлений, при выборе вариантов беспредложных и предложных конструкций, Д.Э. Розенталь (2004: 285-297) рекомендует учитывать различие в смысловых оттенках. Так, обычно предложные конструкции, в которых отношения между словами выражаются не только падежным окончанием, но и предлогом, имеют более конкретный характер. Связь со словами здесь более точна, существует только некоторое различие в смысловых оттенках.

Неуместное использование предлогов зачастую приводит к смешению предложного и беспредложного управления, что, в свою очередь, может разрушить устойчивый оборот. Так, фразеологическая спаянность компонентов «тенденция роста» нарушена в исходном предложении «*С 1972 года наметилась **тенденция к росту** болезней, передающихся респираторным способом*» [4, с. 59]. Осуществление ортологической процедуры в отношении данного предложения вызвано необходимостью восстановить разрушенный устойчивый оборот и правомерное беспредложное управление, которые имеют место в предложении-деривате «*...наметилась **тенденция роста** болезней...*».

Неоправданный пропуск предлога при предложном управлении

В сфере управления сильно влияние синтаксической ассимиляции, и именно здесь, по мнению И.Б. Голуб (1972), часты отступления от нормы, объясняемые действием аналогии. Таковы, например, случаи неправильного выбора падежа зависимого слова под влиянием управления синонимических слов. (Возьмем уже рассмотренный нами случай нарушения спаянности компонентов *«Предназначено студентам»*, когда норма требует *«адресовать кому-то*, но *«предназначать для кого-то»* – В. М).

Нарушенная фразеологическая спаянность в исходном предложении *«Я сказал, что позвоню директору МТС, потребую больше **обращать внимания целинникам**»* [11. с. 89] объясняется, во-первых, пропуском предлога *«на»* (*«обращать внимание» на «кого-то»*), во-вторых, в связи с этим, – неоправданным выбором формы зависимого слова. Поэтому правомерным является предложение-дериват *«Я сказал, что позвоню директору МТС, потребую больше внимания **обращать на целинников**»*.

Неоправданная подмена одного устойчивого сочетания или его компонентов другим

Нарушение нормы, заключающееся в подмене устойчивого сочетания другим, становится возможным, если при создании исходных предложений не просто нарушено правило управления различных частей речи, а ошибочно использовано другое синонимичное устойчивое сочетание (*«обращать внимание»* вместо *«уделять внимание»*, когда дательный падеж компонента *«целинникам»* был бы правомерен: *«Я сказал, что позвоню директору МТС, потребую больше **уделять внимания целинникам**»* [10, с. 89]. Причиной выбора формы падежа стало отсутствие дифференциации сказуемых *«уделить»* и *«обратить»*).

Разрушение устойчивого оборота, вызванное употреблением неправильного компонента конструкции, характерно и для исходного предложения *«Методическое пособие... **одобрено к печати**»* [2, с. 2]. Созданное в результате ортологической процедуры, с правильным компонентом, предложение-

дериват выглядит как «*Методическое пособие рекомендовано к печати*» (рис. 2.9).

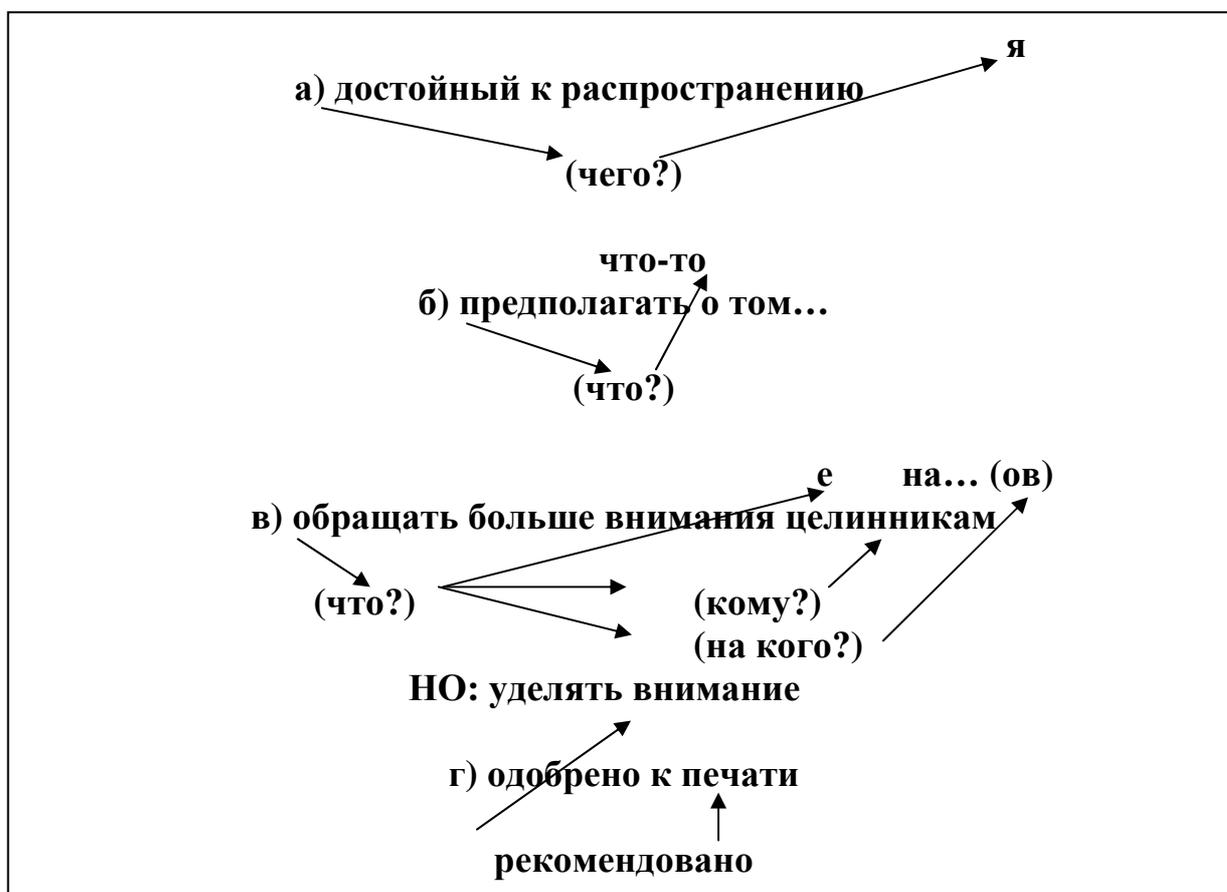

Рис. 2.9. Искажение устойчивых оборотов в исходном предложении и варианты предложения-деривата

Нарушение грамматических норм нередко связано с употреблением в речи этих предлогов. Данное нарушение имеет место в части исходного предложения «*Согласно решения актива полеводческой бригады...*» [1, с. 55]. Однако предлоги «благодаря», «вопреки», «согласно», «навстречу», по современным нормам литературного языка, употребляются только с дательным падежом (Введенская Л.А., 2001: 78). Поэтому правомерен вариант предложения-деривата «*Согласно решению актива полеводческой бригады...*».

Неоправданный выбор падежной формы зависимого слова с предлогами «согласно», «вопреки», «благодаря»

Собственно нарушения в выборе предлога

Системой русского языка определяется обязательное согласование прилагательного с существительным в роде, числе, падеже. Первое условие нормативности языкового явления – соответствие данного явления продуктивным синтаксическим моделям (Голуб И.Б., 1973: 23-25).

В исходном предложении *«Нужно предусматривать эффективные меры безопасности на источники возбудителя и восприимчивых животных»* [4, с. 89] нарушение языковой нормы проявляется в том, что компонентом фразеологической спаянности *«принимать меры»* является предлог *«к»* (*«меры» «к чему-то»*). Поэтому правомерным является предложение-дериват *«Нужно принимать эффективные меры безопасности к источникам возбудителя и восприимчивым животным»*.

Ошибочное беспредложное управление

К нарушению норм управления различных частей речи при беспредложном управлении приводит неоправданное управление существительным в конструкции с числительными *«два», «три» и более*, например: *«У овец различают **три** основных **видов** шерстинок»* [2, с. 24].

Данное нарушение стало возможным вследствие влияния грамматической аналогии (Граудина Л.К., 1980: 242-245). Согласно правилу сочетания числительных с существительными в сочетаниях *«два», «три», «четыре», «более»*, в предложении-деривате управляемое существительное употребляем в родительном падеже единственного числа в зависимости от числительного (Розенталь Д.Э., 2004: 228): *«У овец различают **три** основных **вида** шерстинок»* (Голуб И.Б., 1973).

Неоправданный пропуск предлога

Для уточнения смысловых отношений между членами предложения и для указания места распада предложения на словесные группы ставится тире (Голуб И.Б., 2003: 147). Рассмотрим исходное предложение *«По техническим свойствам ось намного хуже пуха. Ее достоинство повышается по мере уменьшения толщины волокон, которая весьма различна – 35 до 10-120 микрон»* [2, с. 25]. В нем пропущен предлог *«от»*. Однако именно тире в этом случае заменяет по смыслу слова *«от»* и *«до»*: *«...ее достоинство повышается по мере уменьшения толщины волокон, которая весьма различна – от 35 до 1-120 микрон»*.

И.Б. Голуб (там же) считает, что если между двумя рядом стоящими числительными можно вставить союз *«или»*, то они соединяются дефисом, но при цифровом обозначении ставится тире. Поэтому такой же механизм применяем при трансформации исходного предложения *«Среднесуточный прирост планируется 700 г»* в предложение-дериват *«Среднесуточный прирост планируется в 700 г»*.

Неоправданная замена беспредложной конструкции предложной

Круг значений, выраженных дательным падежом, относительно узок (Ицкович В.А., 1982: 89). Но в исходном предложении *«В поисках примера, достойного к распространению, мы ознакомились с организацией и технологией переработки маралов на убойном пункте ОПХ «Новоталицкое»* [14, с. 58] допущены два нарушения языковой нормы современного русского литературного языка. Во-первых, в устойчивом сочетании *«пример, достойный распространения»* предлог изначально был не нужен (*«пример», «достойный чего?»*). Во-вторых, компонент *«достойный»* требует наличия компонента в родительном падеже. Этим требованиям нормы отвечает предложение-дериват *«В поисках примера, достойного распространения, мы ознакомились с организацией и технологией переработки маралов на убойном пункте ОПХ»*.

Другое исходное предложение: «*Все это позволяет **предполагать о том**, что иммунный ответ у таких животных может приобретать различные качественные оттенки*» [5, с. 104] – содержит предлог с указательным местоимением в предложном падеже. Между тем устойчивое сочетание «*предполагать что-то*» подразумевает при себе дополнение в винительном падеже с указательным местоимением «**то**» или без него. Поэтому возможны два варианта трансформации данного предложения в предложение-дериват: а) «*Все это позволяет **предполагать то, что** иммунный ответ...*»; б) «*Все это позволяет **предполагать, что** иммунный ответ...*».

Распространено нарушение языковой нормы при использовании конструкций со словом «*тенденция*», в которую автор исходного предложения стремится **неоправданно ввести предлог «к»**: «*С 1972 года наметилась **тенденция к росту** болезней, передающихся респираторным способом...*» [4, с. 10]. В предложении-деривате компонент «*тенденция*» имеет, согласно норме, беспредложное дополнение в родительном падеже: «*С 1972 года наметилась **тенденция роста** болезней...*».

Конструкцию с нарушением языковой нормы при использовании устойчивого сочетания «*уделять внимание*» мы уже рассматривали, когда имело место разрушение самой конструкции. Распространенным нарушением является введение в нее предлога «**на**»: «*При этом особое внимание должно быть уделено **на** накопление, сохранение, рациональное использование влаги*» [27, с. 21]. В процессе ортологической процедуры правомерным является исключение данного предлога и восстановление разрушенного устойчивого сочетания в существительным в дательном падеже: «*При этом особе внимание должно быть уделено **накоплению, сохранению, рациональному использованию** влаги*».

Такое же нарушение характерно для исходного предложения «*Желательно, чтобы студент **определился с темой** своего будущего дипломного проекта уже на четвертом курсе*» [9, с. 13]. Но «**тему**» можно «**определить**», а не «**определиться с ней**» (Арутюнова Н.Д., 1976: 143), поэтому, считая сочетание «**определить тему**» устойчивым, мы восстанавливаем его

и представляем без предлога «с» в предложении-деривате *«Желательно, чтобы студент **определил тему** своего будущего дипломного проекта...»*.

Замена предлога в устойчивых сочетаниях ошибочным предлогом

Если в устойчивом сочетании имеется предлог, то этот предлог также неизменен, как и само сочетание (Розенталь Д.Э., 1984). Изъятие лексемы из текста без разрушения конструкции возможно, если она не связана семантическими отношениями, характеризующими результативно-конкретную модель. Если же она связана только структурными отношениями, то ее можно заменить. Однако распространенным отступлением от этого правила является замена необходимого предлога другим, неуместным, как, например, в исходном предложении *«Ячмень является культурой универсального использования. Его зерно используется не только **на** продовольственные и кормовые **цели**, но и для получения пива»* [27, с. 27]. Трансформируя его в предложение-дериват, восстанавливаем устойчивое сочетание **«в целях»**: *«Его зерно используется... в продовольственных и кормовых **целях**...»*.

2.8. НАРУШЕНИЕ СПАЯННОСТИ КОМПОНЕНТОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Случаи «незакономерного, не соответствующего норме употребления одной из вариативных структур вместо другой, нерегулярны, окказиональны, считает В.А. Ицкович (1982: 93). Объясняются такие отклонения, главным образом, влиянием аналогии, воздействием близких по форме или значению конструкций, неразличением управления при однокоренных словах, относящихся к разным частям речи, смещением употребления форм в случаях разного управления подчиняющих слов при их различном значении. Так, при сочетании существительного в именительном падеже с существительным или местоимением в творительном, или также в именительном падежах (с

предлогом «с» или союзом «и»), форма множественного числа сказуемого должна свидетельствовать о том, что речь идет не об одном лице (Голуб И.Б., 2003: 134), а о двух равноправных субъектах. Нарушение такой координации произошло в нижеприведенных случаях.

Нарушение грамматической координации слов в предложении при его однородных членах

Исходное предложение «*На следующий день я и шофер поехал на пригородную МТС*» [11, с. 12] являет собой пример нарушения спаянности компонентов при несопоставимости слов в предложении. Компоненты сочетания «*я и шофер*» объединены как однородные члены предложения, на что указывает третий общий для них компонент «*поехал*», неоправданно употребленный в единственном числе. Это нарушает, в свою очередь, грамматическую координацию слов в предложении (рис. 2.10).

Нарушение нормы согласования в данном предложении, стало возможным не в силу несопоставимости семантического плана слов, объединенных как однородные члены («*я и шофер*»), а по причине ошибочного употребления формы единственного числа сказуемого «*поехал*». Оно показывает, что подлежащим семантически является одно лицо, тогда как синтаксически им являются местоимение «*я*» и существительное «*шофер*» в именительном падеже. Действительно, сказуемое при нескольких подлежащих стоит во множественном числе, если все подлежащие берутся мыслью объединенно, как слитное подлежащее. Как согласование по смыслу, такое явление было определено В.З. Санниковым (1989: 61): «Сказуемое имеет форму множественного числа, если реально в ситуации участвуют несколько субъектов, в противном случае сказуемое согласуется с ближайшим из подлежащих».

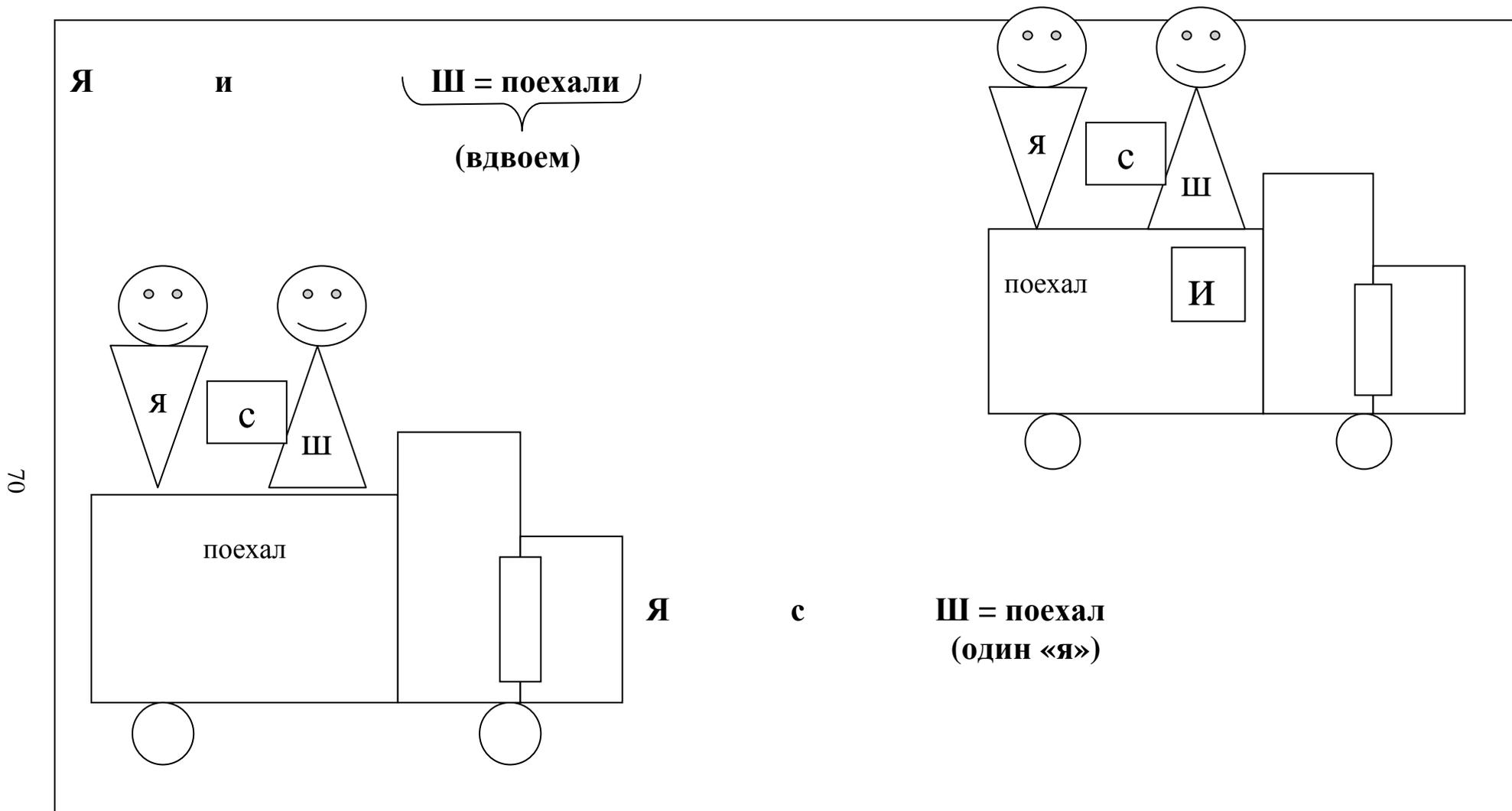

Рис. 2.10. Нарушение грамматической координации слов в предложении при его однородных членах

Иногда в подобных случаях играет роль порядок слов. Ср.: «Я с шофером поехали» – «Шофер со мной поехал». Обычно в таких конструкциях при различной родовой принадлежности существительных на первом месте фигурирует более сильный в грамматическом отношении мужской род: «Шофер со мной поехал». Другое дело, если бы можно было этот вопрос решить лексическим значением слов, входящих в сочетание «я с шофером». Тогда бы подлежащим являлось только местоимение «я» в именительном падеже, а существительное «шофером» в творительном падеже обозначало бы лицо, сопутствующее производителю действия (Голуб И.Б., Розенталь Д.Э., 1997:135). Однако в данном исходном предложении подлежащим мыслятся два равноправных субъекта «я» и «шофер», что обязывает нас в предложении-деривате действие обозначить глаголом множественного числа «поехали»: «На следующий день я и шофер поехали на пригородную МТС». Заметим, что на уместность такого варианта трансформации исходного предложения указывает нам и лексическое значение сказуемого «поехали». Дело в том, что стилистический аспект в изучении координации главных членов предложения обращает нас, вслед за И.Б. Голуб (2001: 373), к проблеме выбора форм числа сказуемого, когда подлежащих несколько, но действие, обозначаемое сказуемым, – одно.

Нарушение употребления формы числа сказуемого при однородных подлежащих

Нередко при однородных подлежащих в форме числа сказуемого возникают такие «колебания» (Голуб И.Б., 2001), как, например, в исходном предложении «Своеобразная и качественная **разделка** пласта многолетних трав **дисковыми орудиями, предотвращение** его глубоких иссушающих обработок **гарантирует** урожай яровой пшеницы не хуже, чем по паровому предшественнику» [28, с. 119]. В таких случаях координацию формы числа сказуемого определяет ряд условий (Голуб И.Б., 2001). Если вначале перечисляются однородные подлежащие, а сказуемое следует непосредственно за ними (как в

случае данного исходного предложения), то оно принимает форму множественного числа: «Своеобразная и качественная **разделка** пласта многолетних трав дисковыми орудиями, **предотвращение** его глубоких иссушающих обработок **гарантируют** урожай...».

При иной последовательности членов предложения возможны другие варианты в случае, если есть основной носитель действия или нет необходимости выделять его инициатора. Если же среди однородных подлежащих есть существительное во множественном числе, сказуемое тоже принимает эту форму. Однако если ближайшее к сказуемому подлежащее, имеющее форму единственного числа, подчеркнуто еще и определением, сказуемое также может воспринимать эту форму.

В исходном предложении «Своевременная и качественная **диагностика, изоляция и убой** реагирующих животных, **выращивание** здорового молодняка **является** важным условием успешного оздоровления стада» [6, с. 16] подлежащее «диагностика» подчеркнуто определениями «своевременная» и «качественная», но оно не ближайшее к сказуемому «является». Следовательно, употребление последнего в форме единственного числа мы считаем нарушением координации по форме сказуемого, искажающим, в свою очередь, и логичность, и синтаксический строй, и смысл предложения.

2.9. НАРУШЕНИЯ В ОБОЗНАЧЕНИИ СКРЕЩИВАЮЩИХСЯ ПОНЯТИЙ

В сочетаниях однородных членов предложения нарушением является наличие в перечислении однородных членов скрещивающихся понятий (Розенталь Д.Э., 2004: 313). Скрещивающиеся понятия – это понятия, частично совпадающие по своему логическому объему, встречающиеся, например, в предложении, если роль лица, по Н.Д. Арутюновой (1976), преобладает над ролью неодушевленного предмета. Так, скрещивающиеся понятия, частично совпадающие по объему слов, в следующем исходном предложении обозначаются однородными членами: «Балано-поститы могут быть вызваны раз-

ными причинами: *антисанитарным стойловым содержанием, механическое повреждение целостности уретрального канала, скоплением секрета потовых и сальных желез*» [4, с. 85]. При этом они частично употребляются в падеже общего компонента («*причинами*»), частично – в именительном падеже («*повреждение*»). Как перечисление, на наш взгляд, они должны быть употреблены в именительном падеже предложения-derivata «*Баланопоститы могут быть вызваны разными причинами: антисанитарное стойловое содержание, механическое повреждение целостности уретрального канала, скопление секрета...*». Допускается и предложение-derivat, в котором однородные члены, обозначающие понятия перечисления, находятся после общего компонента: «*Баланопоститы могут быть вызваны разными причинами: антисанитарным стойловым содержанием, механическим повреждением..., скоплением...*».

2.10. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ

К синтаксическим доминантам относятся разного рода редуцированные синтаксические парцеллированные конструкции, неполные высказывания, которых в учебных текстах, по нашему мнению, необходимо избегать.

Парцелляция

Парцелляция – способ речевого представления единой синтаксической структуры «несколькими коммуникативно-самостоятельными единицами – фразами». Это способ организации текста по принципу присоединения, но при такой степени завершенности предшествующей части, которая позволяет автору поставить точку перед присоединением. Правомерно ли это?

Чаще всего использование парцелляции продиктовано целью вынесения в отдельное высказывание глагольных предикатов. В результате описываемые ситуации должны выделяться в тексте, подаваться с актуализацией интенсивности их протекания. Этого нельзя сказать об исходных предложениях

актуально-наличного текста «В это время в кабинет стремительно вошел молодой человек, кивнул мне и сел напротив. **Начал спрашивать**» [11, с. 86].

Показателем связи могут быть как правильно расставленные знаки препинания между предложениями, которые в актуально-наличном тексте представлены самостоятельными, разделенными точкой, так и восстановленный во время ортологической процедуры главный член второго предложения, являющегося продолжением первого: «В это время в кабинет стремительно вошел молодой человек, кивнул мне, сел напротив **и начал спрашивать**» или «В это время в кабинет стремительно вошел молодой человек, кивнул мне и сел напротив. **Он начал спрашивать**» (рис. 2. 11).

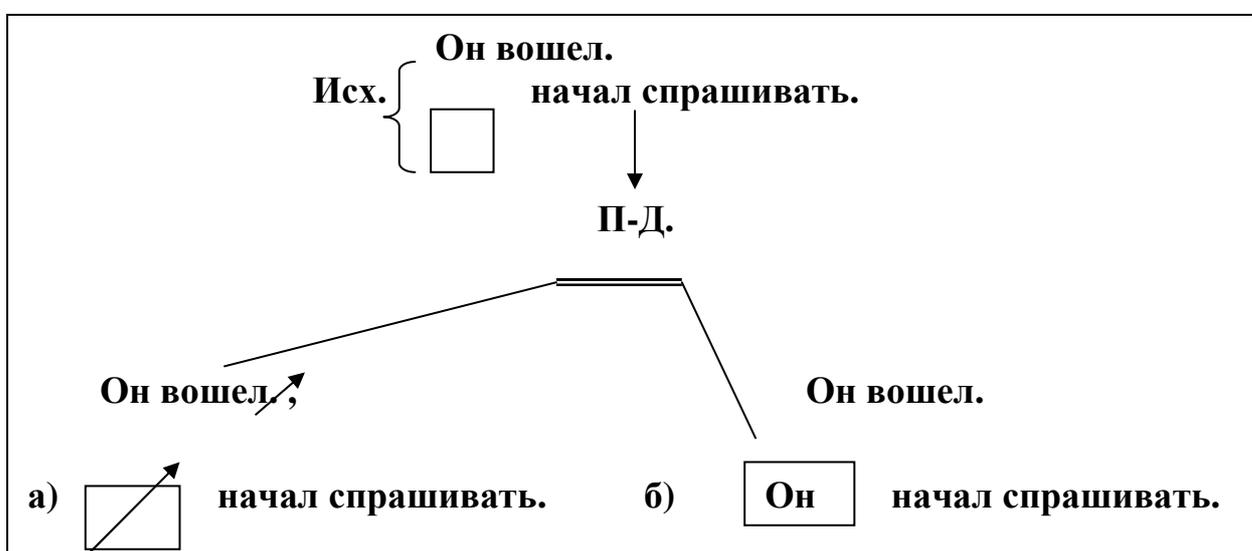

Рис. 2.11. Явление синтаксической доминанты.
 Исх. – исходное предложение, в котором отсутствует показатель синтаксической связи; П-Д – предложение-дериват:
 а) показатель связи – знак препинания;
 б) показатель связи – наличие главного члена предложения

В исходных предложениях актуально-наличного текста «**Скирда** – кладь сена с прямоугольным **основанием**. **Бывает** нескольких типов...» [8, с. 5] вторая часть предложения «**Бывает** нескольких типов» не имеет главного члена «**Она**». Его мы восстанавливаем в предложении-деривате: «**Скирда** – кладь сена с прямоугольным основанием. **Она** бывает нескольких типов».

Рассмотрим исходные предложения актуально-наличного текста «**Коров** оценивают по молочной продуктивности, конституции. **Быков**-произво-

дителей – по экстерьеру и **развитию**. Молодняк – по генотипу, экстерьеру и **развитию**». При трансформации целесообразно было бы показателем связи считать сказуемое «**оценивают**», пропущенное во втором и третьем исходных предложениях, описывающих ситуацию: «Коров **оценивают** по молочной продуктивности, быков-производителей **оценивают** по экстерьеру и **развитию**, молодняк **оценивают** по генотипу...» [2, с. 11]. Однако такой текст был бы перенасыщен сказуемым, употребленным несколько раз и создающим эффект повторения, неуместный для функционального стиля, к которому относится учебная литература. Поэтому возможна трансформация с использованием в качестве связи знака препинания (запятой), который осложняет предложение несколькими однородными членами: «Коров **оценивают** по молочной продуктивности, быков-производителей – по экстерьеру и **развитию**, молодняк – по генотипу...» (рис. 2.12).

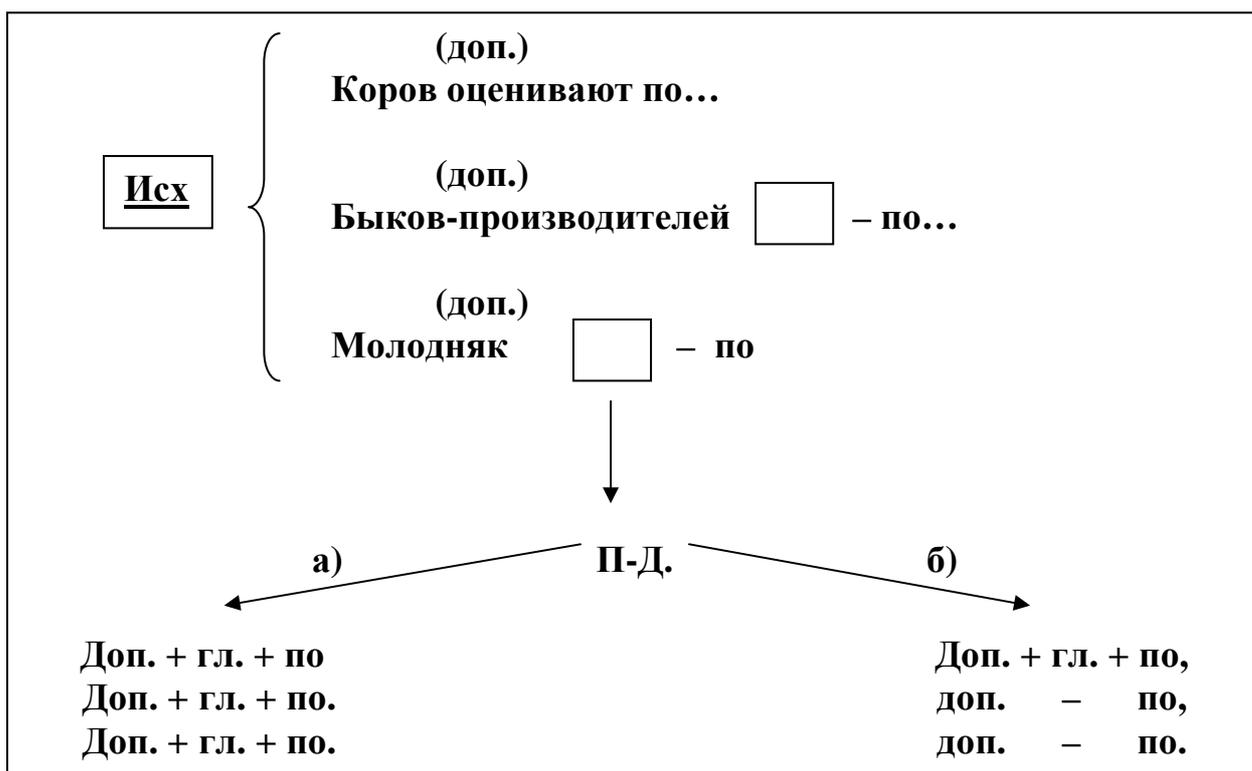

Рис. 2.12. Явление парцелляции, устраненной следующими механизмами:
 а) сохранение 3-х предложений с подставленными в них сказуемыми (гл.);
 б) постановка знаков препинания внутри предложения (запятые, тире);
 Исх. – исходные предложения;
 П-Д – предложения-дериваты

Пунктуационная доминанта

В ходе исследования нами установлено, что пунктуационная доминанта имеет место, когда:

- неоправданно активно используются различные пунктуационные знаки, и каждый случай этого нами отмечен ниже. Это запятые с целью выделения, усиления или дополнения смыслового содержания; тире как сигнал пропуска соответствующих однородных членов предложения или указательной частицы «это»; скобки, в которые заключаются второстепенные члены предложения, выражающие уточнения;

- неоправданно пропущены необходимые в данной конструкции члены и пунктуационные знаки;

- не оправдано коммуникативно-обусловленное интонационное членение.

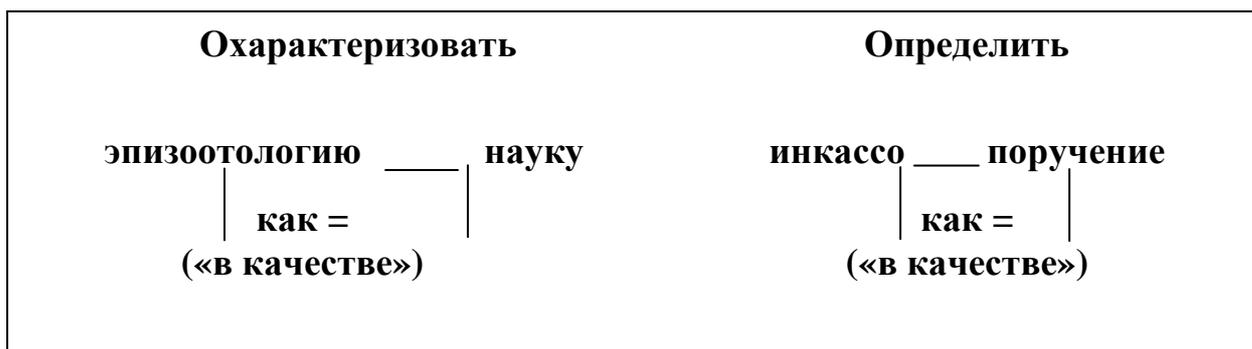
2.11. ПСЕВДОКАТЕГОРИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В современном русском языке есть союз, который выделяется из всех своими синтаксическими свойствами. Это союз «как» в употреблении, когда он совпадает со сравнением. Но, в отличие от сравнения, он не имеет синонимов «словно», «точно», «будто». Его можно передать только при помощи синонима «в качестве». А.Ф. Прияткина (1990: 82) отмечает, что этот союз отличается особой «книжностью», принадлежностью к текстам преимущественно делового содержания, поэтому он изолирован и ограничен в употреблении.

Между тем становится возможным нарушение категории предложения при его ошибочном введении в разряд сложносочиненного с придаточным сравнительным. Действительно, предложение актуально-наличного текста в результате неправомерно использованной запятой перед союзом «как» автор

иногда «превращает» в сравнительное сложноподчиненное, которое на самом деле сравнительного оборота не содержит: «*Таким образом, можно было бы охарактеризовать эпизоотологию, как науку об эпизоотиях*» [5, с. 12].

Обособляется приложение, присоединенное к определяемому слову союзом «как», которое имеет причинное значение (Голуб И.Б., Розенталь Д.Э., Теленкова М.А., 2002: 353), или когда союз выражает отношения сравнения, имеет вышеназванные синонимы. В данном же исходном предложении союз «как» выражает отношение сущности (Прияткина А.Ф., 1990: 86). Он не образует сравнительного предложения, а служит исключительно для связи слов и связан только с именем («эпизоотия как наука»). «Как» – «в качестве» выражает двустороннее синтаксическое отношение, все три компонента синтаксически связаны и составляют замкнутую конструкцию (рис. 2.13).

Рис. 2.13. Явление псевдокатегории предложения

Сравнительным союзом, присоединяющим сравнительное придаточное предложение к главному, «как» не является и в исходном предложении «*Инкассо можно определить, как поручение экспортера своему банку получить от импортера... платеж...*» [12, с. 156] → «*Инкассо можно определить как поручение экспортера своему банку...*».

ВЫВОДЫ

При выявлении типов нарушений собственно-синтаксических норм мы провели синтаксический анализ исходных предложений, содержащих этих нарушения. В результате стала возможной их трансформация в предложения-дериваты, конструкция которых соответствует синтаксической норме.

Нарушения норм современного русского литературного языка, обнаруженные в исходных предложениях на собственно-синтаксическом уровне, стали основой для построения их классификации.

В нее мы включили следующие отступления от нормы современного русского литературного языка, которые неуместны в учебном тексте:

- синтаксический параллелизм;
- неоправданный порядок слов в предложении;
- разрушение структуры предложения;
- неправомерное расположение придаточного предложения в сложной конструкции;
- синтаксическую недостаточность предложения;
- разнотипность частей высказывания, смещение конструкций;
- смешение прямой и косвенной речи;
- нарушение норм управления различных частей речи, в том числе при фразеологической спаянности компонентов предложения;
- несопоставимость слов в предложении;
- нарушение категории предложения.

Некоторым типам выявленных нарушений мы присвоили названия. Для многих из них найдены подтипы, включающие варианты, в силу которых были допущены нарушения.

Анализ актуально-наличного текста привел нас к пониманию грамматических различий между предложениями текста, представленного автором, и предложениями-дериватами, полученными нами в процессе ортологической процедуры.

Сравнивая соответствие синтаксическим нормам исходных предложений и предложений-derivатов, мы убедились, что синтаксическая деривация является важнейшим видом деривации. Проведение ортологической процедуры в отношении исходных предложений позволило установить определенные механизмы «выведения» производных предложений (предложений-derivатов) из исходных.

Таковыми механизмами явились:

1. Устранение синтаксического неравноправия внутренних связей при однородных членах предложения.

2. Приведение к синтаксической норме использования вставки неконструктивного типа на фоне свободы включения части конструкции в состав высказывания;

3. Устранение нарушений прямого порядка слов посредством:

а) приведения к норме использования двойного союза «не только, но и...», «не столько, сколько...» и др.;

б) восстановления рассогласованной конструкции, разрушенной структуры предложения, разрушенной структуры союзов;

в) устранения оторванности придаточного предложения от главного.

4. Восстановление неоправданно пропущенных соотносительных слов в главной части предложения при синтаксической недостаточности.

5. Устранение разнотипности частей высказывания в предложении:

а) восстановление нарушенного строя предложения;

б) исключение использования в качестве однородных синтаксических элементов двусоставного и односоставного назывного предложений.

6. Устранение неоправданного употребления словоформ, порождающих смещение конструкций.

7. Устранение смешения прямой и косвенной речи за счет:

а) исключения в придаточном предложении, образующем косвенную речь, элементов прямой речи;

б) исключения вопроса во второй части предложения.

8. Приведение к норме использования управления при фразеологической спаянности компонентов посредством:

- а) правильного выбора падежной формы зависимого слова;
- б) уместного использования предлогов.

9. Исключение окказиональности при использовании спаянных компонентов предложения с помощью следующих дериваторов:

- а) правомерной грамматической координации слов при однородных членах предложения;
- б) оправданного употребления формы числа сказуемого при однородных подлежащих.

10. Правомерное обозначение скрещивающихся понятий.

11. Исключение использования синтаксических доминант посредством:

- а) устранения явлений
  - парцелляции;
  - пунктуационной доминанты.

12. Предотвращение псевдокатегории предложения при использовании в качестве дериватора союза «как».

Созданная классификация дополнила существующую систематизацию ошибок, предложив типы нарушений норм современного русского литературного языка на собственно-синтаксическом уровне.

Это дает возможность нам и другим исследователям, пользователям русского языка точно находить причину синтаксического несовершенства предложений и грамотно ее устранять, а в дальнейшем соблюдать при создании текста такие его качества, как связность, последовательность и логичность изложения.

Практическим результатом проведенной работы, отраженной в данной части исследования, явились:

- трансформация исходных предложений в предложения-дериваты в соответствии с требованиями нормы современного русского литературного языка;

- выявление причины несовершенства текста (рукописи) будущей учебной литературы;
- грамотное устранение этой причины;
- приведение исходных предложений к норме в процессе ортологической процедуры;
- теоретическое обоснование каждого варианта представленной редакторской правки.

ГЛАВА 3

ОРТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЦЕДУРА УСТРАНЕНИЯ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ НАРУШЕНИЙ

Любое высказывание должно отражать отношение сообщения к действительности в плане его истинного значения (Кондаков Н.И., 1971: 89-92). В разряд предъявляемых требований при трансформации исходных предложений в предложения-дериваты на семантико-синтаксическом уровне мы включили:

- обязательность однозначности конструкций;
- невозможность их двоякого чтения;
- адекватность грамматической формы каждой конструкции по смыслу.

Одним из законов, нарушение которых препятствует логической речи, является закон тождества, который требует, чтобы предмет мысли в пределах одного рассуждения оставался неизменным, чтобы в процессе рассуждения одно значение о предмете не подменялось другим. В противном случае возникает неопределенность, неконкретность рассуждений, двоякость в восприятии предложения, что является категорическим противопоказанием для учебного текста.

Этим объясняется попытка выяснения нами того, что:

- семантико-синтаксическая роль каждого из компонентов представленного адресантом предложения соответствует роли денотата в обобщенном моделию фрагменте действительности;
- каждый из предикативно сопряженных компонентов выражен изосемическим способом (Золотова Г.А., 1982), то есть соответствующей частью речи в ее основном категориальном значении.

На семантико-синтаксическом уровне мы обнаружили следующие нарушения норм современного русского литературного языка.

3.1. ДВОЯКОЕ ЧТЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Нежелательный смысл, неуместные ассоциации возникают в различных ситуациях письменной речи, оставаясь незамеченными ее создателями. Часто двусмысленность речи порождается неправильным употреблением слогов, и тогда трансформация исходного предложения требует не только замены их вариантом, но и перестановки членов предложения. Кроме того, можно прибегнуть к синонимичной замене слов (Голуб И.Б., 1973: 13).

При устранении такого нарушения механизм деривационной процедуры зависит от особенностей предложения. Иногда достаточно заменить одно слово или оборот синонимом, в других случаях следует сокращать предложение, исключая тавтологию и многословие, речевые штампы. Семантико-синтаксические недочеты мешают восприятию текста, и, внося в него изменения с целью улучшения его смысловой организации, не следует придавать им «самодовлеющего значения и, добиваясь благозвучия, поступаться точностью, информативной стороной предложения» (Голуб И.Б., там же).

Пунктуационная доминанта

Оборот, заключающий в себе значение дополнительной предикативности, является особым второстепенным членом (Прияткина А.Ф., 1990: 140). Его функция нетождественна функции присловного определения или обстоятельства, хотя семантически он может и не отличаться от одного из них и иметь одинаковое с ним морфологическое выражение. Лишь условно, следуя традиции, мы можем полупредикативный член назвать обособленным определением, хотя, по мнению А.Ф. Прияткиной (там же, с. 35), этот термин неудобен, так как мешает увидеть различие в синтаксических позициях.

Традиция, согласно которой полупредикативный член называется обособленным определением или обособленным приложением, отражает определенный этап в изучении обособления как синтаксического явления, когда

функцию обособления видели только в «выделении, подчеркивании» какого-либо члена предложения с целью придания ему большего смыслового веса.

В ходе исследования нами выявлено, что пунктуационная доминанта имеет место, когда:

- неоправданно активно используются различные пунктуационные знаки: запятые с целью выделения, усиления или дополнения смыслового содержания; тире как сигнал пропуска соответствующих однородных членов или указательной частицы «это»; скобки, в которые заключаются второстепенные члены предложения, выражающие уточнения;

- пропускаются необходимые в данной конструкции члены и пунктуационные знаки;

- не оправдано коммуникативно-обусловленное интонационное членение конструкции.

Иными словами, нарушения в обособлении вызваны несоблюдением его условий, среди которых (Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А., 2000) имеют место:

- несоблюдение порядка слов, степени распространенности второстепенного члена, уточняющего характера одного члена предложения по отношению к другому, смысловой нагрузки второстепенного члена (совмещение в нем нескольких значений);

- синтаксическая несочетаемость связанных между собой слов;

- намеренный отрыв второстепенного члена предложения от другого члена, к которому он может быть отнесен синтаксически и по смыслу.

Нарушение степени распространенности второстепенного члена

В исходном предложении *«Н.Г.Чернышевский, в своих «Письмах без адреса», написанных в 1862 году, сразу после дворянских конституционных заявлений, отмечал: «Все чувствовали обременение от произвольной администрации...»* [15, с. 13] его часть *«в своих письмах без адреса»* является не носителем пояснительных отношений, а второстепенным членом предложения –

обстоятельством времени. Это подтверждает полученное нами предложение-дериват «*Н.Г.Чернышевский в «Письмах без адреса»... отмечал...»*.

Неоправданное уточнение

Пояснительные отношения – это широкое синтаксическое понятие, объединяющее различные типы на основе семантической и конструктивной общности. Центральное место среди них принадлежит собственно пояснению как наиболее четко оформленному грамматически (Прияткина А.Ф., 1990: 68). На письме эти отношения оформляются интонационно и пунктуационно. Если поясняемое и пояснение совпадают неполностью, имея один референт, одна номинация охватывает действительность шире, а другая уже, – объекты номинаций не совмещаются частично: «*Он (технократизм), скорее несущая конструкция, скелет в социальной и духовной оболочке*» [3, с. 48]. Отношения, при которых тождество объектов специально утверждается, на письме должны оформляться постановкой тире, как это произошло в предложении-деривате «*Он – **технократизм** – скорее несущая конструкция...»*.

Нами выявлены нормативные нарушения, связанные с отсутствием интонационно-смыслового выделения слов в предложении, которые, свою очередь, являются не только второстепенными, но и главными членами. Чаще всего, как считают Д.Э. Розенталь и И.Б. Голуб (2000), уточняющими являются обстоятельства места и времени, и нормативные нарушения при этом связаны с отсутствием их обособления, что влечет за собой искажение смысла высказывания и неправильное восприятие его адресатом. В исходном предложении «*В острой и подострой стадиях воспалительного процесса **после тщательного удаления из препуциального мешка скопившейся слизи применяют антисептические, противовоспалительные... средства...***» [26, с. 63] и уточняющий, и уточняемый члены предложения выражены предложно-падежной формой морфологически одинаково – существительными.

Заметим, что это особый случай уточняющего члена предложения, то есть уточняющий член предложения шире по выражаемому понятию, чем

уточняемый. Он представляет собой развернутое пояснение уточняющего момента по поводу того, что «удаление» должно быть «*тщательным*». Как видим, под влиянием значения уточняемого члена может измениться синтаксическая функция уточняющего члена предложения, который имеет не столько временное значение, сколько значение условности, «очередности»: «*антисептические... средства*» «*применяют*» только «*после удаления... слизи...*». А поскольку налицо стремление автора обратить внимание адресата и на порядок действия, и на его время, и на условие, то, как пояснительно-уточняющий член предложения, словосочетание «*...после удаления... слизи*» необходимо обособить с обеих сторон запятыми: «*В острой и подострой стадиях воспалительного процесса, после тщательного удаления из препуциального мешка скопившейся слизи, применяют антисептические... средства...*».

В роли уточняющих членов часто выступают обстоятельства образа действия, используя которые, автор нередко нарушает нормативные правила их обособления: «*Если при титровании жидкость мутнеет, то в колбу добавляют 5-10 мл эфирно-спиртовой смеси и взбалтывают до исчезновения помутнения до комнатной температуры и заканчивают титрование*» [21, с. 24]. В данном исходном предложении сочетание «*до комнатной температуры*» является уточнением образа действия («*взбалтывают*» «как именно?» – «*до комнатной температуры*»). Оно не располагается цепочкой без пояснения, так как автор поясняет сочетание «*до исчезновения помутнения*» пояснением «*до комнатной температуры*», а это важное указание для адресата, изучающего способ и условия «*титрования*». Поэтому в предложении-деривате данное словосочетание обособляется: «*Если при титровании жидкость мутнеет, то в колбу добавляют 5-10 мл эфирно-спиртовой смеси и взбалтывают до исчезновения помутнения, до комнатной температуры, и заканчивают титрование*».

Нарушение нормы современного русского литературного языка, когда, наоборот, уточняющие члены предложения располагаются цепочкой, причем последующее слово располагается параллельно, а не уточняет значение пред-

шествующего, обнаружено в исходном предложении *«Непригодные для инкубации яйца неправильной формы, с дефектами скорлупы (известковые наросты, насечки и т.д.); с очень подвижным желтком, двухжелтковые; с кровавыми включениями; пораженные плесенью, с подвижной воздушной камерой, расположенной не в тупом конце; с грязной скорлупой [2, с. 38].* В роли уточняющих членов предложения в данном предложении выступает определение *«непригодные для инкубации яйца»*. Считаем, что это больше пояснительные члены предложения, нежели уточняющие, так как уточнение – это ограничение понятия, переход от более широкого, общего понятия к более узкому, частному, а пояснение – это обозначение в данном контексте одного и того же понятия другими словами или одним словом. В данном случае пояснительное слово – *«непригодные»*. Уточняющими здесь являются не второстепенные, а главные члены предложения, то есть *«яйца неправильной формы, с дефектом скорлупы, с очень подвижным желтком»* и т.д. «являются» *«непригодными для инкубации»*. Цепочкой же уточнения является словосочетание *«известковые наросты»*, которая поясняет, что такое *«дефект скорлупы»*. Уточняемые члены перечисляются, их несколько, и в предложении-деривате мы их отделяем точкой с запятой, внутреннюю цепочку выделяем скобками, а между поясняющими и пояснительными членами ставится тире, так как *«яйца неправильной формы»* – это *«непригодные для инкубации яйца»*.

Неоправданное пояснение

Предложение может быть осложнено особыми синтаксическими отношениями – пояснением. Оно устанавливается между членами ряда, один из которых выступает как поясняющий, другой – как пояснительный элемент.

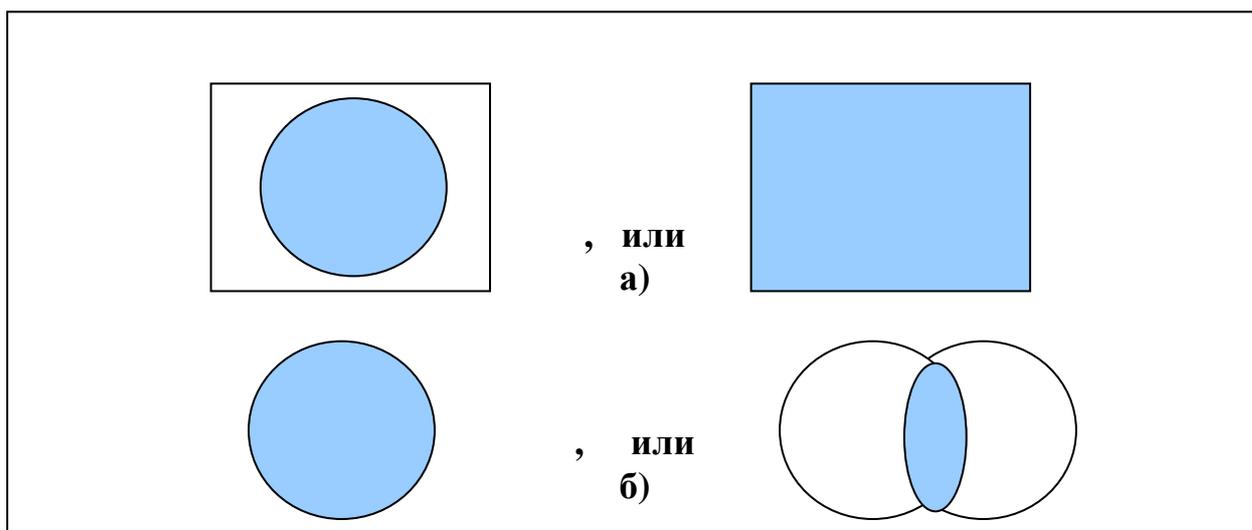
Обратим внимание на то, что пояснение, в отличие от уточнения, – это обозначение в данном контексте одного и того же понятия другими словами или одним словом. Например, пояснительные отношения существуют в исходном предложении *«Итак, технократизм прочно вошел в язык реальной жизни, все, что оказывается в его тисках: (и человек, и наука, и техника) –*

ориентировано на нормы, образцы, абсолютные истины, максимы и прочее» [3, с. 48].

Пояснение *«технократизм»* мы предпочтем выделить скобками, так как это главный член предложения, который поясняет подлежащее, а второстепенный член *«несущая конструкция...»* характеризует его, так же, как и в предложении с несколькими однородными пояснительными подлежащими: *«Итак, технократизм прочно вошел в язык реальной жизни, все, что оказывается в его тисках (и человек, и наука, и техника) – ориентировано на нормы, образцы, абсолютные истины, максимы и прочее»*. В этом случае мы имеем дело с вставными конструкциями, не выступающими в синтаксическом отношении как «чужеродное» тело в составе основного предложения (Розенталь Д.Э., 2000: 366), они включены без посредства союза. По значению они поясняют отдельные слова и словосочетания основного предложения (в первом предложении – «он», во втором – «все, что оказывается в его тисках»). По структуре они выражены одним словом в первом предложении и словосочетанием – во втором.

Пояснительные отношения как сугубо синтаксические нельзя смешивать с лексической синонимией (Прияткина А.Ф., 1990: 65-70). Члены предложения, находящиеся в таких отношениях, могут быть представлены и словами-синонимами (синтаксически-описательными выражениями – при союзе «или»: *«Центральной проблемой географической эпизоотологии является нозоареал или ареал инфекционной болезни»* [4, с. 88]. Пояснительные отношения выражаются синтаксическим описанием «ареал» с союзом «или», поэтому при трансформации исходного предложения их следует обособить запятой: *«Центральной проблемой географической является нозоареал, или ареал инфекционной болезни»*. Пример подобного нарушения – в исходном предложении *«Интенсивность эпизоотического процесса или степень его проявления характеризуется тремя формами»* [5, с. 11] → предложение-дериват: *«Интенсивность эпизоотического процесса, или степень его проявления, характеризуется...»*.

Случаи, когда поясняемое и пояснение не являются синонимами и призваны один и то же объект действительности характеризовать по-разному (рис. 3.1), также требуют постановки перед «или» запятой. Пояснение как синтаксическое отношение отличается от пояснения в широком значении слова. Пояснение в специальном значении слова предполагает определенную конструкцию, а средства ее образования (в данном случае союз «или») зависят от характера пояснительных отношений. Так, повторное обозначение («или», «или») преследует цель конкретизации, более точного обозначения, возможность двоякого названия, определения значимости чего-либо. Это и нашло выражение в выборе служебных слов – показателя пояснительных связей и в типе интонации, и в лексическом составе поясняемого слова. В наших примерах это сочинительный союз «или».

*Рис. 3.1. Конструкция с пояснением:
а) утверждение тождества объектов; б) отсутствие утверждения*

Из рисунка следует, что обозначаемые объекты совпадают неполностью: одна номинация охватывает действительность шире, а другая – уже. Наши предложения представляют собой такой вид конструкции, при котором тождество объектов и специально утверждается (рис. 3.14 а), и не имеет такого утверждения (рис. 3. 14 б).

Особый случай включения члена предложения в высказывание – присоединение, «указывающее на его положение вне основного содержания (Прияткина А.Ф., 1990:154): *«Проект был напечатан в двух выпусках журнала (во втором и третьем)»* [23, с. 18]. Для основной части высказывания, предшествующей присоединению, характерна интонация законченности, и присоединительная часть вводится после более или менее длительной паузы, имея собственное ударение: *«Проект был напечатан в двух выпусках журнала – во втором и третьем»*. Напротив, отсутствует присоединение в первой части исходного предложения *«В марте и апреле у семи коров из девяти – сухостойный период, продолжительность его – два месяца»* [2, с. 24] в отличие от его второй части, где о нем говорят и интонация законченности, и собственное ударение, и пауза. После паузы оно вводится в предложении-деривате: *«В марте и апреле у семи коров из девяти сухостойный период, продолжительность его – два месяца»*.

Термин «обособление», наряду с собственно обособлением, уточнением, пояснением, в широком смысле позволяет включить в него также присоединение членов предложения. Под присоединением подразумеваются дополнительные замечания и разъяснения, включаемые в состав предложения (Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А., 2000: 358). Однако присоединением не является сочетание *«под названием «Уставная грамота»* в исходном предложении *«Любопытен конституционный проект, под названием «Уставная грамота», написанный Л.П. Блюммером»* [15, с. 7]. → Предложение-дериват: *«Любопытен конституционный проект... под названием «Уставная грамота», написанный...»*.

Присоединение возникает в сознании не одновременно с основной мыслью, а лишь после того, как она сформировалась (Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., 2000: 358). Присоединительные члены предложения близки к уточняющим и пояснительным. Заметим, что для присоединения используются различные

слова и словосочетания. Мы же столкнулись в основном с нарушениями, связанными с присоединением, когда последние не выделяются или, наоборот, неоправданно выделяются знаками препинания. Чаще всего это происходит при употреблении присоединительных слов или словосочетаний «например», «в частности», «особенно», «главным образом», «в том числе». Так, в исходном предложении *«Высвободившаяся гидратно-связанная вода, воздействие протеолитических ферментов и кислая среда создают условия разрыхления сарколеммы мышечных волокон и в первую очередь разрыхления и набухания коллагена»* [21, с. 45] сочетание *«в первую очередь»* присоединяет часть предложения, которая, судя по условиям контекста, является важной для адресата. Если отсутствует обособление присоединительной конструкции, адресат может сделать неправильные выводы относительно очередности процессов изменения *«консистенции мяса»*. В данном случае сочетание *«в первую очередь»* идентично сочетанию *«главным образом»*. При трансформации данного предложения присоединение *«в первую очередь»* мы можем обособить с двух сторон запятыми или же после него поставить тире, потому что *«разрыхление и набухание»* может играть роль пояснения с указательным местоимением: *«в первую очередь – это разрыхление и набухание»*.

В исходном предложении *«При воспалении половых органов быков применяют антисептические, противовоспалительные, вяжущие и прижигающие средства, в частности перманганат калия, йодо-форм, стрептоцид...»* [26, с. 70] присоединение «в частности» автор выделяет неправомерно, хотя за этим присоединением следует разъяснение, включаемое в состав предложения. Оно близко к пояснению, но возникло после того, как сформировалась основная мысль (Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А., 2000). Поэтому при трансформации в предложение-дериват разъяснение требует постановки запятой перед сочетанием *«в частности»* и двоеточия после него – перед перечислением того, что «уточняет», «перечисляет»: *«... применяют антисептические, противовоспалительные, вяжущие и прижигающие средства, в частности: перманганат калия, йодо-форм...»*.

Присоединение членов предложения, под которыми имеется в виду разъяснение, включаемое в состав предложения, авторами зачастую используется со словосочетанием «а именно», вводящим адресата в содержание присоединяемого к предложению разъяснения. Обычно такое разъяснение, как показали наши исследования, состоит из перечня однородных членов предложения: *«В исследованиях научной картины мира можно выделить основные этапы развития содержания данного понятия, фиксация и анализ научной картины мира; выделение признаков, по которым различаются картина мира и теория; выявление месте научной картины мира в структуре теоретического знания...»* [20, с. 74]. В данном исходном предложении допущено нарушение языковой нормы, повлекшее изменения в оттенках семантического значения предложения и вследствие этого вызывающее «каламбурность» его содержания. Нарушение снимается постановкой союза «а именно» перед перечислением однородных членов с запятой перед ним и двоеточием после него в предложении-деривате *«В исследованиях научной картины мира можно выделить основные этапы развития содержания данного понятия, а именно: фиксация и анализ...»*.

Заметим, что союз осуществляет связь, имеющую определенное содержание. Семантико-синтаксическое отношение, обозначенное союзом, нередко выходит за границы отдельных слов, охватывая целые части предложения. Однако состав конструкции определяется тем, в пределах какого сочетания слов выявляется семантика союза. Так, в данном предложении «а именно» выполняет свое значение в пределах следующих за ним сочетаний, и поэтому предлагается после него ставить тире (Прияткина А.Ф., 1990: 72). Однако мы используем правило, согласно которому после «а именно» перед перечислением ставится двоеточие. Это концентрирует внимание адресата на присоединенном разъяснении и, следовательно, способствует более основательному усвоению «изменения корневого гласного». Интонационно такое присоединение выделяется паузой с понижением тона (Розенталь Д.Э., 1984, 2004).

Нарушения, связанные с использованием вводных конструкций

Вводные слова и предложения указывают на достоверность или сомнительность сообщения, заключенного в основном предложении. Они придают ему эмоциональную оценку, характеристику стиля, указывают на соотношение между отдельными частями высказывания, выражают призывы к собеседнику или читателю. Морфологическое выражение вводных структур разнообразно, как подчеркивают Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова (2001: 364). Особую группу составляют специально предназначенные слова, и среди них – имена существительные, обычно с предлогом.

Такие вводные конструкции, как *«по мнению»*, *«таким образом»*, на наш взгляд, имеют сразу несколько значений. Рассмотрим исходное предложение *«По мнению известного русского историка А.А. Корнилова в записке сформулирована программа необходимых преобразований»* [15, с. 15]. В роли вводного словосочетания выступает имя существительное с предлогом – *«по мнению»*. Казалось бы, оно синтаксически не связано с членами предложения и его можно было бы опустить. Но, во-первых, автором оно употреблено в целях придания достоверности информации. Во-вторых, оно выполняет конструктивную роль в строении предложения: *«...в записке была сформулирована»* именно *«программа»* в силу того, что так считал «известный русский историк Корнилов», а не *«программа была сформулирована по его мнению»*, то есть исходя из того, в чем заключалось его «мнение»: *«По мнению известного русского историка А.А. Корнилова, в записке была сформулирована программа...»*.

Вводные слова и предложения должны обособляться (Розенталь Д.Э., 2000: 356). Иначе, как мы убедились, нарушение языковой нормы, проявившееся в отсутствии обособления, может повлиять на изменение смысла предложения и неправильное его восприятие адресатом-студентом, изучающим *«истоки русского демократического конституционализма»*.

Наиболее часто в исходных предложениях допускается нарушение нормы, связанное с неправильным выделением вводной конструкции «*таким образом*», в роли которого выступает местоимение с существительным. Она указывает на степень «подытоживания» «предыдущей» информации, содержащейся ранее в тексте или непосредственно в данном предложении, и выделяется запятой, интонационно паузой, более размеренным темпом речи.

Так, в исходных предложениях «*За образовавшиеся свободные концы кожу разводят, освобождая **таким образом** киль и брюшную стенку*» [26, с. 63] и «*...В какой цвет красится конституция... это докажет общественная жизнь. **Таким образом** сам автор конституционного проекта предваряет дискуссию по содержанию его детища*» [15, с. 26] сочетание «*таким образом*» может быть истолковано и как вводное, и как обстоятельство образа действия. Это зависит от того, какую цель преследовал автор, создавая предложение. Так, во втором из них «*автор проекта предваряет дискуссию...*» именно «*таким образом*», то есть утверждением того, что «это докажет общественная жизнь», если обратиться к контексту. В этом случае обстоятельство образа действия «*таким образом*» можно не обособлять. Но если «*таким образом*» – это оценка итога рассуждения самого автора, то обособление необходимо. Однако в первом предложении «*таким образом*» может трактоваться и как вводное, и как обстоятельство образа действия – в зависимости от того, какую цель в содержании преследовал автор. Вводным оно не является и может не обособляться, если выполняет функцию обстоятельства образа действия: «*Освобождают киль и брюшную стенку*» «*разводя*» «*кожу за образовавшиеся концы*» – именно «*таким образом*». Но если «*кожу разводят...*», и в силу этого «*освобождают киль...*», «*таким образом*» – вводная конструкция, обособляемая с обеих сторон, как это подтверждается предложением-дериватом «*За образовавшиеся свободные концы кожу разводят, освобождая, **таким образом**, киль и брюшную стенку*».

Так же поступаем при трансформации исходного предложения «*С этой целью в узком станке одну боковую стенку делают подвижной, животное*

прижимается к неподвижной стенке и таким образом оказывается зафиксированным» [26, с. 88]. Если «животное оказывается зафиксированным», «прижимаясь к стенке», а не каким-то другим «образом», тогда «таким образом» – обстоятельство образа действия, не обособляемое на письме и не выделяемое паузой. Но если автор имел цель не только уточнить методы «фиксации животного», но подвести итог сказанного по поводу этих методов, то «таким образом» – обособляющаяся вводная конструкция.

Нарушение использования вставных конструкций

Вставные конструкции – слова, словосочетания и предложения, содержащие разного рода добавочные замечания, попутные указания, уточнения, поправки, разъясняющие основное предложение в целом или отдельные слова в нем (Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А., 2000: 365-366). Вставка не заложена во внутреннюю программу высказывания, а появляется как результат дополнительного ассоциирования. Так, исходное предложение «... *«Колокол» с первого дня своего издания и как минимум до 1862 года был органом либерального движения в России»* [15, с. 8] имеет вставную конструкцию «*и как минимум до 1862 года*». Она «попутно» указывает примерную дату, после которого «Колокол» уже не мог быть «*органом либерального движения...*». Из синтаксической структуры целого это предложение может выпасть, модального значения оно не имеет, не содержит указания на связь с другими сообщениями и в условиях основного предложения находится на месте. При получении предложения-деривата эту вставную конструкцию, по условиям обособления, мы должны выделить: «... *«Колокол» с первого дня своего издания, и как минимум до 1862 года, был органом либерального движения России*».

Принцип вставки в рассмотренном примере состоит в свободе включения части конструкции в состав высказывания. Это включение не влияет на связи его членов, при устном воспроизводстве письменной речи оно может произноситься отдельно от всего высказывания, иным (пониженным) тоном

или в убыстренном темпе. А поскольку данная вставная конструкция представляет собой попутное авторское замечание и в то же время поясняет отдельные слова в предложении («...до 1862 года... был органом...»), то выделить его можно и скобками: «... «Колокол» с первого дня своего издания (**и как минимум до 1862 года**) был органом либерального движения...».

Поскольку введение однородных, уточняющих, поясняющих членов – это осложнение на основе координации, постольку количество позиций при этом не увеличивается, но предложение осложняется и семантически, и синтаксически благодаря возникновению отношений между координирующими членами.

Неоправданное обособление или его отсутствие

Обособлением называют осложнение предложения с помощью синтагматического членения. Обособление – это только способ выражения некоторой синтаксической функции, но не сама функция. Говорить о причинах обособления правомерно, как считает А.Ф. Прияткина (1990:16), в целях обучения пунктуации, объясняя ту или иную расстановку знаков препинания. Мы же, вырабатывая механизм получения предложений-derivатов из исходных предложений, говорим и о причинах, и о функциях обособления.

Чрезмерное или, наоборот, недостаточное обособление или его отсутствие нередко вызывают двусмысленность высказывания. Так, смысл исходного предложения «*Именно решение этой интегральной задачи должно стать предметом сознательного контроля государства, его **структур общества в целом***» [18, с. 99] сводится к тому, что «...решение этой... задачи должно стать предметом... контроля государства» и «**структур**» всего «**общества**», то есть «**структур общества в целом**», «в целом общественных структур».

Существует ряд условий обособления (Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А., 2000: 348-354), среди которых – обособление дополнений. В данном случае мы имеем дело с однородными дополнениями, которые в предложении-деривате отделяются друг от друга запятой, чтобы ее отсутст-

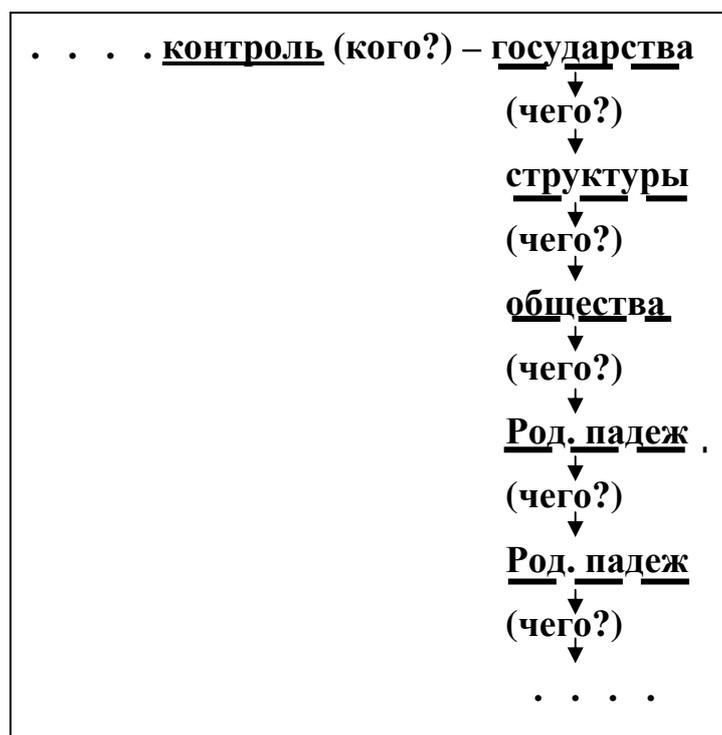
вие не внесло дополнительный смысл в общую конструкцию предложения: *«Именно решение этой интегральной задачи должно стать предметом сознательного контроля государства, его структур, общества в целом».*

Нанизывание падежных форм

Обращение к однородным членам может осложнять, «утяжелять» синтаксическую конструкцию: слишком длинный их перечень делает предложение громоздким. Затрудняет понимание текста, в частности, скопление одинаковых падежных форм, чаще всего встречается нанизывание родительного падежа (Головин Б.Н., 1980, Голуб И.Б., Розенталь Д.Э., 2003: 397).

Допустим, в предыдущем актуально-наличном тексте отсутствие обособления однородных дополнений не нарушает, согласно идее автора, смысловое содержание предложения, то есть имеются в виду *«структуры общества в целом».* Однако в нем все равно бы осталось нарушение языковой нормы, заключающееся в нанизывании форм родительного падежа существительных (*«контроля»* плюс *«государства»* плюс *«структур»* плюс *«общества»*), «цепочек» форм родительного падежа, возникающих при беспредложном управлении (Голуб И.Б., 2001: 291-292).

За пределами художественной речи такие варианты управления требуют редакторской правки, тем более что характера терминологических сочетаний они не несут (рис. 3.2). Допустим, что автор имел в виду *«структуры общества в целом».* Чтобы исключить неоправданное нанизывание форм родительного падежа существительных *«структур»* и *«общества»*, заменим их сочетанием *«общественных структур»*, «разбавив» цепочку форм родительного падежа существительных прилагательным *«общественных»:* *«Именно решение этой интегральной задачи должно стать предметом сознательного контроля государства, его общественных структур в целом».*

Рис. 3.2. Нанизывание, «цепочка» форм родительного падежа при беспредложном управлении

Заметим, что в выборе форм управления в данном тексте также допущено нарушение языковой нормы. Дело в том, что конструкция «*контроль государства, его структур общества в целом*» неоправданно представлена как беспредложная, в то время как существительное «*контроль*» требует управления творительным падежом («*контроль*» «за чем?»). Выбор деривационного механизма устранения этого нарушения основывается на употреблении вариантов управления с предлогом: «*Именно решение этой интегральной задачи должно стать предметом сознательного **контроля за государством, его общественных структур в целом***».

Нарушение словесного блока

Для последующего анализа нарушений языковой нормы нам предстоит оперировать таким понятием, как «оборот». Оборот – понятие более широкое, чем то, что мы обычно им называем («обособленный оборот»). Он не обязательно выделяется интонационно. Оборот – это член предложения, осложняющий простое предложение. Он может состоять из простой словофор-

мы или иметь сложный внутренний состав: один оборот может входить в другой (Прияткина А.Ф., 1990:17).

В различных стилях речи широко используются фразеологические обороты – устойчивые словосочетания, образующие смысловое единство. Функции их разнообразны. Так, в научных и официально-деловых текстах, в отличие от художественных, не выдвигаются на первый план их экспрессивно-стилистические особенности и средства выразительности – они употребляются главным образом как номинативные единицы терминологического характера. Как правило, фразеологические обороты воспроизводятся точно, в том виде, в каком они закрепились в языке (Розенталь Д.Э., 2004: 190-191).

Неправомерное же использование оборотов, например, без предлогов ведет, в свою очередь, к нарушению целостного словесного блока, соответствующего единому смыслу. Н.Д. Арутюнова (1976: 82-93), говоря о регламентированной лексической сочетаемости, находящей отражение в грамматической перифрастике, и о семантическом согласовании (семантической солидарности), обращает внимание на высокую степень вероятности выбора вариантов правки. У нас вероятность вариантов предложений-derivатов невелика, потому что правила, определяющие такие нарушения, строги – мы имеем дело с грамматической перифрастикой, идиоматикой, речевыми штампами, клишированными выражениями.

Значительные трудности возникают при установлении норм сочетаемости слов, при определении возможности или невозможности их соединения. Грамматическая сочетаемость слов определяется моделями современного русского литературного языка. При трансформации исходных предложений необходимо учитывать, что слова вступают в определенные отношения друг с другом на основе их лексической семантики. А.И. Смирницкий (1957: 53) называет это фразеологической сочетаемостью. По И.Б. Голуб (2000), это семантическая сочетаемость, потому что возможность соединения слов определяется их семантикой, отражает возможность соединения называемых слов понятиями.

Дело в том, что не все слова, обозначающие сочетаемые понятия, могут соединяться друг с другом. Сочетаемость слов с определенными значениями ограничена возможностями употребления только некоторых слов данного семантического ряда в соединении с другим. Поскольку оборот характеризуется функциональным единством, то наиболее часто происходит нарушение этого единства, о чем речь пойдет ниже.

Искажение и разрушение устойчивых оборотов

При решении проблемы искажения и разрушения устойчивых оборотов нас прежде всего интересует нормативная сторона сочетаемости слов в предложении. Наблюдения несвободной сочетаемости слов многочисленны (например, исследования фразеологов школы В.В. Виноградова). На их основе сформулированы правила образования сочетаний, не нарушающие лексического узуса (Арутюнова Н.Д., 1976: 82), и дан ответ на вопрос, является ли данное высказывание правильным по отношению к норме.

Фразеологические обороты большей или меньшей степени спаянности должны использоваться говорящими и пишущими как целостные словесные блоки, соответствующие единому смыслу. Поэтому, как правило, внутри исключается замена одних слов другими, близкими по значению. Подстановка или перестановка слов может мешать узнаванию идиомы и, следовательно, правильному восприятию ее смысла.

Искажение устойчивых оборотов, а зачастую их разрушение вследствие перемещения, контаминации компонентов близких по значению фразеологизмов, а также по причине пропуска, замены, вставки слов, приводит к нарушению логичности подаваемой информации и к неприятию текста адресатом. Рассмотрим несколько исходных предложений:

а) *«Проблемы, связанные с лечением дерматофитозов кошек, существовали всегда, но более пристальное **внимание к их решению** стали уделять с 1988 года»* [24, с. 36];

б) *«Существующая система контроля дает **возможность для оперативного анализа**»* [9, с. 25];

в) «За первое полугодие 2002 года в РФ было не допущено в реализацию 9/2 тыс. тушек птицы» [21, с. 156];

г) «Зерно ячменя *используется* не только на продовольственные и кормовые цели, но и для получения пива» [27, с. 27].

Значения выделенных слов реализуются только в соединении со строго ограниченным кругом слов (Ицкович В.А., 1968: 31-32), поэтому, чтобы получить предложения-дериваты, необходимо найти слова соответствующего семантического ряда:

а) «...более пристальное **внимание их решению** стали уделять...»;

б) «...**возможность оперативного анализа**»;

в) «...не допущено для реализации...»;

г) «...в продовольственных и кормовых **целях**».

Как утверждает Н.Д. Арутюнова (1976: 682), даже изменение порядка слов может поставить в тупик адресата речи, хотя в известных пределах варьирование в составе устойчивого оборота допустимо. Например, можно опустить некоторые элементы: «...возможность оперативного анализа», «внимание ... их решению» (тогда, заметим, «не уделять внимание», а «внимание приковано к...»). Однако, опять же, в подобных перифразах, эквивалентных глаголу, хотя и разложимых на два значения, варьирование компонентов (особенно глагольного) допустимо в очень узких, заданных пределах. За этими пределами оно воспринимается уже как нарушение нормы.

Нарушение списка управления

При создании предложений актуально-наличного текста трудности у авторов возникают при нормализации явлений, которые в структуре языка диктуются не моделью, а списком управления.

В сфере управления сильное влияние оказывают синтаксические ассимиляции, при которых особенно часто встречается отступление от языковой нормы, объясняющееся действием аналогии (Голуб И.Б., 1972). Таковы, на-

пример, случаи неоправданного выбора падежа зависимого слова под влиянием управления синонимических слов в исходном предложении «*Методическое пособие **предназначено студентам** факультета экономики и менеджмента*» [12, с. 3].

Управление – это вид подчинительной связи, при которой зависимое слово ставится в той падежной форме (без предлога или с предлогом), которая обусловлена лексико-грамматическим значением господствующего слова, поэтому «*адресовать*» можно «кому-то», а предназначать – «для кого-то» (Голуб И. Б., там же). Это условие выполнено в предложении-деривате «*Методическое пособие **предназначено для студентов** факультета...*».

Казалось бы, не существует принципиальной разницы между конструкциями «*для студентов*» и «*студентам*». Однако разница в оттенках их смыслового значения очевидна: если «*предназначено студентам*», значит, может быть «*использовано*» и другими «*читателями*», которым доступно «*данное учебное пособие*». «*Для студентов* – это предназначение, на наш взгляд, носит уже более четкий характер, конструкция означает более реальное осуществление.

Возможность равноправного употребления форм «кому-то» и «для кого-то» исключает В.А. Ицкович (там же, с. 92-93): «Конструкции с формами типа «мне» и «для меня»... противостоят друг другу. Дательный беспредложный в таких конструкциях называет адресата, объект, к которому направлен предмет. Родительный же с предлогом «для» называет лицо, для которого предназначен предмет»: «...*для студента*». При глаголе «*предназначать*», считает В.А. Ицкович (1982: 94), обычно употребляется форма дательного падежа существительного. (При глаголе «*предназначать*» в значении «адресовать», как в нашем случае, выступает, как правило, форма «для» плюс родительный падеж). В силу этих двух толкований употребление существительного в дательном падеже он считает несоответствующим норме, окказиональным (1982: 95). Сочетаемость компонентов клише, или словесных

штампов, Н.Д. Арутюнова (1976: 84) тоже не считает обязательным – как соответствующую, скорее, установившемуся узусу, чем норме.

Нарушения в конструкциях, содержащих постпозицию

Постпозитивный причастный оборот

Двузначность предложения, содержащего придаточное предложение с постпозицией, может быть вызвана различной соотнесенностью союзного слова «который».

Такого рода нарушения встречаются в таких конструкциях, как, например, в исходном сложном предложении с придаточным, вводимым словом «**который**»: «*Студенты проводят исследование животного, которое включает в себя сбор данных о воспроизводительной функции...*» [26, с. 63]. Придаточное предложение «*которое включает в себя сбор данных о воспроизводительной функции...*» может быть отнесено и к слову «*исследование*», и к слову «*животное*». Семантико-синтаксическое нарушение заключается в неправильном расположении придаточного определительного предложения в сложной конструкции. Такое построение, хотя оно по своему содержанию однозначно, нельзя считать стилистически правильным, «так как даже чисто внешняя, формальная возможность второго, «паразитного» чтения, ведет к возникновению неуместного, не предусмотренного автором каламбура» (Ицкович В.А., 1968). Так, если придаточное предложение отнести к слову «**животное**», это повлечет за собой грубое искажение смысла всего предложения: «*...Животное... включает в себя сбор данных...*» (рис. 3.3, 3.4).

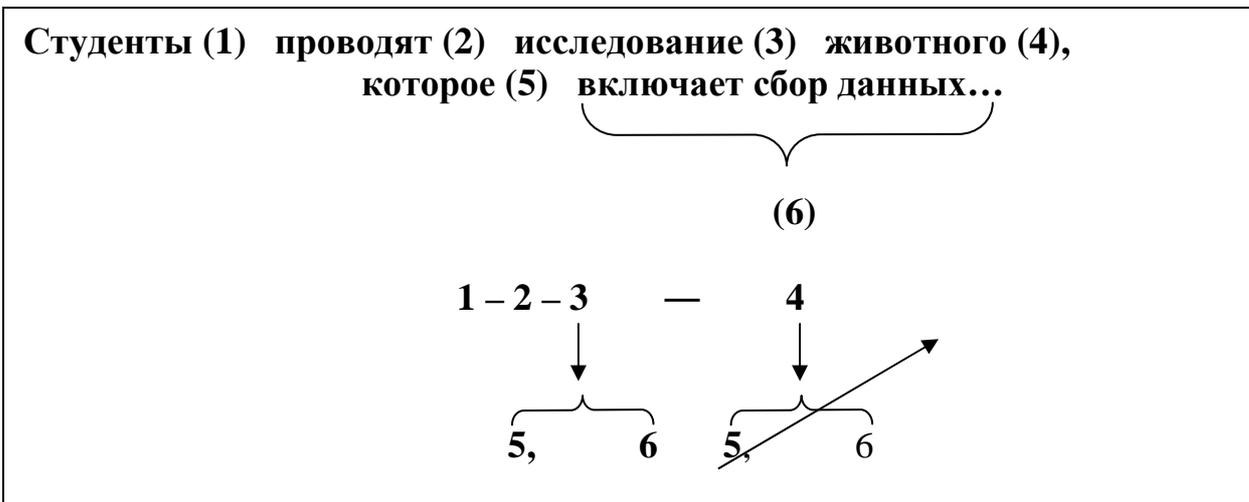

Рис. 3.3. Неправильное использование постпозитивного причастного оборота и деривационный механизм устранения нарушения

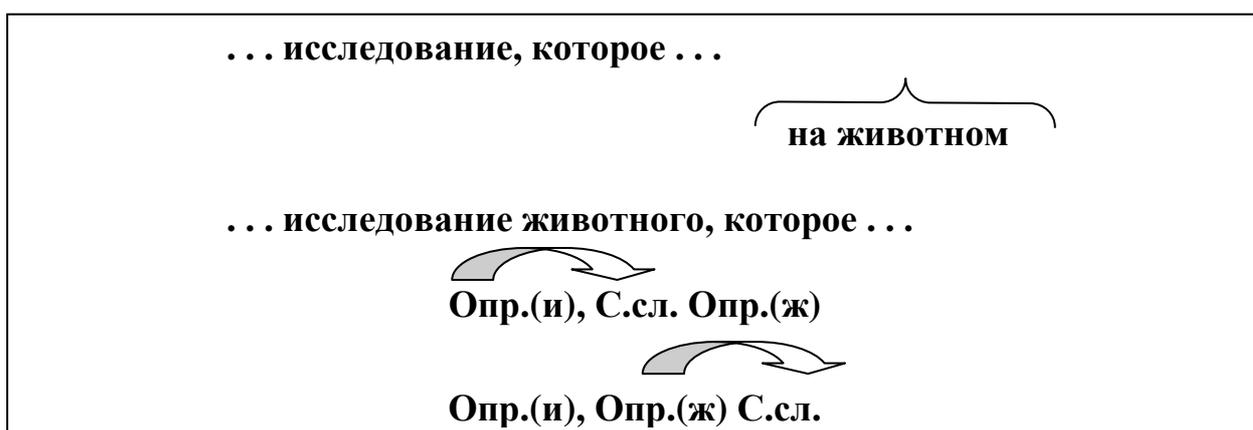

Рис. 3.4. Следствие нарушения языковой нормы при расположении придаточного предложения в сложной конструкции:

Опр.(и) – определяемое слово «исследование»;

С.сл. – союзное слово «которое»;

Опр.(ж) – определяемое слово «животное»;

↪ – отношение определительного слова

Двусмысленность снимаем двумя вариантами предложения-деривата:
«Студенты проводят **исследование** животного, **включающее** в себя сбор...» или «Студенты проводят исследование животного, **оно включает** в себя сбор...».

Отрыв причастного оборота от определяемого слова

Такие нарушения в параллельных синтаксических конструкциях, как отрыв причастного оборота от определяемого слова, то есть включение определяемого слова в структуру оборота, несут в исходном предложении дополнительный смысл: «*Пораженное место кислотой или щелочью необходимо протереть...*» [2, с. 38]. Заметим, что, наряду с отрывом причастного оборота от определяемого слова, автор допустил и другое нарушение. Так, обратный порядок слов вызывает подмену тезиса, а вместе с ней – и комическое восприятие текста: «*место поражено кислотой*» или это «*место*» необходимо «*протереть кислотой*»?

Двусмысленность снимаем в предложении-деривате сближением причастия и зависимого слова с определяемым словом: «*Пораженное кислотой или щелочью место необходимо протереть...*» или введением в конструкцию предложения причастного оборота: «*Место, пораженное кислотой или щелочью, необходимо протереть...*».

Подмена мысли

Речь должна отвечать законам логики, иначе логические недочеты становятся причиной такого нарушения нормы современного русского литературного языка, как подмена мысли (Голуб И.Б., Розенталь Д.Э., 1997: 18). Это происходит в том случае, когда пишущий или говорящий, начав рассуждение об одном, подменяет эту мысль другой, и предмет разговора становится иным: «*Таким образом, сам автор конституционного проекта предвзвешивает дискуссию по содержанию его детища с целью объяснить основную задачу, поставленную его опубликованием. Цель же заключается в одном – создать хоть какой-то прецедент, иметь в наличии хоть какую-нибудь теоретическую разработку, перед ожидаемым созывом Земского собора, чтобы ...двинуть русскую историю по тому пути, по которому уже идут европейские страны...*» [15, с. 25]. Первые фразы этого сообщения говорят о

цели *«объяснить основную задачу»*, с которой *«...автор... предваряет дискуссию...»*. Затем излагается только содержание этой цели, заключающейся в некой *«разработке»*. Дальше, в этом же предложении, говорит о другой цели – *«пути, по которому уже идут европейские страны»*, опустив *«основную задачу, поставленную... опубликованием»*.

Как видим, в результате подмены тезиса предмет разговора стал иным. Недаром в формировании высказывания большую роль играет пресуппозиция – совокупность предварительных знаний о предмете речи. Исследователи отмечают ее роль, когда *«предопределяет самое появление высказывания, она предопределяет также истинность или ложность высказывания»* (Гак В.Г., 1972). Закон тождества также гласит о том, что каждая мысль, которая приводится в данном умозаключении, при повторении должна иметь устойчивое содержание. Данные условия выполнены в полученном нами предложении-деривате *«Таким образом, сам автор конституционного проекта предваряет дискуссию по содержанию его детища с целью объяснить основную задачу, поставленную его опубликованием. Она заключается в одном – создать...»*.

Нарушение порядка слов в зависимости от тема-рематического членения

Инверсия

В реальном единстве языковой и речевой структуры предложения находит частное выражение общая взаимообусловленность языка и речи, предполагающих существование друг друга. Однако признание этого единства не предполагает и не оправдывает смешения разных аспектов синтаксической структуры предложения – семантико-синтаксического и композиционно-синтаксического – с экспрессивно-оценочным. Примеры можно найти в литературе, посвященной актуальному членению (Золотова Г.А., 1973).

Инверсия – прием, заключающийся в намеренном изменении обычного порядка слов с целью эмоционального, смыслового выделения какой-либо

части высказывания. Инверсия является сильным средством создания эмпатической интонации. Усиление действенности речи с помощью инверсии далеко не всегда является оправданным в учебном тексте, как было отмечено нами выше. Если прямой порядок слов, как правило, не имеет стилистического значения, то инверсионный всегда стилистически значим. Поэтому мы считаем уместной инверсию лишь за пределами исследуемого материала.

Явление инверсии часто имеет место в случае использования притяжательного местоимения, как, например, в исходном предложении *«Цель занятия – познакомить студентов с источниками получения шерстяного сырья, экологическими типами шерстных волокон и гистологическим строением их»* [2, с. 20]. В результате трансформации этого предложения подтверждаем, что для кульминационного слова *«строением»*, несущего логическое ударение, естественным является положение *«их»* в препозиции: *«...гистологическими типами шерстных волокон и их гистологическим строением»*.

Этот вывод действителен только для известных условий (Золотова Г.А., 1973) монологической, повествовательной, «спокойной» речи. Если же «спокойное» сообщение характеризуется постановкой кульминационного слова, скажем, в начале предложения, в отличие от выводов П.С. Попова (1961: 3), то оно имеет оттенок некой поэтичности, что в учебном тексте недопустимо (Адамец П., 1966).

Употребление предложения в речи обязательно требует приспособления его грамматической структуры к выражению той или иной информации. В этом состоит актуальное членение высказывания, под которым следует понимать смысловое членение, существенное для данного контекста или ситуации.

При актуальном членении высказывание делится на две части. В первой части содержится ранее известное – тема высказывания, во второй – то, что сообщается о ней, то есть рема. Сочетание темы и ремы составляет предмет сообщения. Связь тема-рематического членения с порядком слов в предложении весьма тесная: тема обычно занимает первое место, рема – второе.

Понятия прямого и обратного порядка слов означают, таким образом, последовательность расположения темы, ремы и их компонентов (Валгина Н.С., 1991: 149). При прямом порядке слов тема находится на первом месте в предложении, а рема – на втором, и употребление подлежащего на втором месте говорит о том, что оно является ремой, так как заключает новую информацию.

Таким образом, в свете учения об актуальном членении высказывания, при редактировании текстов учебной литературы мы руководствуемся измененными понятиями прямого и обратного порядка слов в предложении: к прямому порядку слов относятся все случаи перехода от темы к реме. Так, для автора исходного предложения «*Стоит простое определение непосредственно перед именем существительным, а пояснительные слова – между артиклем и простым определением*» [13, с. 3] целью являлось усиление интонационного внимания к реме – месту «*простого и пояснительного определений*». Поэтому более оправданной является препозиция подлежащего в предложении-деривате «*Простое определение стоит непосредственно перед именем существительным, а пояснительные слова – между артиклем и простым определением*». Для придаточного предложения в исходном «*Внешняя среда, в объектах которой могут отдельные виды микроорганизмов вести сапрофитический образ жизни, считается источником возбудителя инфекции*» [5, с. 53] также оправданной является препозиция подлежащего, которая стала возможна в предложении-деривате «*...отдельные виды микроорганизмов могут вести сапрофитический образ жизни...*».

Вышеназванный порядок слов традиционно рассматривается как прямой в отличие, например, от порядка слов исходного предложения «*Была сформулирована в записке программа необходимых преобразований*» [15, с. 15]. Однако в русском языке немало конструкций с прямым порядком слов, в которых подлежащее должно быть постпозитивным и в которых сказуемое является темой. Тогда правомерной является препозиция подлежащего в предложении-деривате «*Программа необходимых действий была сформулирована в записке...*».

Неоправданное место логического ударения

Критерием того или иного порядка слов Г.А. Золотова считает место логического ударения (1973: 335-348). По ее мнению, место логического ударения не зависит от порядка слов, и для кульминационного слова, несущего логическое ударение, естественнее положение в конце предложения. В этом случае порядок слов помогает выявлению логического ударения. Мы же, осуществляя деривационную процедуру, наоборот, выявляем место логического ударения для восстановления правильного порядка слов, потому что его нарушение влияет на изменение семантического значения предложения.

Рассмотрим исходное предложение «А ты какую общественную работу выполнял *еще* в институте?» [1, с. 89]. Проведем эксперимент, заключающийся в передвижении логического ударения с одного слова на другое (Золотова Г.А., там же): «А какую *еще* общественную работу ты выполнял в институте?». Становится очевидным, что речь идет не об одном «поручении» в «общественной работе» (рис. 3.5).

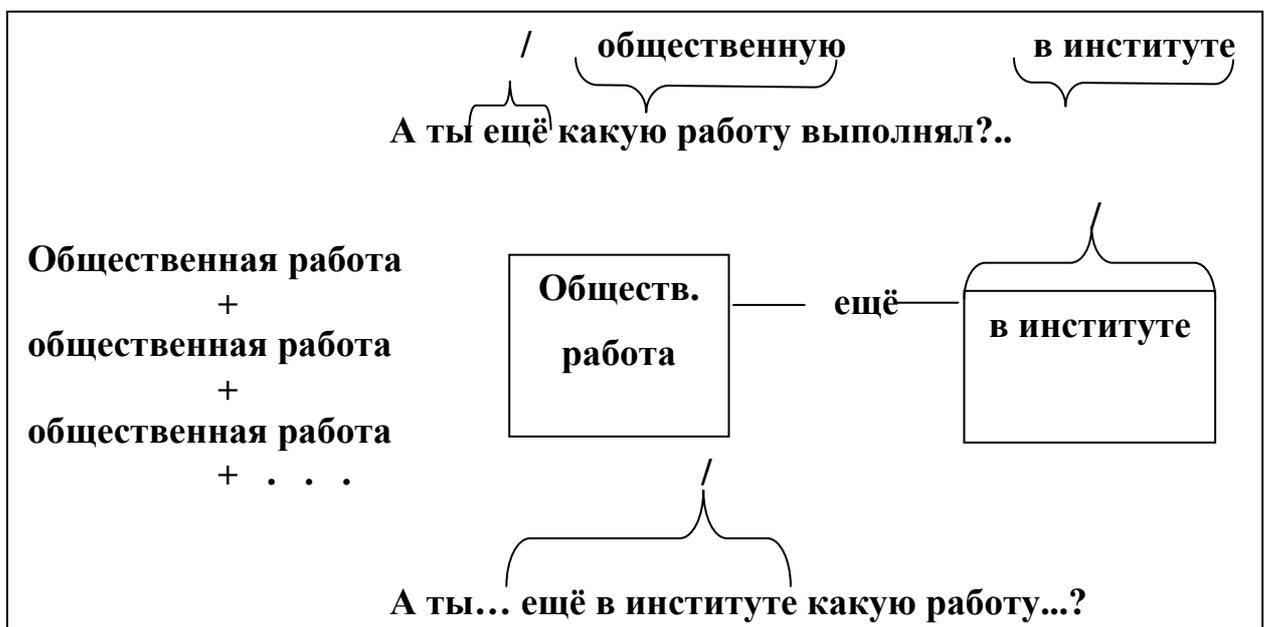

Рис. 3.5. Неоправданное использование логического ударения и варианты семантического значения в зависимости от его местонахождения

Если же автор имел в виду *«работу»*, выполняемую *«еще в институте»*, то порядок слов в его предложении правомерен. Постпозиция предикации *«еще»* по отношению к определяемому слову *«работу»* меняет смысл предложения: спрашивающий интересуется, какую работу выполнял его собеседник, учась (или работая) *«еще в институте»*. Однако коммуникативной задачей является выяснение того, *«какую работу еще», кроме известной спрашивавшему, выполнял его собеседник*. Выполнение этой задачи становится возможным, если предикация *«еще»* примет препозицию по отношению к определяемому слову: *«А ты еще какую работу выполнял в институте?»*, хотя, по мнению А.Ф. Прияткиной (1990), в таких случаях характерной является постпозиция к определяемому слову, а возможность препозиции здесь очень ограничена.

Препозиция и постпозиция подлежащего

Исключение для вышеназванного правила составляют конструкции с препозицией или постпозицией подлежащего, которые мы выбираем, учитывая характер изложения материала. Так, в учебном тексте порядок слов, выполняя важную смысловую функцию, подчеркивает смысловое членение текста. В силу этого следующие предложения начинаются не с подлежащего, а с обстоятельства, дополнения или предикативного члена: *«С особым пристрастием она (философия) всматривается в человека, ибо все, что сегодня угрожает человеку, создано его умом и руками...»* [3, с. 47]; *«При наличии перекиси водорода в молоке появляется синий цвет, а при отсутствии цвет не изменяется»* [21, с. 42].

В книжном стиле преобладают иные конструкции: подлежащее, как правило, препозитивно, причем в тексте обычно повторяются однотипные конструкции. Поэтому в исходном предложении *«Ячмень является культурой универсального использования. Его зерно используется не только в продо-*

вольственных и кормовых целях...» [27, с. 27] построение высказывания способствует предельной ясности формулировок, а также служит достижению единообразия в изложении. Это, в свою очередь, приводит к строгой стандартизации языковых средств, характерной для учебного текста.

Связанная предикация

Связанная предикация предполагает отнесенность к подлежащему (или иному члену с функцией субъекта), хотя, с другой стороны, она свободна в отношении порядка слов. Инверсионная препозиция значима и функционально нагружена. При взаимодействии порядка слов с синтаксической позицией сложилась продуктивная модель осложненного предложения, построенного по схеме, отраженной на рисунке 3.6.

П / П, П + С

*Рис. 3.6. Схема продуктивной модели осложненного предложения:
П / П – полупредикативный член; П – подлежащее; С – сказуемое*

В исходном предложении *«Изучающие иностранный язык они стремятся овладеть еще одним способом участия в коммуникации»* [13, с. 59] нарушение, допущенное в связанной предикации, в предложении-деривате устраняется отделением ее запятой: *«Изучающие иностранный язык, они стремятся овладеть еще одним способом участия в коммуникации»*. Это предложение осложнено главным из принципов формальной организации – двухуровневым синтаксическим строением. Его нарушение, в свою очередь, ведет к иному, чем задано коммуникативной ситуацией, смысловому сгустку. В исходном же предложении это отношение сочетания *«изучающие иностранный язык»* к остальному составу предложения.

3.2. НАРУШЕНИЕ ЗАКОНА ПРОТИВОРЕЧИЯ

Согласно закону противоречия (Голуб И.Б., Розенталь Д.Э., 1997:19), не могут быть одновременно истинными противоположные смыслы об одном и том же предмете, взятом в одно и то же время в одном и том же отношении.

Рассмотрим исходное предложение *«При сезонных тутовых опросах в хозяйствах на зиму не остается поросят-сосунов и отъемышей. Откорм производится в теплое время года – **меньше затрат труда**»* [2, с. 19].

Утверждения, содержащиеся в этом сообщении, противоречивы. В первом из них говорится, что *«в хозяйствах на зиму не остается поросят-сосунов»*; во втором отмечается, что их *«откорм производится летом»*, но из двух приведенных утверждений лишь одно может быть истинным.

Вторая часть исходного предложения представляет собой следствие того, о чем говорится в первой части: *«Откорм производится в теплое время года»*, потому что *«на зиму не остается поросят-сосунов и отъемышей»*. Но *«откорм производится в теплое время года»* и потому, что в это время затраты труда не такие большие, как зимой, что в конечном итоге влияет, **в свою очередь**, и на наличие зимой *«поросят-отъемышей»*. Поэтому, осуществляя ортологическую процедуру, следует распространить вторую часть исходного предложения и тем самым получить два предложения-derivата: *«При сезонных тутовых опросах в хозяйствах на зиму не остается поросят-сосунов и отъемышей. По этой причине откорм производится в теплое время года, **когда меньше затрат труда**»*.

Речевая избыточность, или многословие

Речевая избыточность – повторная передача одной и той же мысли. Наиболее часто это явление обнаруживается при навязчивом объяснении всем хорошо известного факта.

Сложные синтаксические конструкции с различными видами сочинительной и подчинительной связи – частое явление в произведениях книжного стиля, так как они выражают многообразные причинно-следственные, условные, временные и другие связи в тексте. В то же время многочленное предложение может оказаться тяжеловесным, и это затруднит восприятие текста, сделает его стилистически громоздким. Однако (Голуб И.Б., Розенталь Д.Э., 1997: 14) было бы глубоким заблуждением считать, что всегда предпочтительнее короткие, «легкие» фразы. Так, рассуждения, например, на философские, экономические, политические, сельскохозяйственные, технические темы, как правило, требуют усложненного синтаксиса.

Речь распространенная, плавная дает читателю ясное представление о происходящем, о постепенности и неизбежности изображаемого процесса. Поэтому автору необходимы навыки искусного построения сложных синтаксических конструкций или их возможное упрощение для успешного восприятия их адресатом.

Рассмотрим исходное предложение с признаками речевой избыточности *«Следовательно, в мае у коров будет первый месяц лактации и сумма дойных месяцев составит 9, и в графе «май» записываем 9/9, в июне пойдет второй месяц лактации, сумма дойных месяцев 18, и в графе «июнь» по горизонтали записываем 9/18 и т.д. до конца года»* [2, с. 11]. Деривационным механизмом ортологической процедуры по отношению к данному предложению изберем свертывание суждений до возможно более простых, учитывая, что одно из назначений учебного текста – не только давать информацию, но и учить логичности мышления.

В результате свертывания этого суждения до более простого получим несколько предложений-дериватов. В них восстанавливается значение последовательности действий, которым должен следовать адресат, пользующийся данным текстом: *«Следовательно, в мае у коров будет первый месяц лактации, и сумма дойных месяцев составит 9. В графе «май» записываем 9/9. В июне пойдет второй месяц лактации, и сумма дойных месяцев составит 18.*

В графе «июнь» по горизонтали записываем 9/18, и т.д. до конца месяца». Данное предложение допускает и другой механизм ортологической процедуры. Это выработка навыка соотнесения смысловых звеньев на протяжении всего текста, на его участках, значительно или незначительно отдаленных друг от друга, а также умения восстанавливать пропущенное смысловое звено. Сравним части исходного предложения «...сумма дойных месяцев 18» и предложения-деривата «сумма дойных месяцев составит 18». Без восстановления тире или слова «**составит**» «сумма дойных месяцев 18» приобретает несколько «каламбурный» смысловой оттенок: «сумма 18». В таком случае становится неясным, что обозначает число «18». Правило же соотнесения смысловых звеньев на протяжении текста, его участках, значительно отдаленных друг от друга, находит применение, когда нарушен синтаксический строй предложения, что, в свою очередь, нарушает его семантический смысл.

Нарушение синтаксического строя предложения

Многочисленны нарушения в построении синтаксических конструкций, в которых имеет место немотивированный пропуск того или иного члена в составе предложения, нарушающий его структуру и искажающий смысл высказывания. Такой немотивированный пропуск одного из элементов приводит к неадекватности понимания содержания. Ортологическая процедура при этом требует восстановления пропущенного члена предложения.

Речевая избыточность в строе предложения

Рассмотрим исходные предложения актуально-наличного текста

«Переходный волос характеризуется наличием прерывистого сердце-видного слоя.

Чешуйчатый слой – состоит из плоских ороговевших клеток (чешуек) различной величины, формы и расположения.

Корковый слой – из длинных веретенообразных клеток.

Сердцевидный слой – образован рыхлорасположенными клетками...» [2, с. 27].

Смысловые звенья «*Корковый слой – из длинных веретенообразных клеток*» и «*Сердцевидный слой – образован...*» значительно отдалены от первого смыслового звена «*Переходный волос характеризуется наличием прерывистого сердцевидного слоя*». На месте пропущенного элемента третьего звена «*состоит*» постановка тире ошибочна, и избыточным является употребление сказуемого «*образован*».

Г.А. Золотова (1982: 183) подобное нарушение считает «полупредикативным осложнением модели, его «полисубъектным» построением, когда в качестве вторичного именного предиката функционируют признаки «синтаксемы, способные быть предикатами простых моделей»: «*Корковый слой – это длинные веретенообразные клетки*». Однако, по нашему мнению, тире было бы, возможно, оправдано в поэтической речи для усиления эмоционального значения, но в вышеназванном актуально-наличном тексте оно стало причиной речевой избыточности в самом строе предложения и вследствие этого – некоторого нарушения смыслового значения.

3.3. КАЛАМБУРНОСТЬ РЕЧИ

Поскольку важнейшее условие хорошей речи – логичность, то мы должны заботиться о том, чтобы наша речь не нарушала логических законов, состояла из конкретных суждений. Если эти требования не соблюдены, предложение может принять вид каламбура – не предусмотренного автором, лишенным «чутья» (Голуб И.Б., 1973: 68), варианта предложения, предполагающего «паразитное», нелепое чтение. Причиной неуместного комизма и абсурдности высказывания может быть неудачный порядок слов, стилисти-

чески неоправданная инверсия, мешающая правильному пониманию текста (Ицкович В.А., 1968: 83).

Каламбуры, приводящие к комическому восприятию текста (что исключается уже предназначением его как учебного), встречаются в анализируемом нами материале гораздо реже и сводятся к следующим причинам.

Использование неуместного предлога

В.Г. Гак, один из первых среди отечественных лингвистов обратившийся к изучению семантической сочетаемости, исходит из того, что в значении соединенных между собой слов должен присутствовать один и тот же смысловой компонент. Ошибки на управление не только нарушают языковую норму и придают речи нежелательную стилистическую окраску. Нарушение норм управления заключается в использовании неправомερных предлогов, и чтобы устранить их, необходимо «переделывать все предложение», отказываясь от предлогов, ставших причиной ошибки (Гак В.Г., 1998).

В процессе ортологической процедуры по отношению к исходному предложению *«В начале каждого года по всем коровам, имеющимся в хозяйстве на 1 января, записывают кличку, индивидуальный номер, даты запуска, отела, осеменения, а также данные за последнюю лактацию»* [2, с. 3] необходимо устранить предлог *«по»*, вносящий оттенок каламбурности, исправить управление зависимым словом с соответствующим управлением: *«В начале каждого года записывают кличку каждой коровы, имеющейся в хозяйстве на 1 января, ее индивидуальный номер, дату запуска, отела, осеменения, а также данные за период ее последней лактации»*.

Неоправданное использование предлога «из-за»

в качестве категории состояния

В исходном предложении *«До сих пор экономика неблагоприятна для сельского хозяйства из-за механизма цен»* [12, с. 155] сказуемое представле-

но категорией состояния: «экономика неблагоприятна», то есть предложение выражает оценку некоторого явления по его отношению к другим явлениям или лицам. Это явление – «механизм цен», и семантика его определяется причинно-следственной связью частей: «экономика неблагоприятна», потому что «механизм цен» не отвечает каким-то требованиям. Предложение выражает суждение о классе событий, а не о конкретных фактах. Естественным же для русского языка способом выражения субъектной пропозиции в таком предложении служит придаточное предложение с союзом, например, «когда», неоправданно утратившим свое значение в данном случае. Поэтому семантически более оправданным является предложение-дериват «До сих пор экономика неблагоприятная для сельского хозяйства, когда механизм цен не отвечает определенным требованиям» или «Причиной неблагоприятной экономики... является механизм цен...».

Нарушение синтагматики текста

Формально-синтаксически полупредикативное отношение может ничем не отличаться от атрибутивного, кроме интонации (Прияткина А.Ф., 1990: 23). Однако интонация может выступать как показатель синтаксического значения: наличие или отсутствие паузы между, например, прилагательным и существительным релевантно (синтаксически значимо). Такая пауза – знак синтаксической расчлененности, свидетельствующий о том, что признак приписывается предмету. Как выразитель полупредикативного отношения, интонация в данном случае играет роль грамматического показателя. Поэтому полупредикативный член представлен отдельной синтагмой – обособлен.

Синтагматика текста обнаруживается в «законах» межфразовой сочетаемости, в наличии особых внутритекстовых связей. Однако связность и логику текста (Бабенко Л.Г., 2000: 256) нарушает, в свою очередь, неоправданная постановка знаков препинания, как, например, в исходном предложении «*Рассчитайте, сколько потребуется лошадей в одноконной упряжке для пе-*

ревозки шести тонн груза по грунтовой дороге (коэффициент сопротивления 0,07). На расстояние 10 километров» [2, с. 34]. Ср. с предложением-дериватом «Рассчитайте, сколько потребуется лошадей... по грунтовой дороге... на расстояние 10 километров».

Аграмматизм

Исходное предложение вышеназванного актуально-наличного текста можно отнести и к категории деграмматикализованных несвязных текстов (Бабенко Л.Г.), состоящих из набора его ключевых слов. Это явление относится к аграмматизмам, так как нарушенная связность восстанавливается из того же набора: *«Рассчитайте, сколько потребуется лошадей в одноконной упряжке для перевозки шести тонн груза по грунтовой дороге (коэффициент сопротивления 0, 07) на расстояние 10 километров».*

«Искусственность» отглагольных существительных

Отглагольные существительные широко используются в различных стилях языка. А поскольку они значительно распространены в качестве терминов, образованных всевозможными способами, в науке и технике, в официально-деловой речи, в заголовках, то довольно часто их можно встретить в исходных предложениях учебных текстов.

Нельзя не согласиться с Д.Э. Розенталем (2004: 326) в том, что несомненное преимущество конструкций с отглагольными существительными – это их краткость. Однако им присущ и ряд недостатков, связанных с тем, что отглагольные существительные лишены, как правило, значений времени, вида, залога, или их употребление зачастую придает канцелярский характер высказыванию.

В письменной речи возможны также искусственные образования, созданные по определенной модели, но не принятые в литературном языке и не оправданные коммуникативным заданием. Это характерно, например, для

исходного предложения «Своеобразная и качественная разделка пласта многолетних трав дисковыми орудиями, **недопущение** его глубоких иссушающих обработок гарантируют урожай яровой пшеницы не хуже, чем по паровому предшественнику» [28, с. 119]. Поиск деривационного механизма осуществляем путем различного рода замен (Голуб И.Б., 1973: 60). Так, в предложение-дериват можно ввести придаточное предложение и деепричастный оборот: «**Чтобы гарантировать урожай яровой пшеницы не хуже, чем по паровому предшественнику, необходимо производить своеобразную и качественную разделку пласта многолетних трав дисковыми орудиями, не допуская** его глубоких иссушающих обработок». Такой же механизм используем при трансформации исходного предложения с отглагольным существительным «При негласном аукционе покупатели подают акционисту заранее установленные знаки согласия на **поднятие** цены» [12, с. 98], заменяя его глаголом «**поднять**: «При негласном аукционе покупатели подают акционисту заранее установленные знаки о согласии **поднять** цену».

Перечисление несопоставимых понятий

Данное нарушение нормы современного русского литературного языка характерно для исходного предложения «Машины укомплектованы соответствующим оборудованием, оснащением и **специально обученным персоналом**» [28, с. 45].

Имя предмета, считает Н.Д. Арутюнова (1976: 383), обычно скрывает за собой пропозицию, в которую оно должно быть развернуто для правильной интерпретации смысла предложения. Имя лица в той же функции фигурирует с большим правом, не требуя с необходимостью преобразования в пропозицию». Однако прежде чем трансформировать это предложение, рассмотрим причастие логического значения «**оборудован**», указывающее на описание ситуации (а не между ситуациями). «Роль лица» по отношению к событию (там же, с. 149), как видим, преобладает над ролью неодушевленных предме-

тов («оборудования»). Поэтому используем механизм не «сближения», как предлагает Н.Д. Арутюнова, этих событий, а наоборот, разграничения, отделения их один от другого, изменяя (увеличивая) объем предложения и трансформируя его в две части предложения-деривата, отделенные знаком препинания: *«Машины укомплектованы соответствующим оборудованием, оснащены необходимыми материалами, **предназначены** для передвижения специально обученного персонала».*

Неуместность деепричастного оборота

При неумелом использовании деепричастного оборота возникает немало нарушений норм современного русского литературного языка. Деепричастие с распространителями, составляющее оборот, выступает в предложении как дополнительная характеристика субъекта, указывающая на процессуальный признак. Она предполагает другой предикативный признак того же субъекта, который является основным (Прияткина А.Ф., 1990: 25).

Неоправданное использование деепричастного оборота приводит не только к изменению семантического значения предложения и логики его построения, но и к комическому восприятию высказывания.

Несовпадение производителей действия

Зачастую исходное предложение построено так, что производитель действия, обозначенного сказуемым, и производитель действия, обозначенного деепричастием, не совпадают: *«Учитывая негативное отношение руководителей министерств к негосударственной системе образования, **государственные заказы размещаются** только в государственных вузах»* [19, с. 125].

В данном случае возможны два варианта предложения-деривата. Во-первых, деепричастный оборот заменяем обстоятельством условия – сочетанием второстепенных членов предложения *«**При учете** негативного отношения руководителей министерств к негосударственной системе образова-*

ния государственные заказы размещаются только в государственных вузах». Во-вторых, «сближаем» производителей действия, считая, что условно «кто-то» «размещает заказы...»: **«Учитывая негативное отношение руководителей министерств к негосударственной системе образования, государственные заказы размещают только в государственных вузах».**

Несоответствие действия лицу

В исходном предложении *«Учитывая недостаток финансовых средств, у нас появилась необходимость создания методических разработок на кафедрах»* [9, с. 13] подлежащее и сказуемое *«появилась необходимость»*, связанные грамматически и логически, обозначают состояние, не зависящее от воли действующего лица, обозначенной деепричастным оборотом *«Учитывая недостаток финансовых средств»*. В процесс ортологической процедуры восстанавливаем эту зависимость, вводя подлежащее во вторую часть предложения-derivata: **«Учитывая недостаток финансовых средств, мы посчитали необходимым создание методических разработок на кафедрах».**

Отсутствие указания на субъект действия

В исходном предложении *«Учитывая низкую платежеспособность населения, это весьма проблематично»* [12, с. 79], в его части *«это весьма проблематично»*, отсутствует даже косвенное указание на субъект действия. Трансформировав эту часть предложения, осложним его причастным оборотом с указанием субъекта действия: *«Учитывая низкую платежеспособность, мы знаем, что это весьма проблематично»*. Второй механизм ортологической процедуры заключается во введении второстепенных членов предложения (обстоятельства условия): *«При учете низкой платежеспособности это весьма проблематично»*. Заметим, что приемлемым вариантом является тот, который наиболее отвечает замыслу автора при создании текста.

Неуместный эллипсис

С предложениями, имеющими пропущенные слова, успешно конкурируют предложения неполные, имеющие четкую функционально-стилевую закрепленность и яркую экспрессивную окраску. В таких предложениях обозначены лишь целевые слова и высказывания. Все остальное восполняется текстом, речевой ситуацией. Разнообразные эллипсы, использованные в заглавиях, в наше время стали синтаксической нормой в их структуре, считает И.Б. Голуб (2001: 353, 448). Нельзя не согласиться с ней в том, что они формулируют мысль в предельно сжатой форме, обладают функционально-стилевой и экспрессивной окраской, что и останавливает внимание читателя.

Увлечение неполными предложениями, присущее многим авторам издающейся учебной литературы, таит в себе, однако, некоторую опасность семантико-синтаксического нарушения языковой нормы. В таких текстах могут возникнуть неясность, эстетическая неполноценность.

Это происходит, в частности, при обращении к контекстуально-неполным предложениям, представляющим собой реплики и ответы, что, как показало наше исследование, встречается в учебных текстах в следующих случаях.

Неоправданная постановка тире

Неуместный эллипсис не только делает конструкцию неполноценной или перегруженной экспрессивностью, но и провоцирует неверное толкование, например, такого исходного предложения: *«Хлопьев нет – молоко пастеризованное при температуре выше 80 градусов. При наличии хлопьев молоко сырое или пастеризованное при низких температурах»* [21, с. 43]. Следовательно, нужно уточнить авторскую мысль и в зависимости от нее перестроить предложение, заменив его полным, значительно уступающим исходному в экспрессии, имеющим или сказуемое со значением движения, побуждения, желания, бытия, восприятия, речи и др., или другие члены предложения, исключаящие оттенок эмоциональности, не присущий учебному тек-

сту: *«Если хлопьев нет, значит, молоко пастеризовано при температуре выше 80 градусов. Наличие хлопьев говорит о том, что молоко сырое или о том, что оно пастеризовано при низких температурах»* [21, с. 32].

Неоправданная постановка тире в исходном предложении *«Органолептически – определяют цвет, запах, вкус, консистенции...»* придает ему оттенок некой поэтичности, неуместной в учебном тексте. Логическое ударение должно, по замыслу автора, падать не на паузу, образованную постановкой тире, а на *«органолептический способ определения цвета, запаха и т.д.»*, как в предложении-деривате *«Органолептически определяют цвет, запах, вкус, консистенцию...»*.

Пропуск тире

Пропуск тире в неполных предложениях, представляющих собой части сложносочиненного и сложноподчиненного предложений, используется авторами во избежание повторения однотипных структур: *«Цвет мяса и его морфология недостаточно надежные критерии видовой принадлежности мяса»* [2, с. 41]. Пояснительные отношения, заключающиеся в том, что *«цвет мяса и его морфология – недостаточно надежные критерии...»*, устанавливаясь между членами ряда, на письме обозначаются постановкой тире, как в предложении-деривате *«Цвет мяса и его морфология – недостаточно надежные критерии видовой принадлежности»*.

Актуально-наличный текст *«Первый раздел – «О государственной области» – включает в себя две статьи. Второй раздел – «Права русского гражданства» наиболее объемный в документе, насчитывает 28 статей»* [15, с. 23] осложнен особыми синтаксическими отношениями – пояснительными, которые устанавливаются между членами ряда *«Первый раздел – ...»* и *«второй раздел – ...»*. Мы имеем дело с конструкцией, образуемой с помощью эквивалентной союзу интонации. Такой она стала, потому что значима как показатель некоторого семантико-синтаксического отношения (Прияткина А.Ф., 1990: 176). В данном предложении, с постановкой тире, но без сою-

за, выражаются пояснительные отношения, и поэтому получены такие предложения-дериваты: *«Первый раздел – «О государственной власти» – включает в себя две статьи. Второй раздел – «Права русского гражданства» – наиболее объемный в документе – насчитывает 28 статей».*

ВЫВОДЫ

Семантика начинается там, где существует возможность выбора, а в русском языке такая возможность постоянно возникает при обращении к различным структурным типам предложений, при употреблении параллельных синтаксических конструкций, при использовании различных способов актуализации отдельных частей высказывания и т.п.

Важный аспект синтаксической семантики представляет собой оценка синтаксических средств языка, выявляющая их функционально-семантическую закрепленность и семантическую возможность.

Рассматривая нарушения норм современного русского литературного языка на семантико-синтаксическом уровне, мы остановились на тех, которые, в свою очередь, нарушали смысловую сторону созданного автором текста.

Выяснены условия, при которых стали возможны нарушения, исходя, в свою очередь, из нарушений законов тождества и противоречия:

1. Двусмысленность предложений:

- пунктуационная доминанта;
- нарушение степени распространенности второстепенного члена;
- неправильное употребление конструкций уточнения, пояснения, присоединения, вводных слов и словосочетаний, вставок.

2. Нанизывание форм родительного беспредложного падежа. Объяснить это явление можно спецификой учебных текстов, тем, что при формулировке того или иного факта возникает потребность в перечислении терминов.

3. Искажение и разрушение устойчивых оборотов вследствие контаминации его компонентов.

4. Нарушения в постпозитивных конструкциях, ведущие к искажению смыслового сгустка предложения, к комичности его восприятия, к возможности двоякого чтения.

5. Подмена тезиса – неприемлемое для учебного текста явление: адресат, подменяя первоначальную мысль, оформленную в предложении, другой мыслью, также нарушает закон тождества, играющий важную роль в правильности восприятия текста высказывания.

6. Неправомерный выбор места для логического ударения, ведущий к двоякому толкованию речи.

7. Связанная предикация, которая влечет иное, чем задумано автором, восприятие содержания предложения.

8. Речевая избыточность, которая, в свою очередь, вызвана использованием неуместного предлога, нарушением синтагматики текста, явлением аграмматизма.

9. Неуместность деепричастных оборотов, объясняемая несоответствием действия лицу, отсутствием указания на субъект действия.

10. Эллипсис стал возможным в предложениях исследуемого текста по причине неоправданной постановки тире или, наоборот, его пропуска.

Исследование, проведенное с выявлением нарушений норм современного русского литературного языка на семантико-синтаксическом уровне, показало, что полученные нами предложения-дериваты находятся в прямой зависимости от той семантической рамки (Золотова Г.А., 1973: 133), в которую «вставлены» предложения исходные. В процессе ортологической процедуры мы попытались определить эту рамку, заполнив ее определенным деривационным механизмом. Исходя из ее содержания, мы трансформировали исходные предложения в предложения-дериваты, представив их возможные варианты в зависимости от авторской «идеи».

Устранение выявленных семантико-синтаксических нарушений осуществлялось с помощью следующих механизмов.

1. Исключение условий, при которых стало возможно двойное чтение предложений, посредством такого дериватора, как предотвращение пунктуационной доминанты: устранение нарушений в обособлении уточнений, пояснений, присоединительных, вводных, вставных конструкций; восстановление словесного блока, списка управления, порядка слов и др.

2. Преодоление речевой избыточности за счет восстановления синтаксического строя предложения.

3. Восстановление синтагматики текста, преодоление аграмматизма, использования «искусственных» отглагольных существительных, исключение перечисления несопоставимых понятий, неуместных деепричастных оборотов и т.п. с целью предотвращения каламбурности речи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главный результат диссертационной работы заключается в следующем.

Разработан деривационный механизм ортологической процедуры. Этот механизм представляет собой несколько групп деривационно-мотивированных этапов последовательности, обеспечивающих устранение этих нарушений.

Содержание понятия ортологической процедуры наполнено такими компонентами, как анализ, прогнозирование, выявление нарушений, их устранение посредством деривационного механизма, введение производного варианта в текст и контроль за его реализацией.

Применительно к материалу нарушений синтаксических норм, использованному в данном исследовании, группы деривационно-мотивированных этапов сформированы в такой последовательности:

- выявление нарушений синтаксических норм;
- анализ причин их нарушений на собственно-синтаксическом и семантико-синтаксическом уровнях;
- прогнозирование возможных последствий этих нарушений для восприятия адресатом;
- анализ степени отклонений от норм и прогнозирование ее последствий;
- выработка механизмов устранения выявленных нарушений;
- теоретическое обоснование целесообразности этих механизмов;
- трансформация предложений-дериватов из исходных предложений;
- контроль за работой деривационного механизма на этапах создания всех возможных вариантов предложений-дериватов.

При разработке и применении деривационного механизма ортологической процедуры мы исходили из убеждения в том, что современный этап книгоиздательского дела требует развития теории норм современного рус-

ского литературного языка, теоретического обоснования практики устранения нарушения этих норм.

Деривационный механизм ортологической процедуры разрабатывался нами при учете следующих условий коммуникативной среды:

во-первых, участниками этой среды являются исходные предложения и предложения-дериваты;

во-вторых, дериватором в ортологической процедуре является то средство, которое вводится в исходное предложение или извлекается из этого предложения. С помощью дериватора происходит трансформация исходного предложения в предложение-дериват. Иными словами, действие деривационного механизма имеет направление по схеме «исходное предложение → предложение-дериват»;

в-третьих, результат осуществления ортологической процедуры оценивается критериями правильности/неправильности, уместности/неуместности, оправданности/неоправданности.

Главным является критерий соответствия тем требованиям, которые диктуются особенностями восприятия учебного текста и вытекающими из этого требованиями его качествами. Этим требованиям отвечают доказательность, достоверность, идентичность, истинность, конкретность, логичность, модальность, обоснованность, объективность, однозначность, определенность, правильность, связность, системность, содержательность, точность изложения. Нарушают эти требования такие качества учебного текста, как искусственность, хаотичность, эклектичность, напряженность.

Степень восприятия адресатом учебного текста зависит от наличия или отсутствия этих и других качеств.

Проведенный эксперимент показал, что для учебной коммуникации в процессе восприятия письменной речи большое значение имеет соблюдение собственно-синтаксических и семантико-синтаксических норм современного русского литературного языка. Нарушение их влияет на содержательную

сторону понимания, сказывается на скорости чтения и запоминания предложений учебного текста.

Обозначение структуры текстовой деятельности схемой

Т авт. → Т ред. → Т.адр.

позволило сделать вывод о том, что на третьей ступени (Т адр.) эта деятельность завершается при условии коммуникативной целесообразности предложенного текста.

Достижение результатов исследования потребовало совершенствования методики устранения нарушений синтаксических норм. В работе эта методика получила название деривационной и включила в себя описательно-аналитический, деривационный и трансформационный методы, а также метод моделирования и метод лингвистического эксперимента.

В диссертации разработаны теоретические основы деривационного аспекта ортологической процедуры. В соответствии с этим они дают возможность:

- провести ее теоретический анализ;
- осуществить ее необходимые этапы в работе с исследуемым материалом на собственно-синтаксическом и семантико-синтаксическом уровнях;
- разработать ее деривационный механизм применительно к каждому из названных уровней;
- построить классификацию нарушений синтаксических норм, на практике показывающих действие деривационного механизма по их устранению.

Укажем наиболее частотные нарушения синтаксических норм, составившие классификацию типов этих нарушений.

1. На собственно-синтаксическом уровне это синтаксический параллелизм; инверсия; синтаксическая недостаточность предложения; смещение его конструкций; нарушение фразеологической спаянности компонентов предложения; смешение прямой и косвенной речи; нарушение категории предложения и др.

2. На семантико-синтаксическом уровне это двоякое чтение предложения, вызывающее явление пунктуационной доминанты. Она, в свою очередь, влечет за собой нарушение степени распространенности второстепенного члена предложения, нарушения в обособлении присоединительных, вводных, вставных конструкций, неоправданное обособление или его отсутствие, нанизывание падежных форм, нарушение словесного блока, подмену мысли, нарушение порядка слов и др.

Нарушение закона противоречия ведет к речевой избыточности, к нарушению синтаксического строя предложения. Каламбурность становится возможной в силу неуместного использования предлога, явления аграмматизма, «искусственности» отглагольных существительных, перечисления несопоставимых понятий, неуместности деепричастного оборота.

Специфика выявления и устранения обнаруженных нарушений синтаксических норм объясняется назначением учебного текста, главное из которых – обеспечение оптимального учебно-образовательного процесса.

Механизмами, устраняющими выявленные нарушения синтаксических норм, стали:

а) на собственно-синтаксическом уровне – исключение синтаксического неравноправия внутренних связей при однородных членах предложения в целях преодоления синтаксического параллелизма; установление прямого порядка слов в предложении; восстановление нарушенного строя предложения для устранения разнотипности частей высказывания; устранение неуместного употребления словоформ, порождающих смещение конструкций; правомерное использование управления, обозначения скрещивающихся понятий; оправданное использование союзов и др.;

б) на семантико-синтаксическом уровне это преодоление пунктуационной доминанты, неправомерного использования конструкций с пояснением, уточнением, присоединением, вводными словами и т.д.; предотвращение двоякого толкования речи путем оправданного определения места логического ударения в предложении; исключение нанизывания форм родительного

беспредложного падежа за счет правомерного перечисления терминов, использующихся в учебных текстах, и др.

В процессе трансформации исходных предложений в предложения-дериваты определены специальные дериваторы, т.е. элементы, посредством которых осуществлялась эта операция.

При осуществлении ортологической процедуры, посредством поэтапного применения деривационного механизма устранения выявленных нарушений, показана неприемлемость учебного текста в авторской редакции. Результаты исследования подтвердили необходимость изложения авторами своих мыслей в соответствии с нормами современного русского литературного языка и проведения качественной редакторской обработки учебного текста.

Перспективы исследования видятся в разграничении нарушений, которые могут иметь место в любом тексте, и нарушений, обнаруженных в исследуемом материале.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абызова В.Н., Муравенко Е.В. Трансформационный подход к проблеме деривации // Теоретические аспекты деривации: Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1982. С. 91-106.
2. Актуальные проблемы культуры речи: Сб. статей / Под ред. В.Г. Костомарова и Л.И. Скворцова. М.: Наука, 1970.
3. Алексеева М.И., Гаранина Н.С., Накорякова К.М. Методика редактирования (техника правки, виды правки). М., 1975. Вып. 1.
4. Алексеева М.И., Гаранина Н.С., Накорякова К.М. Методика редактирования (логические основы редактирования, работа над композицией, описание как вид текста). М., 1976. Вып. 2. С. 4-29.
5. Антонова С.Г., Тюрина Л.Г. Учебник как проблема // Университетская книга. М., 2001.
6. Апресян Ю.Д. Языковая аномалия: типы и функции // Res PHILOLOGICA. Филологические исследования. М.-Л., 1990.
7. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
8. Астафьева Н.И. Сложносочиненное предложение / Т.Г. Козырева, Н.И. Астафьева // Современный русский язык: Понятие о сложном предложении. 2-е изд. Минск, 1987. 159 с.
9. Ахманова О.С., Бельчиков Ю.А., Веселитский В.В. К вопросу о правильности речи // Вопросы языкознания. 1960. С. 35-42.
10. Ахманова О.С., Бельчиков Ю.А., Веселитский В. Об основных понятиях нормы (ортология) // НДВШ. Филологические науки. М., 1965. № 4. С. 88-98.
11. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.
12. Бахтин М.М. Этика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.

13. Белошапкина В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.
14. Богин Г.И. Схемы действия читателя при понимании текста. Калинин, 1989.
15. Богин Г.И. Филологическая герменевтика. Калинин, 1982.
16. Буга П.Г. Вузовский учебник: создание, выпуск, распространение / Буга П.Г. М.: Книга, 1987. 158 с.
17. Буга П.Г. Создание учебных книг для вузов: Справочное пособие. 3-е изд. М., 1993.
18. Былинский К.И., Розенталь Д.Э. Литературное редактирование. 2-е изд., испр. и дополн. М.: Искусство, 1961. 351 с.
19. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2001. 304 с.
20. Валгина Н.С. Теория текста: Учеб. пособие. М.: Логос, 1993. 280 с.
21. Валгина Н.С. Трудные вопросы пунктуации. М., 1983. С. 26-155.
22. Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю. Русский язык и культура речи: Учеб. пособие. для вузов. Ростов-на-Дону, 2001.
23. Вербицкая Л.А. Давайте говорить правильно: Пособие по русскому языку. 2-е изд., испр. и дополн. М., 2001.
24. Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю. Русский язык и культура речи: Учеб. пособие для вузов. Ростов-на-Дону, 2001
25. Виноградов В.В. Проблемы речи и некоторые задачи русского языка // Вопросы языкознания. 1964. № 3. С. 18.
26. Волкова Л.А. Как нужно писать учебники для вузов? Советы издателя // Университетская книга. 1998. № 4. С. 26-27.
27. Вьюкова Т.В. 85 радостей и огорчений. Размышления редактора. М.: Книга, 1986.
28. Гавранек Б. О функциональном расслоении литературного языка // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
29. Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. М., 1972. С. 363-366.

30. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
31. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.
32. Гаранина Н.С. Работа редактора над фактическим материалом. М., 1963.
33. Голев Н.Д. Варьирование деривативных контекстов как способ выявления и изучения потенциала деривационного функционирования слова // Явление вариативности в языке. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 83-85.
34. Голев Н.Д., Шкуропацкая М.Г. Спецификация и деривационное слово в системе понятий деривационной лексикологии // Вестник Барнаульского педагогического университета. Сер.: Гуманитарные науки. Вып. 2. 2002. С. 13-17.
35. Головин Б.Н. Основы культуры речи. М., 1980.
36. Головин Б.Н. Основы культуры речи. 2-е изд., испр. М., 1988.
37. Голуб И.Б. Работа редактора над звуковым строем речи: Учеб. пособие. М., 1973. 79 с.
38. Голуб И.Б. Работа редактора над лексикой. М., 1977.
39. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. Изд. 3-е, испр. М.: Рольф, 2001. 448 с.
40. Голуб И.Б. Стилистическая правка рукописи. М., 1988.
41. Голуб И.Б., Розенталь Д.Э. Книга о хорошей речи. М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997. 268 с.
42. Голуб И.Б., Розенталь Д.Э. Русский язык и культура речи: Учеб. пособие. М.: Логос, 2003. 432 с.
43. Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б., Ягубова М.А. Русский язык и культура речи: Учебник для студентов-нефилологов. Саратов, 2001.
44. Горалек К. О теории литературного языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XX. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. М.: Прогресс, 1988. С. 21-37.

45. Горбачевич К.С. Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971.
46. Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1981.
47. Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. М.: Просвещение, 1989.
48. ГОСТ 7.60-90. Издания. Основные виды. Термины и определения // Стандарты по издательскому делу. М., 1998. С. 174-191.
49. Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка: Грамматика и варианты. М.: Наука, 1980. 288 с.
50. Граудина Л.К. Грамматическая правильность русской речи: стилист. слов. вариантов / Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская. М.: Наука, 2001. 557 с.
51. Гречихин А.А., Древис Ю.Г. Вузовская учебная книга. Типология, стандартизация, компьютеризация. М.: Логос, 2000. 256 с.
52. Гречихин А.А. Теоретическое учебное пособие: что показал смотр-конкурс вузовских изданий // Университетская книга. 1998. № 4. С. 23.
53. Данеш Ф. Позиции и оценочные критерии при кодификации // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XX. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. М.: Прогресс, 1988. С. 281-295.
54. Деминова М.А. Синтаксические приемы диалогичности в публицистических текстах В.М. Шукшина (риторический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002.
55. Едличка А. Литературный язык в современной коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XX. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. М.: Прогресс, 1988. С. 38-134.
56. Едличка А. Теория языковой культуры сегодня. Там же. С. 260-270.
57. Едличка А. Типы норм языковой коммуникации. Там же. С. 135-149.

58. Езолка И.А. Семантика лексической единицы в словаре и синонимический ряд // Теоретические проблемы семантики и ее отражение в одноязычных словарях. Кишинев: «Штиинца», 1982. С. 136-140.
59. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 159 с.
60. Жинкин Н.И. Язык – речь – творчество: Исслед. по семантике, психоллинг., поэтике. М., 1998.
61. Жукова А.Г. Ортологический аспект курса «Русский язык и культура речи» // Проблемы высшего технического образования: Концептуальные основы преподавания русского языка: Межвузовский сборник. Вып. 19. Новосибирск, 2001. С. 19-24.
62. Жукова А.Г. Ортология в теоретическом и прикладном рассмотрении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002.
63. Жукова А.Г. Ортология: Практикум для студентов-филологов 1-го курса. Ч. 1. Новосибирск, 1999. 55 с.
64. Жукова А.Г. Параметры нормативной оценки, или «Кто все это придумывает?» // Языковая ситуация в России начала XXI века: Матер. Междунар. науч. конф. Кемерово, 2002. Т. 1.
65. Жукова А.Г., Кашкорова Г.М., Мандрикова Г.П. Ортология: Курс лекций. Новосибирск, 2004. 157 с.
66. Западов А.В. От рукописи к печатной странице: О мастерстве редактора. М., 1982.
67. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 367 с.
68. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 351 с.
69. Золотова Г.А. Роль ремы в организации и типологии текста // Синтаксис текста. М., 1979. С. 103-112.
70. Золотова Г.А. Синтаксический словарь. М., 1998. С. 430-432.

71. Ицкович В.А. Очерки синтаксической нормы. М.: Наука, 1982. 199 с.
72. Ицкович В.А. Языковая норма. М., 1963.
73. Ицкович В.А. Языковая норма. М., 1968.
74. Кацнельсон С.Д. Порождающая грамматика и принцип деривации // Проблемы языкознания. М., 1967.
75. Качала Я. Аспекты совершенствования литературного языка // Новое в зарубежной лингвистике. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. М.: Прогресс, 1988. С. 271-280.
76. Кондаков Н.И. Логический словарь. М., 1971. С. 89-92.
77. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи... 3-е изд., испр., доп. СПб.: Златоуст, 1999. 320 с.
78. Костомаров В.Г., Леонтьев А.А. Некоторые теоретические вопросы культуры речи // ВЯ. 1966. № 5.
79. Кочиш Ф. Границы литературного языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XX. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. М.: Прогресс, 1988. С. 220-231.
80. Кубрякова Е.С. Коммуникативный аспект речевой деятельности. М., 1986.
81. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.
82. Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. Теория деривации и ее место в системе лингвистических дисциплин // Теоретические аспекты деривации: Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1982. С. 7-19.
83. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Очерки по лингвистике. М., 1962.
84. Лазарева Э.А. Заголовок в газете. Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1989. 96 с.
85. Лазарева Э.А. Рекламный текст как вид мифологической коммуникации // Человек – коммуникация – текст. Барнаул, 2002. Вып. 5. С. 15-24.

86. Лазарева Э. А. Системно-стилистические характеристики газеты. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 1993. 168 с.
87. Левицкий Ю.А. О типах синтаксических преобразований // Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистики. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1991. С. 37-39.
88. Левицкий В.В. Семантическая деривация: универсальность или специфичность? // Теоретические аспекты деривации: Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1982. С. 53-61.
89. Леонтьев А.А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации // Синтаксис текста. М., 1979.
90. Леонтьев А.А. Признаки связности и цельности текста // Лингвистика текста: Материалы науч. конференции. М., 1974. Ч. 1. С. 168-172.
91. Литературное редактирование / Т.В. Чернышова. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. С. 3-20.
92. Лопатин В.В. Малый толковый словарь русского языка / В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. М.: Рус. яз., 1990.
93. Макагонова Н.В. Авторское право: Учеб. пособие. М.: Юрид. лит., 2000. 285 с.
94. Марковская В.И. Преобразование предложений в процессе редактирования текста на синтаксическом уровне (на занятиях по русскому языку и культуре речи) // Русский язык и культура речи как дисциплина государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования: опыт, проблемы, перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 134-139.
95. Марковская В.И. О типах нарушений собственно-синтаксической нормы и путях их устранения при редактировании текстов учебной литературы // Материалы Первой российской научно-практической конференции с международным участием «Редакторские чтения-2004». Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2004. С. 59-62.

96. Марковская В.И. Нарушения языковой нормы на семантико-синтаксическом уровне и способы их устранения при редактировании текстов учебной литературы // Вузовская наука – сельскому хозяйству: Сборник статей. В двух книгах. Книга 2. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2005. С. 348-351.
97. Мечковская Н.Б. Ранние восточнославянские грамматики. Минск, 1984.
98. Мильчин А.Э. Культура издания: Как не надо и как надо делать книги: Сб. статей и заметок. М.: Логос, 2002. 222 с.
99. Мильчин А.Э. Культура книги: Что делает книгу удобной для читателя: Справ. пособие / А.Э. Мильчин. М.: Кн. палата, 1992. 224 с.
100. Мильчин А.Э. Методика редактирования текста. М.: Книга, 1980.
101. Мильчин А.Э., Чельцова Л.К. Справочник издателя и автора. 2-е изд., исправ. и дополн. М.: Олма-Пресс, 2003. 799 с.
102. Мурзин Л.Н. Лингвистическое моделирование и деривация в речевой деятельности // Деривация в речевой деятельности. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1990. С. 4-10.
103. Мурзин Л.Н. О деривационных механизмах текстообразования // Теоретические аспекты деривации. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1982. С. 20-28.
104. Мурзин Л.Н. Полевая структура языка // Фактическое поле языка. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. С. 9-14.
105. Мурзин Л.Н. Синтаксическая деривация. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1974. 170 с.
106. Мурзин Л.М., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 171 с.
107. Мучник Б.С. Основы стилистики и редактирования. Ростов-на-Дону, 1997.
108. Мучник Б.С. Человек и текст. Основы культуры письменной речи. М.: Книга, 1985. 252 с.

109. Мышкина Н.Л. Динамико-системное исследование смысла текста. Красноярск, 1991.
110. Назарян А.П. К информационному анализу понятия текста // Научно-техническая информация. 1972. № 2.
111. Накорякова К.М. Литературное редактирование: Общая методика работы над текстом: Практикум. 3-е изд., расшир. и перераб. М.: Икар, 2002. 431 с.
112. Накорякова К.М. Литературное редактирование информационных заметок. М., 1980.
113. Накорякова К.М. Литературное редактирование материалов массовой коммуникации. М., 1994. С. 41-55.
114. Новиков А.И. Семантика текста и формализация. М., 1983.
115. Основы теории текста: Учеб. пособие / Под ред. А.А. Чувакина. Барнаул: Изд-во АГУ, 2003. 179 с.
116. Педагогический энциклопедический словарь. М., 2002. С. 301-302.
117. Пешковский А.М. Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы. РЯНШ. 1969. № 2. С. 157.
118. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
119. Подготовка и издание литературы в АГАУ: Рекомендации в помощь автору / В.И. Марковская. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2000. 36 с.
120. Попов П.С. О логическом ударении // ВЯ. 1961. № 3.
121. Потехина А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1-2. М.: Учпедгиз, 1958.
122. Прияткина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. М., 1990. 176 с.
123. Рахманина И.И. Письма начинающему редактору. М., 1995.
124. Ремизова М. Норма или исключение? Размышления редактора // Книжное обозрение. 1989. № 1.

125. Реферовская Е.А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. М., 1989.
126. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М.: Наука, 1990. 136 с.
127. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. М.: Айрис-Пресс, 2004. 362 с.
128. Розенталь Д.Э. Справочник по пунктуации. М.: Книга, 1984.
129. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык: Учеб. пособие. М.: Рольф; Айрис-пресс, 2000. 448 с.
130. Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова М.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1999.
131. Российская педагогическая энциклопедия. М., 1999. С. 480-486.
132. Санников В.З. Русские сочинительные конструкции: Семантика, Прагматика. Синтаксис. М.: Наука, 1989.
133. Сахарный Л.В. Актуальное членение и компрессия текста (к использованию методов информатики в психолингвистике) // Теоретические аспекты деривации: Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1982. С. 29-37.
134. Сенкевич М.П. Литературное редактирование: (лингвостил. основы) / М.П. Сенкевич, М.Д. Феллер. М.: Высш. школа, 1968. 365 с.
135. Сикорский Н.М. Теория и практика редактирования / Н.М. Сикорский. 2-е изд., испр. и дополн. М.: Высшая школа, 1980. 328 с.
136. Сильницкий Г.Г. Теория деривации и ее место в системе лингвистических дисциплин // Теоретические аспекты деривации: Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1982. С. 3-6.
137. Сиротинина О.В. Современная разговорная речь и ее особенности. М.: Просвещение, 1974. 144 с.
138. Скворцов Л.И. Теоретические проблемы культуры речи. М., 1980.
139. Смирницкий А.И. К вопросу о слове (проблема «отдельности» слова) // Вопросы теории и истории языка. М., 1956.

140. Смирнова Е.Н. Автор и система книги. М.: МИФИ, 2003. 60 с.
141. Смирнова Е.В., Федотова З.Н. Издательская деятельность в современном вузе. М., 2001. 183 с.
142. Сунцова Н.Л. Лингвистическая модель порождения вторичного текста: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1995. 22 с.
143. Филин Ф.П. Несколько слов о языковой норме и культуре речи // Вопросы культуры речи. Вып. 1. М., 1955. С. 14.
144. Фишер Э. Академический учебник в Германии: обзор // Учебник третьего тысячелетия: создание, издание, распространение: Материалы Второй международной науч.-практич. конференции 18-20 июня 2002 г. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2002. С. 27-39.
145. Храковский В.С. Деривационные отношения в синтаксисе // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М.: Наука, 1969. С. 138-147.
146. Храковский В. С. Синтаксический анализ предложений с позиции деривационной теории // Теоретические аспекты деривации: Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1982. С. 44-52.
147. Храковский В.С. Трансформация и деривация // К проблеме семантической синтагматики. М., 1971. С. 380.
148. Чернышова Т.В. Понимание текста: внеязыковые (психофизиологические) и собственно языковые (коммуникативные) факторы // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 108-117.
149. Чернышова Т.В. Публицистический текст в аспекте интерпретационного анализа // Вестник Барнаульского гос. педаг. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. Вып. 2. 2002. С. 24-28.
150. Чувакин А.А. Деривационные отношения как тип межтекстовых отношений (к предмету текстодериватологии) // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1998. С. 23-24.

151. Чувакин А.А. Заметки об объекте современной филологии // Человек – коммуникация – текст. Вып. 3. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 3-10.
152. Чувакин А.А. Об условиях функционирования текста // Человек – коммуникация – текст. Вып. 5. Барнаул, 2002.
153. Чувакин А.А. О предмете и структуре синтаксиса современного русского языка // Филологический ежегодник. Вып. 4. Омск: ОмГУ, 2002. С. 19-23.
154. Чувакин А.А., Бровкина Ю.Ю., Волкова Н.А., Никонова Т.Н. К проблематике деривационной текстологии // Человек – коммуникация – текст. Вып. 4. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 5-28.
155. Шапиро А.Б. Современный русский язык. Пунктуация: Учеб. пособие. М.: Просвещение, 1974. 287 с.
156. Шпаковская Е.Е. Нормативный аспект научно-учебного юридического текста: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Челябинск, 2000. 26 с.
157. Щерба Л.В. Теория русского письма. Л.: Наука, 1983. 134 с.
158. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
159. Шищенко П.Л. О динамическом аспекте языка // Теоретические аспекты деривации: Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1982. С. 38-43.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Апеньшева Л.Г. Добро и зло как нравственные категории. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2002.
2. Гетманец В.Н. Частное животноводства. Барнаул: Изд-во АГАУ, 1998.
3. Гусева А.А. Деконструкция технократизма. Барнаул: Изд-во АГАУ, 1999.
4. Гуславский И.И. Детерминированные закономерности в инфекционном и эпизоотическом процессах. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2003.
5. Гуславский И.И., Апалькин В.А., Густокашин К.А. Краевая эпизоотология инфекционных болезней, основы прогнозирования, профилактики и борьбы с ними. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2004.
6. Гуславский И.И., Апалькин В.А. Общая эпизоотология. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2003.
7. Даренская Н.А., Буянкина Н.Н. Культура речи. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2002.
8. Евтефеев Ю.В., Малиновских А.А. Методы определения урожайности сенокосов и пастбищ. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2005.
9. Загороднев Ю.Ф., Земзюлина В.Д. Совершенствование организации и контроля за самостоятельной работой студентов. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2004.
- 10 Колесниченко И.Д. История ветеринарии Алтайского края. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2003.
11. Колесниченко И.Д. Сиреневая даль. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2005.
12. Ковалева И.Г. Международный маркетинг. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2005.
13. Косачева Т.А., Парпура О.А. Немецкий язык для студентов заочного обучения. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2002.
14. Кроневальд О.В., Борисенко Н.Е. Особенности организации и технологии внутрихозяйственного убоя выбракованного поголовья маралов на промышленном убойном пункте. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2003.

15. Колупаев Д.В. Конституционное общественное движение в России на рубеже 1850-1860-х гг. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2004.
16. Колупаев Д.В. У истоков русского демократического конституционализма. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2002.
17. Колупаев Д.В. Уставная грамота русского государства. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2004.
18. Малиновский А.В. Экологическая ответственность. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2002.
19. Макушева Г.Н., Мочалова Л.А., Шавандина О.Н. Конкуренция на рынке образовательных услуг. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2002.
20. Маренин В.В. Картина мира и ее роль в научном познании. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2002.
21. Мезенцев С.В. Определение свежести продуктов животноводства и объектов охотничьего промысла. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2002.
22. Рядинская Н.И. Морфология поджелудочной железы маралов в онтогенезе. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2004.
23. Тананушко Л.В. История русской культуры. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2003.
24. Тугунова Т.Б., Глотова Т.И. Эффективность применения грицеофульвина, кетоконазола, интраконазола и турбинафина при микроспории кошек. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2003.
25. Фанненштиль А.А. Кадровое планирование развития сельских территорий Алтайского края. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2003.
26. Федотов С.В. Гинекология и андрология домашних животных. Барнаул: Изд-во АГАУ, 1999.
27. Яшутин Н.В. Земледелие в Сибири. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2004.
28. Яшутин Н.В. Энергоресурсосбережение в земледелии. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2000.
29. Луницын В.Г. Ветеринарно-санитарная, товарная характеристика и оценка продукции пантового оленеводства. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2005.